

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

2. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

16.02.12

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Сулиман МУСАЕВ. *Вкус айвы*. Рассказ.....2
Мохьмад АЛИЕВ. *Кха*. Дийцар.....8
Хожбауди БОРХАДЖИЕВ. *Стена*. Повесть.....18
Магомед ЦУНЦАЕВ. *Заживо погребенные*. Рассказ.....55

ПОЭЗИЯ

- Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Сага о депортации*. Стихи.....6
Марем НОХЧИЕВА. *С именем – Нохчийчов*. Стихи.....15
Адиз КУСАЕВ. *Из цикла «Новые стихи»*.....48
Шамиль ХАДЖИМУРАДОВ. *Даруй нам, Господи, смиренье!* Стихи.....52
ТАМИЯ. *Бойн гуьйре*. Стихаш.....60

ДЕБЮТ

- Анзор ЭЛМУРЗАЕВ. *Милость*. Стихи.....57
Элиза КУРКАЕВА. *Предвкушение мечты*. Рассказ.....58

ПУБЛИЦИСТИКА

- Кати ЧОКАЕВ. *О военном лихолетье*.....64
Саламбек АЛИЕВ. *Двадцать третье*.....70

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

- Малика ЕЖИЕВА. *Все это было*.....72

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Исмаил МУНАЕВ. *Сказитель-илланча*.....77
Мохьмад ГАКАШЕВ. *Лейчана или*.....78

КУЛЬТУРА

- Абдулла ГАПАЕВ. *...И родился театр*.....83

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- ПЦ «МЕМОРИАЛ». *Судьба неизвестна*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Таиса ТЕРЛОЕВА. *Творчество для души*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Сулиман Мусаев

Вкус айвы

Рассказ

*Памяти дяди Нурди, умершего
в трехлетнем возрасте, чей
могильный холмик затерялся в
бескрайних
степях Кустаная*

– Нани¹, – повернулся к матери Мовли, – я проголодался!

Мать в это время пришивала очередную латку к его штанишкам. Она встала, взяла алюминиевую чашку и налила в нее из маленькой кастрюли, стоящей на печи, последний черпак «супа» – вареную на воде ячмень, приправленную разными травами. Мовли быстро опустошил чашку и огляделся – кушать было нечего. Мать отложила в сторону его штаны, надела старую телогрейку и вышла, наказав:

– Присмотри за мальчиком, я на ферму – коров пора доить.

Нурди болел. Хоть этой осенью ему исполнялось три года, он до сих пор «не нашел ноги», то есть не начал ходить. Раньше, когда он был здоров, ползал на четвереньках и гукал, теперь же просто лежал, вращая своими черными глазенками, и лишь иногда постанывал. Даже на плач не хватало сил.

Мовли потускнел. Не любил он сидеть дома с братиком. Хотелось на улицу, играть с казахскими, немецкими, русскими ребятами. Там, во время игр, и чувство голода как-то притуплялось. Кушать-то хотелось всегда. Мовли и не помнит, чтобы когда-нибудь досыта наедался. В лучшем случае дома находилось – как сегодня – чем заглушить голод, если матери удавалось принести что-нибудь с работы или выпросить у соседей.

Мальчик взобрался на стул и стал смотреть в окно, бросая иногда взгляд в сторону спящего, тяжело дыша, брата. На улице солнечно. Легкие порывы ветерка поднимают, кружа, пыль. В тени дремлет собака. Заметив скачущего верхом коменданта, Мовли пригнулся. Недавно Нурди стало плохо и мать осталась дома, не вышла на работу. Так к ним явился этот комендант и долго ругался, размахивая руками и брызгая слюной. Через некоторое время, выглянув и заметив, что комендант уже далеко, Мовли продолжил наблюдать за улицей. Вот с полными ведрами проходит Совлен, соседка-казашка, и у него невольно текут слюнки.

Прошлой весной Мовли сидел во дворе, играя своим единственным альчиком.

– Мишка! – окликнул его кто-то.

Подняв голову, он увидел Совлен. Она поставила на землю сумку и, достав из нее, протянула ему что-то круглое, с красноватыми боками.

Не зная, что это, Мовли растерянно заморгал.

– Бери, бери, не стесняйся, – вложила она ему в руки гостинец.

– Пасиб! – засмуцавшись, произнес он, а Совлен, устало улыбнувшись,

взяла сумку и ушла домой.

Мовли стремглав забежал домой и протянул руку с подарком матери, которая в это время топила печь кизяком²:

– Нани, а что это?

Мать обернулась и удивленно спросила:

– Где ты это взял?

– Совлен дала.

– Это яблоко.

– Яблоко? – Мовли понюхал фрукт. – А его кушать можно?

– Конечно, можно. Да вознаградит Всевышний Совлен за ее доброту. Кушай на здоровье.

– Отрежь и себе, нани.

– Нет, я не хочу, – мать отвернулась к печи.

Мовли надкусил яблоко и зажмурился – такой вкуснятины он никогда не пробовал.

Вечером, разгрызя последнее семечко яблока, которое он ел целый день, растягивая удовольствие, Мовли спросил:

– А откуда берутся яблоки, нани? Из чего их делают?

Мать улыбнулась:

– Не из чего. Они растут на деревьях.

– А почему они не растут на наших деревьях? – удивился мальчик.

– Они растут не на всех деревьях, только на яблонях. Здесь их нет. А сколько их было на Кавказе! Какие сочные были! – мать, уйдя в воспоминания, сузила глаза. – Настоящим раем был наш Кавказ, настоящим раем! Что там только ни росло на деревьях – яблоки, груши, абрикосы, сливы, хьайбы³...

Мовли расхохотался:

– Ты что, нани? Как может хьайба расти на дереве?! Она же большая, рогатая, с длинными ногами... Дерево ее не выдержит, сломается...

– Ты говоришь о корове, – улыбнулась мать. – А есть фрукт такой, хьайба, размером с яблоко, желтый, душистый такой...

Сейчас Мовли сидел у окна и размышлял, какова же на вкус эта айва. В это время он заметил своих друзей, двух братьев-немцев, Сашку и Яшку. Они стояли на перекрестке. Хотя немцы были и старше Мовли, они часто вместе играли. Посмотрев на спящего брата, Мовли, изнывавший от скуки, тихо, стараясь не шуметь, выскользнул из дома и побежал к друзьям, топая по горячей пыли босыми ножками. Каждый из братьев держал в руках по небольшому ломтю хлеба, посыпанному крупной солью. Ребята что-то говорили, но Мовли не слышал их, все его мысли поглотил хлеб, который они так смачно жевали, хрустя корочкой. Просить не решался. В конце концов старший из братьев, Сашка, не выдержал его голодного взгляда и, отломив половину от своего ломтя, протянул кусок Мовли, который тут же схватил его. Хлеб был горячим, от его аромата у него чуть не закружилась голова. Он быстро поднес его ко рту, но, вспомнив вдруг про Нурди, застыл. У них никогда еще не было дома свежего хлеба. Ему подумалось: может, если накормить Нурди теплым хлебом, он выздоровеет? Ведь брат болен. Болезнь – это плохо. А все плохое на свете – от голода. Кроме голода, в мире ничего плохого и нет. Поняв, что он должен пожертвовать этим хлебом ради больного брата, из его глаз против воли хлынули слезы. «Может, съесть, никто ведь не узнает?» – мелькнула мысль, которую он тут же отогнал. Бросив на ломаном русском: «Мой домой!» – он помчался к брату.

Не доверяя своим глазам, засунул хлеб за пазуху. Словно поняв, что хлеб, который оказался в такой близости, не достанется ему, требовательно и раздраженно заурчал живот.

Размазывая по лицу слезы, Мовли стал тормошить брата:

– Нурди! Нурди, проснись! Посмотри, что я тебе принес!

Казалось, стоит брату съесть этот небольшой кусок хлеба, и он сразу выздоровеет, встанет на ноги. Нурди проснулся.

– Возьми! – Мовли попытался вложить хлеб в руку брата.

Тот лежал, часто дыша, удивленно уставившись на Мовли.

– Возьми, ешь! Ты тогда выздоровеешь! – Мовли поднес кусок к его рту.

Нурди начал мотать головой из стороны в сторону.

– Ешь, пожалуйста, Нурди! – плакал Мовли, прижимая хлеб ко рту брата.

– Ты же тогда выздоровеешь, и мы будем вместе играть! И нани не будет все время плакать, как сейчас!

Нурди стало трудно дышать, плач Мовли напугал его, он захныкал и отвернулся к стене...

Прошло два дня. Мовли в этот день до вечера пропадал с друзьями на озере, что было в километре от поселка. Вернувшись домой, он не увидел брата. Мать сидела за столом, подперев подбородок руками.

– Нани, а где Нурди? – посмотрел по сторонам Мовли.

– Ушел Нурди, – едва слышно ответила мать.

– Как – ушел? Куда? – удивился Мовли.

– К вашему отцу.

– Он что, начал ходить? – недоверчиво спросил он.

– Да, – мать провела рукой по глазам.

– А почему ты меня непустила к отцу? – голос мальчика задрожал от обиды.

– Мне же помощник нужен... Ты же уже большой. Ты что, хочешь оставить меня одну? – мать передвинула на край стола три картофелины, варенные в мундире, и кружку молока. – Садись, ешь.

– Нет, я тебя одну не оставил бы, – произнес он, чтобы не обидеть мать, довольный в то же время, что она считает его большим. Мать одну бы он, конечно, не оставил, но очень уж хотелось хотя бы раз побывать у отца, увидеть, какой он...

– Не переживай, Нурди вернется, как только ему станет лучше... Он еще немного болеет.

– А отец вернется?

– Конечно, вернется...

Ночью его разбудили чужие голоса. Он выглянул из-под одеяла. К ним пришли две незнакомые женщины.

– Да уготовит ему Аллах место в раю, Басират! Так уж было суждено, что поделаешь?! – грубо зазвучал голос одной гостьи.

– Надеюсь, что будет опорой Мовли, – утерла уголком платка глаза мать.

– Ни брата у него теперь, ни отца... Один на всем белом свете...

– Не говори так, Басират, – заговорила вторая женщина. – Всевышний не оставит его, Он нам всем и защитник, и опора.

– Я согласна со всем, что ниспослет Аллах, – глубоко вздохнула мать.

– Пусть Всевышний даст тебе терпения и выдержки!

– Да примет Он его гостем в раю! – женщины встали и направились к выходу.

– Спасибо вам! Пусть Всевышний вознаградит вас! – мать проводила гостей, потом села на низенькую скамейку у стола и достала из кармана четки.

– Нани, – присел в постели Мовли, – а Нурди на Кавказ уехал?

– Что? – встрепенулась мать.

– Эти женщины говорили, что Нурди в раю. А ты всегда повторяешь, что Кавказ – это рай земной.

– Да, – мать подошла и, посадив Мовли на колени, села на деревянном топчане. – Нурди уехал на Кавказ.

– А отец тоже на Кавказе?

– Да, он тоже, – она несколько раз судорожно сглотнула.

– А почему мы тоже не уедем туда, к отцу и Нурди? Ты же говорила, что там, в этом раю, растут яблоки, груши и эти... хьайбы...

– Мы тоже скоро поедем туда... на Кавказ. Обязательно поедем, с Божьей помощью.

Скоро Мовли, покачиваемый матерью на коленях, уснул.

...Он был на Кавказе, светящемся сочной зеленью. Кругом росли деревья, они с Нурди играли на большой поляне, покрытой цветами, утопая по колени в изумрудной траве. Нурди был совсем здоров, он резвился, кувыркался и заливался веселым смехом. Отец с матерью сидели в тени. С деревьев свисали огромные фрукты разных цветов: красные, желтые, синие... Мовли подбежал к матери и спросил: «Нани, а где хьайбы, про которые ты говорила?» Отец с матерью рассмеялись. Их лица светились счастьем. «Да вот они, – отец протянул руку и сорвал два красно-желтых плода. – Одну дай Нурди». Отдав одну айву брату, Мовли надкусил вторую. И правда, айва оказалась очень душистой, вкусной, совсем как свежеиспеченный, горячий хлеб...

---

¹ Нани, нана (чеч.) – мама, мать.

² Кизяк – прессованный навоз, употреблялся как топливо в степных районах.

³ Слово «хьайба» является в чеченском языке омонимом, означает и «айва», и «скотина» (в смысле «корова»).

Перевод с чеченского автора.

Ахмет Денисултанов**Сага о депортации**

А февральская боль
на границе восхода,
черной лентой скорбная быть,
в круге Дантовом час исхода,
горькой правдою пеплами пыль.

Душу слепит морозная проседь,
сквозь туман очертания гор,
в то ристалище терпкого горя
нашу память сквозь слезы уносит.

А зарницы зловещего утра
возвращают нас в прошлое, вспять,
Дантов ад, где горят перламутры,
и уводят народ на распятые...

Руки жгут нам кандалные пути,
ну а в спины – клинок затвора
и флажками очерченный путь
тех неправедных слов оговора...

Параллели остуженных рельс,
этот призрачный шлейф вагонов,
холод склепов телячьих загонов –
нас уносит Голгофа спецрейсов.

Столько жертв
в тех расщелинах снега,
полустанок – последний приют,
наша болезнь для них оберегом,
и покой, что они обретут.

А дорога – постылая вечность,
долгий путь ни за что, в никуда,
лишь надежды извечная свечность,
путеводная наша звезда.

Белым цинком бескрайние степи,
да бичует безжалостно плеть,
эхом звонким надрывные цепи,
горем горестным крытая клеть.

Тихий вздох, громкий плач
и молитвы,
да бережат тоской полусны,
нет, не врозь, а сплошным монолитом
верим в силу желанной весны.

Дух народа не сломят невзгоды
в те тринадцать раскаянных лет,
мы вернемся сквозь время и годы,
обретем свой орлиный полет.

Да, вернемся в родные гнездовья,
не утративши честь, не безлики,
плотным кругом и в радостном крике,
под рефрен золоченого зикра.

Здравствуй, Родина, как мы устали
в той разлуке, что вырвала с корнем,
словно сон, свою жизнь пролистаем
и преклоним колени покорно...

Хрустальные грани скорби

Прошлого скорбную память,
зыбкую желчь февраля,
тяжких лет пережитого нами
лист напомнит календаря.

Двадцать третье – постылая дата,
где рассвет разорвут огни,

на священные стези Адагов
лягут тенью те страшные дни.

Где промозглое, стылое утро,
да поземкою снежная соль,
на холодном стекле перламутров
наших душ непрощенная боль.

Эта болюсть терновым венцом,
словно слезы с небес Небосвода,
и глумятся смертельным свинцом
над беспомощной массой народа.

Как же горестны звонкие строфы,
что разлиты на плитах скрижалей
в тех зловещих вагонах Голгофы
нас увозят – не мы уезжаем.

В бесконечность уставлены рельсы,
белым смогом бескрайняя степь,
и звенит отголоском спецрейсов
палача заржавелая цепь.

Все пройдем, все колючести Ада,
в круге первом, втором –
бесконечность.

Только дышит Свободой
небесная млечность
тем, кто выжил
в том страшном раскладе.

А Весна белоцветьем придет,
и забрезжит желанный рассвет,
здесь, над горной грядой,
наше солнце взойдет –
белокрылый, желанный рассвет.

Мы вернулись домой – это Наше!
в чистых помыслах, с жаждою дел.
...помнишь песню о маленькой
пташке
гармонист в Каскелене нам пел?

Все сбылось, то веленье Аллаха
и Его золоченого Слова,
только память нас снова и снова
возвращает в Созвездие нахов...

Алиев Мохьмад**Кха**

Дийцар

Хаза денош лаьтгара ламанца. Массо а стаг цхьацца г1уллакхаш деш, хан эрна ца йохуьйтуш: «Х1инцца динарг, 1ай карор ду!» – бохуш воллура. Шаьш лехнарг, шаьш динарг бен хир доций хууш, вовшашна г1о деш, белхеш беш бохкура уьш. Массо а заманахь санна, баккхийчара: «1а шийла хила там бу, лайш даккхий дажка мега, ледара ма хила!» – бохуш, кхайкхамаш беш, ч1ог1а т1ахьаьлла хьийзара нах. Гульян езаш йол, даккха дезаш дечиг, дерзо дезаш дика-вон, дан дезаш охунаш а хуьлура церан. И дерриг 1а т1едале дина бовла безаш хуьлура уьш, цундела цхьа к1еззиг екхна еана хан а эрна ца йохуьтура цара.

Ишта еанчу лаьмнийн хаза цхьана 1уьйрана уьйт1ахь девзиг хьокхуш йоллучу Белисина дагавеара шен к1ант. «Ванах, и к1ант г1оттуш ма вац, и лаа вуй-те?» – аьлла, к1ант г1атто яхара нана.

– Салман, хьо х1ун деш ву, делкьахан хиларе-м ца хьобжу-те хьо? – аьлла, к1антана чапханаш туйхира нанас.

– Нана, сийсара вон г1енаш гина наб йобхнера сан, х1инцца д1авог1у со, – аьлла, шен барзакъаш т1едуха х1обтира к1ант.

– Ма 1елахь, Салман, хьан да де шоьллах хьаьжк1аш хьакха вахна кха т1е, ткъа хьобга, сту божий хьера а г1ой, хьаьжк1аш аьхьна евллехь, ахьар ц1а а дай, шена т1аьхьа кха т1е вола бохура, – аьлла, Белиса девзиг хьакха яхара. Жимма ойлаеш хиьна а 1ийна, аравелира к1ант. Сту бужуш воллучу к1анта лелочух цецъаьлла 1ара нана:

– Салман, хьо х1ума ца юуш воьдуш ма ву, мегар ма вац хьо, ма г1охьа ишта!

– Х1умма хир дац, ца еза суна, – аьлла, д1авахара иза. К1антана т1аьхьа хьобжуш йисира нана. «Ванах, могуш мукъан вуй-те иза?» – аьлла, юха а девзиг хьакха х1обтира Белиса.

Ахьар дохьуш ц1авеьна делкье а йина, кха т1е дена-нанна т1аьхьа сихвелла воьдучу Салмане юьртахоcho 1успас кхайкхира.

– Салман, оцу хьайн дега ахь х1ун алий, нагахь санна ша тахана хьокхуш йолчу меттига т1ехь и суна кхана каравахь, аса цигара и дийна д1авохуьйтур вац алалахь. Хьо кхийтин? – аьлла, Салман меттавале, и цецваьллачохь а витна, д1авахара 1успа. «Вай, цо дуьйцург х1ун дара, и забарш еш вара-те, уьш забарех тера а ма яцара, – бохуш, 1успина т1аьхьа хьобжуш а лаьттина: – Х1ара хиллакх аса вон наб яр, дуьхьаладели-кх суна», – аьлла, кха т1е схьавеара Салман.

– Салман, хьо ма кхоьлина ву, х1ума-м дац юьртахь? – аьлла, хьаттира Сайд-Ахьмада к1анте, и цхьана х1уманна саготта вуй хиьна.

– Х1ан-х1а, х1умма а дац.

– Ахь соьха цхьа х1ума лечкьош санна хета суна, дийцал, х1ун ду хилларг? Жимма ойна а йина, к1анта хьаттира:

– Дада, оцу вайн юьртарчу 1успица цкъа а дар-дацар хиллий хьан?

– Х1унда боху ахь?

– Дера боху, со кхуза схьавог1уш новкъахь гира и суна, цхьа чорда вист хилир-кха иза соьга.

– Х1ун бохура цо? – аьлла, хьаттира дас, шен а, 1успин а юкьаметтиг

хушволчу. Тлаккха Салмана, луспас шега аьлларг длаэлира дега. Ойлане ваьлла лара да. Шен ойланех и вохош, юха а кланта хаьттира:

– И хлунда бохура цо, со-м цуьнга дош ала а ца кхиира, и ши-кхо дош а аьлла, длавахара иза. Цхьа хлума доцуш ца бохура цо иза, хлун ду шуна юкьахь лелларг, суна ца хууш?

Доккха са а даьккхина, дас элира:

– Схьавоьл, охьахаал, аса дуьйцур ду хьуна цунах дерг. Со-м дера и глуллакх дладижна, дицделла бохуш, ца хьехош лаш ма вара, схьагарехь, луспа юха а и карладаккхаволлу моьтту суна. Хьуна долуш дерг ма-дарра довзийта воллу со... Тхан кха жима дара. Иза а хийистошца дара. Хи дестий а доглий, зиэнаш деш, тлехь йийна хлума кхиа ца юьтура. Къаьсттина оцу шарахь яккхий йочанаш яра. Ишта дистина деанчу хино тле глум а кхоьссина, ялта дуьйчура даьккхира иза. Кхин дан хлума а ца хилла, луспаглаьргара тхан дас ши пунт хьаьжклаш хлинца, йисина ши пунт гуьйрана ялта чудерзийча, кхин йиь ворда дечиг лург мах а бина, хлара меттиг ийцира. И ши пунт хьаьжклаш кенара а яьхна, аса длаьхьира цаьрга. Суна глаьххье вайга цара луспа ваийтира, кхин а цхьа пунт хьаьжклаш еза шайна, шашь оцу механа реза дац, и клеzig хета шайна, аьлла. Тхан дас, кха дезарна цаьрца ца къуьйсуш, со юххехь а волуш, и пунт хьаьжклаш дла а елла, луспа длавахийтира. Гуьйрана оха йисина ши пунт длаелира. Йиь ворда дечиг а даьхьира оха царна. Ишта вайн доладелира хлара кха. Цкъа, хлокху гуьйрана пхьогланехь тхо лаьгташ, элира цо: «Аша и кха доглуш лелош дац, шу тхуна цхьа пунт хьаьжклаш яла дезаш диснера», – аьлла. «Харц ма ле, луспа, со юххехь а волуш, тхан дас и пунт хьуна дла а елира, ахьа дла а яьхьира», – элира аса цуьнга. Бакь дац бохуш, къар ца велира иза суна, ишта кьийса а велла, тхойшиь дласавахара.

Схьагарехь, и глуллакх дижийта воллуш вац иза. Хлара кха оха лелош ши блаьсте длаелира. Со шун нанна тлехьийзаш вара; цуьнга вистхила глерташ, цо тергал ца веш лелаш, луспа а вара. Цкъа-шозза, цунна тлехула тхойшиннан дегазаллаш а хиллера. Шун нанна луспега яха ца лаьара, бакьду, церан наха луспина хьаха а яйтинера. Амма шун ненадас лусумас, йолана лаьаче бен ша иза йохуьйтур йолуш вац аьлла, цаьрца захало ца динера. Цул глаьхьа, ас шун нана ялийра. Хлетахь дуьйна соьца хьаг1-гамо лелош ву иза. Харцлуьйрволуш боьха стаг ву, юха а цо и къамел доладахь, вист ца хуьлуш длаг1олахь, – аьлла, шен къамел дерзийра Сайд-Ахьмада.

– Валол, цунах-м цхьаь хир дара, оцу кхаби чохь вайна шийла хи дал, жимма са а даьлна, болх длаболор бу вай. И дло хьаьжклаш йохуш йолчу шайн нене, жимма линдаг1е яле, садала ала, – аьлла. «Ма вон сан коча ван глерташ стаг ву-кха хьо, луспа, оха хьуна йина цхьана а тайпана харцо а яцара, ладлаьхара хьо», – бохуш, ойлане ваьллачохь наб озийра Сайд-Ахьмадана.

Хи дохьуш схьакхьача, шен да наб озийна гича, иза кхин хьен ца веш, юххе кхаба охьа а хлоттийна, хьаьжклаш хьакха хлоьгтира клант.

Салмана туьйсучу марсо самаваьккхина, кхаби чура хи а мелла, клантана г1о дан тлевахара да. «Кхиьна вели-кха хьо, кеста зуда ялон глайг1а бан а безар бу», – бохуш, клантах воккхавера да, амма луспас динчу къамело онда сингаттам латтабора цуьнан даг тлехь. Сарралц хьаьжклаш а хьаькхна:

– Кхана а доглу де, таханенна болх боьрзуьйту вай, – аьлла, схьаворзушшехь: – Ах1, сан Дела! – аьлла, охьавахара Сайд-Ахьмад.

– Дада, ахь хлун до, хьуна хлун хили? – аьлла, тлеведира Салман. Йоьхна гонаха хьийзара Белиса а. Салман шадолчух кхийтира: да длавоьдуш вара клентан. Халла ши блаьрг биллира дас.

– Салман, цлена мах а белла, эцна кха ду хьуна хлара, – аьлла, длавелира Сайд-Ахьмад.

Тезет чекх а даьлла, цхъана суьйранна шашшиь уьйтIахь хиъна Iаш, нанас элира:

– Салман, велларг велла ваьлла, виснарг ца ваьхча ца волу, ялта чу ца дерзийча дер дац, кхана кха тIе гIур ду вайшиь.

– ХIаь, и дийр ду вайшиммо, – аьлла, Салман вижа цIа чу вахара.

ШолгIачу дийнахь, хIара шиь кха тIехь долуш, шен хьаьж тIера хьацар дIадоккхуш йоллучу Белисина гира ма-йогIу хьаьхкина йогIу говраш.

– Ахь хIун до нана, хьо саца ма сецна?

– Салман, и дIо богIу береш лаа буй-те?

– Уьш-м шайн гIуллакхе боьлхуш хир бара!

– ХIан-хIа, Салман, уьш вайна тIебогIуш бу, уьш лаа а бац-кха.

Дикка хьаьжча, Салманна вевзира хьалхавогIу Iуспа. Ма-йогIу говрахь тIевеара иза.

– Салман, аса хIун ала аьллера хьобга хьайн дега? – аьлла, тIечевхира Iуспа Салманна.

– Дера, Iуспа, ас ахь ма-аллара и цуьнга дIа-м элира! – аьлла, гIеххьа резавацарца элира Салмана. Ишта Салман шен пусар ца деш вистхилча, оьгIазвахара Iуспа.

– Хьовсийша, вайха елагIерташ яц и Сайд-Ахьмадан пхьагал!

Iуспас и дош ма-эллинехь, дехьо тесна болу мангал схьайицира Салмана.

– Сайд-Ахьмад воцуш ву, хIинца цIийнада хьо ву, нагахь хьайна тхобца дов ца дезахь, хIара кха ахьа дIахеца деза, Салман!

– Iуспа, хIара кха аса дIахьоцур дац, хьо-м хаац, хьан ворхIалгIа да ван а веъна, цо дIахеца аьлча, тIаккха а, ма де соьца харц дов!

– Шу хIун деш лаьтта, цо соьга ден кьамел ца хеза шуна? – аьлла, шен кIенташна тIечевхира Iуспа. Говрашкара охьа а лилхина, шаьлтанахь яьхна Салманна тIебуьйлабелира Iуспин кIентий Хьасайн, Хьусайн, Аюб.

– Аса, кхин ког схьабаккхяхь, кортош дIатуьсуьйтур ю шун, – аьлла, мангал карахь дIахIоьттира Салман.

– Вай, аша хIун леладо, шу хьера-м ца девлла? – аьлла, шен кIантана хьалха дIахIоьттира хIинцалц хуьлчух ца кхеташ Iийна йолу Белиса. Оццул Белиса холчуьльча, дог кIадделира Iуспин. Шена жимчохь езаш хиллачу Белисин аматаш схьахIиттира цунна.

– ХIан, гIовгIанаш ма ел, тIаьхьа цхьаь дийр ду вай, – аьлла, шен говр а хьаьхкина, дIавахара Iуспа. Цунна тIаьххье дIабахара кIентий а.

– КIант, и хIун дара цара лелориг, цхьа хIума ахьа соьха лечкьадой хаьа суна, со кхетаел цунах?

– Нана, хьо холчу ца ялийта хьобха лачкьийна Iара со иза, – аьлла, Салмана дийцира Iуспас шега аьлларг, шен деца хилла кьамел.

– Бобха адамаш ду-кха, бобха адамаш, со кхеташ ма яцара цара лелочух, уьш шаьлтанахь яьхна хьуна тIебуьйлабелча меттаеара со, валол, дIадоьду вайша, кхидIа болх балур болуш яц со! – аьлла, кIантаца цIа яхара нана.

Цул тIаьхьа IуспагIар башха кхин хIума а ца олуш, дикка хан элира, ялта чу а дерзийра СалманагIар.

Цхъана суьйранна цхьацца ойланахь еш учахь лаьтгара Салман. Салам а луш уьйтIа веара цуьнан доттагI Леча.

– ДоттагI, хьо ма ойлане го суна, хIума-м ца хилла?

– ХIан-хIа, хIума ца хилла, ма латта уьйтIахь, чохьхавала, Леча.

– Чохь дан хIума дац, лулахь дIабоьдуш синкьерам а болуш, вало, цига воьду вайша!

– Делахь, Леча, ма догдогIуш вац со, витахь со!

– Салман, и кьамел дац, хьо санна волчу кьонахчо дан, ма Iел, – аьлла,

кетлаха длатеттира иза Лечас. Цо ша вуьтур воций а хиьна:

– Вуьтур вац ахь, вало делахь, – аьлла, кехваьлла длавахара ши доттаг1. Ойлане, вист ца хуьлуш вогура Салман.

– Хьо ма ойлане ву, ас хьо волчу уьйглахь хаьттича а жоп ца делира ахь, хьуна х1ун хилла?

– Леча, тахана хит1ара йог1уш цхьа йо1 гина суна, хьенан ю-м ца хаьа, амма ч1ог1а езаелла и суна.

– Аматаш муха дара цуьнан, нагахь х1окху юьртара елахь, суна ца евзаш хуьлийла дац?

– Кху юьртара-м яра иза, хьаша хилча ша хир ма яцара и.

– Бакь боху ахь, – аьлла, велавелира Леча.

– Стенна воьлу хьо?

– Оьглаз ма г1олахь, Салман, со стенна воьлу хаьий хьуна?

– Дийцал, хуур ду-кха, ахь дийцича.

– Дера евзар яра луларниг а, юьртарниг а, хьо ийг1ина х1ума санна, чу а ца вулуш, хинкоьрте а х1уттуш, эвла юккье а волуш велахьара-м. Декъа т1ехь оьшург до ахь, рицкъа а лоху ахь, амма дуьненан синкьерам лохуш стаг вац хьо, цундела ца евзина хьуна и йо1.

– Бакълуьйш ву хьо, – аьлла, пондаран аз хезна, шавшшиь воьдучу д1акхаьчний хиьна сецира и шиь.

– Вайшиь схьакхечи, нагахь и йо1 цу чохь хилахь, суна схьагайталахь, – аьлла, хьалха Леча а волуш, салам делла чувелира ши доттаг1. Д1асахьобжуш воллучу Салманна гира ша юьйцу йо1.

– Леча, и д1ора ю-кха ас юьйцу йо1 (ткъа Салмана юьйцу йо1, маг1ара болчу мехкаршца йоцуш, не1арехь лаьттаху кегийчу зудаберашна юккьеьхь, цхьана сонe а йоьлла 1аш яра).

– Дера, доттаг1а, иза луспаг1еран йо1 Хьалимат ма ю, – элира Лечас, кхеран юкьяметтиг хууш волчу. Оцу берашна юккьеьхь йо1 стенна лаьтта кхийтира Салман. Чохь шен ваша Аюб волу дела, мог1арера дехьяьллера иза.

Ши доттаг1 кьямел деш 1аш, цхьамма элира:

– Бераш шайн ц1ахь 1ан дезар-кха, – аьлла.

– Аюб, ахь хьаьнга боху иза?

– Салман, шавш доцуруш кхин бераш гой шуна кху чохь? – аьлла, ца вешаш велакьежира Аюб. Салман цунна чухьаьдира, тоха дагахь. Амма наха т1е ца кхачийтира иза. Аюб сецавора массара. Арахь лаьтташ хилла волу Аюбан ши ваша Хьасайн, Хьусайн чуиккхира. Дов генадала тарлуш дара, нах дика ца хьаьвзинехь. Жимма соцуьнг1а а хилла, араваьлла длавахара ши к1ант. Вист ца хуьлуш вогура и шиь. Тийналла йохош, Салмана хаьттира:

– Леча, оцу йоь1ан ц1е х1ун ю бохура ахьа?

– Хьалимат ю-кха. Гуллакх хир долуш х1ума дац иза, мехкарий шортта бар-кха, йитахьа и йо1, Салман!

– Дера цунах х1ума хир моьттуш-м со а ма вац, амма ч1ог1а еза-м елла и суна.

Ишта цхьацца дуьйцуш Салман вехачу х1усаме схьакхечира и шиь. Кет1ара г1уй д1а а боккхуш:

– Чувог1ий хьо. Леча? – аьлла, сецира Салман.

– Вайша тховса цхьацца дуьйцуш цхьана буйьса яккхий, башха охьавижа дог догуш вац со? – аьлла, д1а ца ваха дагахь сецира Леча. Салман кхийтира цо лелочух:

– Леча, хьо соьца 1ан стенна г1ерта хаьа суна, цара соьца х1ума лелор дац хьуна, вовшашна тоьхна а яц, генадаьлла х1ума дац, эцца вовшашка багош тохар бен, парг1ат д1аг1ой охьавижа хьо!

– Салман, боккълал со хъйна новкъа вацахь, тховсалера буйьса цхъана йоккхур яра вайшимма...

Вела а къежна:

– Вало делахь, 1ан ца воллу хьо, – элира Салмана.

– Нанас сагатдйир ду, кхузахь вьусий а хайитина, схъавоглу со, – аьлла, ц1а вахара Леча.

1успаг1ара башха кхин х1ума ца хазадора, амма хъаг1-гамо лелара царна юкъахь. И дегазаллаш хиллачул т1аьхъа цхъа шо хан елира. Салманан цкъа-шозза вист хуьлийла хиллера Хъалимате. Ч1ог1а безам кхерстинера цаьршиннан дегнашкахь. 1а а т1едеара. Цхъажимма меттахь а 1ийна, цомгуш хилла кхелхира Белиса а. Ша цхъаь висира Салман. Х1ара дуьне т1екхетча санна, таь1на, еххачу хенахь г1ийла лийлира к1ант.

...Хъалимат ган лиьча, хи т1е йоуьйтур йолуш яцара ц1ерачара. Ч1ог1а Салманах ларьеш яра 1успаг1ара йо1. Салмане йодахь шашь юьйр ю аьлла, дуй биьна бохуш, дуьйцура наха.

Ишта цхъана суьйранна уьндечиг т1е а хиьна, цхъацца ойланаш еш 1аш Салман а волуш, уьйг1а веара Леча.

– Ассаламу 1алайкум, сан доттаг1, хьо ма г1ийла го суна, х1ун ду хилларг? – аьлла, даима сана, шен забарш а еш.

Леча самукъане стаг вара, амма мел ч1ог1а киртиг т1ех1оттарх, вухур воцуш майра к1ант вара. Г1иллакх, оздангалла шегара йоккхуьйтур йоцуш, яхь йолуш к1ант вара. Цундела дукхавезара иза Салманна, оьшучохь цунах дага а волура иза.

– Валалайкум салам, схъавоьллахь Леча, – аьлла, хъалаг1еттира Салман. Шашьшиь хъал-де хайттина ваьлча, Салмана элира:

– Дика ду, Леча, хьо схъавеьна, хьо волчу д1аван воллуш вара со. Хъуна ма-хаьгара, со х1инца цхъа висна, гергара нах, тайпанан нах бу, юххера йишаваша дац, ткъа хьо сан юххера доттаг1а ву. И Хъалимат тхан наха эзарза ехарх 1успаг1ар соьга йоуьйтур яц, нагахь буйьса а йиллина, и соьга яг1ахь, яло дагадеьна суна. Сан метта хи т1е а вахна, хьо цуьнга вист хуьлийла лаьара суна! – аьлла, Лечега а хъаьжна, шен къамел сацийра Салмана.

– Хъуна лаахь вистта-м хаац, ядийна схъа а ялор ю аса-м, – аьлла, Салманан белш т1е куьг туьйхира Лечас.

– Ядон ца оьшу, иза жайно а ца магадо, ваха а г1ой, нагахь реза елахь тховса пхъуьйра хенахь со церан бешахь хир ву, ала, сайн ненахой болчу юьгур ю ас иза, т1аьхъа цхъаь хир цунах, – элира Салмана. Т1аьххъара дешнаш ша-шега олуш санна, элира цо.

– Доттаг1, «ас» «со» бохуш, со ма д1атойтту ахъа, – аьлла, дегабаам бира Лечас.

– Леча, хьол дукхавезаш накьост вац сан, ахь новкъа доккхур ду тхойшиь, кхид1а тхашьшиь г1ур ду, долушдолу хъал хьо гуш-хууш ву, цундела хьо х1окху г1уллакхна юкъахьекхо ца лаьа суна. Хьо хъайн ненан цхъаь бен вац, хъуна цхъаь хилахь, со санна, и ша юьсур ю; ткъа ша висарх дерг суна дийца ца оьшу. Цундела ас пурба ца ло хъуна кхид1а соьга ахь дехар, хьо вайита бохуш. Новкъа дахарх г1уллакх хир дац, цуьнан нах т1екхуьур бу. Ярташна пе тухуш г1ур ду тхо.

– Дика ду, Салман, ахь бохург дйир ду ас. Ткъа х1инца хинкоьрте воьду со, – аьлла, Леча д1авахара.

Леча д1а а хъажийна, шен дин кечбан вахара Салман. Гена новкъа бала безий хууш санна, терсаш хьйьзара дин а. Говрана х1оь а белла, чувеьна цхъацца кечамаш беш воллура Салман.

Хье ца луш вухавеара Леча.

– Леча, хьо ма сиха веа, гири хьуна Хьалимат?
 – Дера, га ма гира, барт а бира, пхьюйра хенахь и вайга хьобжуш а хир ю!
 – Дика ду, Леча, ткъа хлинца длаглой кечам а бай, йиллинчу метте длавола, нагахь вайша цхьана гахь, уьш шек бевр бу, тлаккха дерриг галдер ду.
 – Бакъ боху ахь, со кечам бан воьду, – аьлла, длавахара Леча.

Шен хлусамехь дикка гийра Салман, дехьа чу волуш, сехьа чу волуш, уьйтла волуш, цхьацца новкъара хлума длайоккхуш. Геннара цуьнан тергам бича моьттур дара, и кхин цкъа а вуха ца ван воллу. Дан а дара Салманан дог тлаьхъара оцу декъах волуш санна. Уьндечига тле охьахиьначохь ойлане вахна лара клант. Амма дехьо леттачу жлаьлеша меттавалийна: «Там бара со тлаьхъависна хила», – аьлла, хьалаиккхина шен дин ара а баьккхина, кертаца лодика а йина, йиллинчу длавахара клант. Хлара длакхочуш, некъо голатухучохь лаьтташ вара Леча.

– Салман, хьо ма хьевеллера, хлумма-м ца хиллера?
 – Хлумма а ца хилла, дукха хан юй хьо лаьтта?
 – Яц, вало, хьала воьду вайша, – аьлла, Леча хьалха а волуш, длавахара ши клант. Шайшиь воьдучу длакхьачча, цаьршинна гира дехьо бешахь лаьтташ адаман галарт.

– И длогахь, схьаеьна, хьобжуш ю моьтту суна, – аьлла, болар сихдира цаьршимма.

Хила а хиллера и лаьттарг Хьалимат. Буйса декъал а йина, Салмана элира:
 – Хьалимат, вайшимма арабоккхург хала некъ бу, хьан нах реза хинболу некъ бац, делахь кхин дан хлума дац вайшиннан. Хьо реза юй, ас бохург дина, соьца длаян?

– Хьобца лаьттан буха яха дезахь, цунна а реза ю со, – аьлла, эхьхетта охьатаьлира йол.

– Делахь, кхин ца ла вай. Тахана дуьненахь, кханалерачу къематан дийнахь тхан нус ю хьо, хлокху Салманна хлусамнана а ю хьо, – аьлла, ша схьалаьцна куьг Салмане дладелира Лечас. Лома хьалабоьдучу новкъа и шиь хьала а хьажийна, вухавеара Леча.

Йол ларьеш болу луспаглар и чохь ца карийча, ма богглура Салманатлеран керта лилхира. Цигахь цхьа ца карийча, Леча волчу бахара. Лечас, ша цара лелочух ца кхеташ санна, хлинца набарха волучух:

– Шайн йол шайш лаха, суна ца хаьа шун йол стенга яхна, – аьлла, башха ловза а ца бира.

– Уьш лома хьалабахна хир бу, некъашца глур бац, вай биьна дуй къар ма белаш, – аьлла, луспас лома хьалахьовсийра шен клентий.

Сахиллалц некъ бира Салмана а, Хьалимата а. Амма лар хьовзийна, гуьйренца дуьллучу тхица говрийн лорах боглуш бара Хьалиматан вежарий а.

– Хьалимат, ахь хлокху кхура клел длатовжий садала, со лома хьалаваьлла дласа блаьргтоха воллу, вайшиь тиладеллалчух тера хета суна! – аьлла, Салман лома хьалавахара.

Шен говрахь дласахьобжуш бевза лам лобхуш лелачу Салманна лаха боьрахь кхузза топ йолуш хезира. «Вай, и хлун дара, и тоьпаш Хьалимат йолчу боьрахь ма евлира?» – аьлла, шен говр охьахаькхира Салмана. Юха а лаьмнаш декош тоьпаш евлира, говрара лункур а воьдуш, бердах вахара клант. Жимма ханьяьлча меттавеара Салман, топ синметта кхетта яцара. Меженаш меттахьхайира, йойна хлума яцара, амма аьрру белшана ов туьйхира. Клант кхийтира: топ белшах чекхьяьллера. Халла текхна бердах хьалаваьллалчу Салманна, тоьпаш тоьхна яла саййзош Хьалимат карийра, ткъа дехьа ломахь чубуьссуш Хьалиматан вежарий а гира. Топ схьа а эцна, говра хууш воллучу Салманна, Хьалимат шегга хкойкхуш хезира. Юхяхьаьжча цунна гира хих

дуьзна ша тлевоьхуш Хьалиматан б1аьргаш.

Цо х1ун боху хьажа, улле охьалахвелира к1ант. Йистхила ницкъ боцуш, цхьаь ала г1ерташ, балдаш хьедора йо1а.

– Хьо х1ун ала г1ерта-те, Хьалимат? Ницкъ ма бе хьайна, мегар яц хьо, ас х1инцца, ц1ий д1асацо, чевнаш йоьхкур ю хьан, – бохуш, хьийзара Салман, амма пунна хьара чевнаш ехкарх г1уллакх хир доций. Топ синметта кхеттера.

– Салман, хьадий ма лелахьа, сан дукха хан ца йисна, юххе охьахаахьа, – элира йо1а.

– Хьалимат, ма доккха х1ума ду х1ара, нанас дена бина вежарий ма бара уьш, кийрахь дегнаш хилла дац-кха церан!

– Х1умма дац, шаш йина ч1аг1о, шайн бакьо ерриг ду цара динарг, уьш сан вежарий бу, – аьлла, жимма са а даь1на, юха а йистхилира Хьалимат. – Салман, цхьа ч1аг1о ехьа суна!

– Х1ун ч1аг1о ю иза?

Жимма дег1е ницкъ а байитина, х1аваь чу а оьзна, халла элира йо1а:

– Со бахьна долуш оцу сан вежаршца цхьа х1ума ца лело, уьш сан вежарий бу, хьоьха а дог лозу, суо хьоьца хир яцахь а.

Амма Салман вист ца хуьлура, корта талийна 1ара, юхуш йохкура Хьалиматах ч1ир эца хилла ойланаш.

– Хьо вист ма ца хуьлу, Салман?

Меллаша хьала а айвелла, д1абобьлхучу Хьалиматан вежаршна т1аьхьа а хьаьжна:

– Ма доккха х1ума ду-кха, шу ишта дитар! – аьлла, дош делира цо Хьалиматна.

Салмане йодахь шаш юьйр ю аьлла йина ч1аг1о кхочуш а йина, д1абахара Хьалиматан вежарий. Дукха хан ялале наб кхеташ санна, цкъа а ца белла б1аьргаш д1ахьабдира йо1а.

Боккха барз беш Хьалимат д1а а йоьллина, ломан басахь карийна чхоран т1улг а боьг1на:

– Х1ора шарахь х1окху дийнахь со воглур ву хьуна, Хьалимат! – аьлла, говран юьхь лаьцна, акхарой леллачу цхьана новкъа нисвелла, цу новкъара ца волуш д1авахара Салман.

Авторера дош

Лераме дешархо! Бакьдолчух, хиллачух яздина дийцар ду х1ара. Ч1ог1а сайна дагчу дижарна, сайна санна шуна кхунах дерг хайита лиьна яздина ас х1ара. Суна тхан дас Замруддис дийцина х1ара, ткьа шена шен дас дийцина бохура цо. Иштта, генара схьадог1уш дийцар ду х1ара. Ткъа Салманах дерг аьлча, иза шаш вийна бохуш 1ийнаболу 1успаг1ара, и дийна вуй хийча, йо1 яда а йина цуо йийна, аьлла мотт а бина, лацийтира. Пхийтта шо чохь а даьккхина, ша араваьлча, Абай олучу г1алахь ваха сецира Салман, к1ора боккхучу шахте балха а х1уттуш. Кхин цхьаьнне и гина а вацара, цунах хилларг х1ун ду хууш стаг а вацара. Кхин иза Даймахка вуха а ца веара.

Иштта бирзира Салманан, Хьалиматан а декъаза безам.

Марем Нохчиева

...С именем – Нохчийчоь

Чеченская быль – 2

Этот бой у тебя – не первый.
 Убивал ты уже не раз...
 Но один воюет за веру,
 А другой – получив приказ.
 И осталось вас только двое,
 Так бывает, это война!
 Наступила на поле боя
 После выстрелов тишина...
 Как канаты стальные – нервы,
 И рука твоя не дрожит.
 Если сможешь выстрелить первым –
 Значит, ты останешься жить...
 А твой враг – вон за тем пригорком,
 Но молчит автомат его.
 Подползти бы – и вся недолга,
 Да решить уже, кто кого...
 Под ногою не хрустнет ветка,
 Нарушая сон тишины...
 Знаю я – ты стреляешь метко,
 Ты прошел уже две войны!
 ...Он был там. Взглянул равнодушно,
 Прислонился к камням спиной
 И сказал: «Стреляй, если нужно,
 А я сыт по горло войной...»
 Закурил, достав сигарету,
 Автомат – на земле, у ног...
 Он был враг. Но в минуту эту
 В него выстрелить ты не смог.
 И глядели недоуменно
 И твой Бог, и его Аллах,
 Когда в небо одновременно
 Разрядили вы два ствола.

Домой

Нет, то не время жизнь моя теряет
 И не любовь уходит от меня!
 То горестное сердце повторяет
 Слова святые – Родина... Чечня...
 Проходят дни, и месяцы, и сроки...
 Мои глаза печальны и сухи.
 ...Я не пишу стихов былые строки...
 В неволе не рождаются стихи.

И лишь в одно я верую –
 в мгновение!
 Раз ты дана мне Богом по судьбе –
 Волною трав ли, ветра дуновеньем –
 Ты все равно напомнишь о себе!
 ...Ворвется боль, сметая отупенье,
 Строка стиха зависнет на листке,
 И я рванусь по выбитым ступеням –
 Без багажа, с подсумком, налегке.
 И где-то там, за точкою кипенья,
 Где сердца стук, как колокол в тиши,
 Я буду ждать, дрожа от нетерпенья,
 Соединенья тела и души.
 ... Качнется мгла за окнами вагона,
 Слепая ночь потянется за мной...
 И застучит на стыках перегона:
 Домой-домой... домой-домой...
 ДОМОЙ!

Из чего же ты, сердце?

Пеленой застилает небо,
 Вечер холоден, хмур и тих.
 Осыпаются хлопья снега
 На руины потерь моих.
 Камышами шуршащий плавень,
 Время выстрелом бьет вразлет.
 Из чего же ты, сердце? Пламень
 По сравненью с тобою – лед.
 Зазвенит тишина струною
 От движенья моей руки...
 Меж судьбою моей и мною
 Глубина ледяной реки.
 «Не надейся»... и будут правы
 Те, кто скажут... Но, как в бреду,
 В направлении переправы,
 Посмотри, я уже иду!
 Где обрывом, где вплавь водою,
 Где сознанием, где чутьем,
 Не надеждою, так нуждою,
 Не катанием, так мытьем...
 Пелену разведу руками,
 Наведу на руины лоск!
 Из чего же ты, сердце? Камень
 По сравненью с тобою – воск.

... Пеленой застило небо,
Вечер холоден был и тих.
И не таяли хлопья снега
На руинах потерь моих...

Мы плачем...

Стучится в окно затяжное ненастье,
Дожди на глазах
    превращаются в снег...
Мы плачем от горя,
    мы плачем от счастья,
Мы плачем тогда, когда выхода нет.
Нас Времени зной,
    иссушающий душу,
От жизненных бурь
    укрывает плащом...
Но плача в жару,
Плача в зимнюю стужу,
Мы знак подаем, что мы живы еще!
Несется Земля в галактической стыни,
И холод сквозит из озоновых дыр,
Бесчувствие мир
    превращает в пустыню,
Пустыню слеза превращает в сады.
...Стучится в окно затяжное ненастье.
Терпения нет дотянуть до утра!
Мы плачем от горя,
    мы плачем от счастья...
Мы плачем... да просто заплакать пора.

С именем – Нохчийчов

...Знаю я – сто лет проживи,
Ничего не изменится.
Ты цветок души моей
С именем – Нохчийчов.
Кровь моя – реки твои,
Горных ущелий пленницы.
Голос мой – журчание их
Стремительных вод... А еще...

Счастье мое – твоя земля
Под безмятежным небом,
Да не коснется ее беда
Черным своим крылом...
Радость моя – твои поля
С созревающим хлебом.
Мирное небо, солнце твое,
Дарующее тепло.

Пусть раздается врагов вой,
Силами зла рожденный,
И не спешит уходить прочь
С этой земли война,
Гордость моя – народ твой,
Никем не побежденный.
Дети его – надежда моя,
Да не умрет она!

... Кровь моя – реки твои,
Горных ущелий пленницы.
Голос мой – журчание их
Стремительных вод... А еще –
Знаю я – сто лет проживи,
Ничего не изменится,
Ты – цветок души моей
С именем – Нохчийчов.

Подражание великим...

«На склонах Кавказа,
Где снежная глушь,
Я золотом высек бы
Слово «ИНГУШ»...

На тех же горах,
Несравнимых ни с чем,
Я б золотом высекла
Слово «ЧЕЧЕН»!

Чтоб помнили мы
Наяву, не во снах,
Что имя единое носим –
ВАЙНАХ.

Ведь как ни дели мы
Межу огорода –
Не делится надвое
Сердце народа...

У него – приказ

Уходит он в ночную тьму –
Бывало так не раз!
А я хочу, хочу к нему –
Но у него приказ...
А где-то гром гремит опять
Раскатами... гроза...
Я так хочу его обнять,
Смотреть в его глаза...
И говорю себе – «держись»!

И.Т.

Уныния бегу...

Ведь он спасает чью-то жизнь,
А я – лишь ждать могу.
Душа, застывшая как лед,
И ни слезы из глаз...
И завтра снова он уйдет,
Ведь у него – приказ...

Джалка

Снова осень, но все еще жарко,
Будто хочется лето вернуть...
Скоро восемь. И станция Джалка,
Остановка на пару минут.
Еще спит неглубокая речка,
Средь сухих камышей замерев,
А твой дом – он не виден, конечно,
За густою листвою дерев.
И спокойно, без тени тревоги,
Здесь встречают сегодняшний день
Огороды у самой дороги,
Невысокий из веток плетень...
Скоро восемь, и станция Джалка,
Остановка на пару минут.
Расставаться не хочется! Жалко –
Время вспять не дано повернуть.
...И опустится снова на плечи
Тишина этих мирных полей,
Где застыли зеленые свечи
Уцелевших в войну тополей...

Зов земли

О сколько раз такое было,
Когда отчаянно и зло
Судьба меня нещадно била,
Испытывая на излом.
Давила с силою гранита,
Сжигала пламенем огня,
Но притяжением магнита
Звучал твой голос для меня.
То зов твоих далеких башен,
Застывших в грозной тишине,
Твоих лесов, лугов и пашен,
Орла, который в вышине
Парит свободно и беспечно;
И виноватых без вины
Людей, что сгнули навечно
В кровавом Молохе войны.
То голос памяти народной,
Переживающей года,
То зов земли, что быть свободной
Не перестанет никогда.
И я живу, ему внимая,
Через проклятия и тьму
Свой слабый голос поднимая
Навстречу зову твоему.

Хожбауди Борхаджиев**Стена**

Повесть

Эта история началась летом 1955 года на далекой казахстанской земле.

Собираясь на вечеринку, Хасан не думал, что возвращаться оттуда будет совсем другим человеком. В те дни ему только-только исполнилось восемнадцать лет. Успешно окончив школу, он мечтал поступить в один из институтов Караганды. Родители довольно крепко стояли на ногах и могли позволить себе, чтобы сын продолжил учебу в вузе. Но вмешался случай, который круто повернул судьбу парня.

...Со вкусом и по моде одетый, Хасан невольно ловил на себе застенчивые взгляды девушек, сидящих напротив. И была среди них красавица Элиса, которая впервые была приглашена на танцевальный вечер. В свои шестнадцать она не имела практики участия на званых посиделках, а потому в кругу подружек чувствовала себя довольно неуютно... Особенно с момента, когда поймала взор Хасана, обращенный на себя. Молодой человек неплохо разбирался в тонкостях этикета общения с девушками, однако первое предложение познакомиться далось ему с превеликим трудом.

Он старался оригинальничать в своих устных посланиях, но ничего, кроме заученных фраз, так и не придумал. Элисе в этом плане было проще: она либо кивала головой в знак согласия, либо отвечала предельно лаконично: «Хорошо». А в один из моментов Хасан деланно ухватился за сердце, дескать, бьется – не уймется, и следом увидел, как Элиса понимающе благодарно прикрыла веки.

Вечер для Хасана пролетел стремительно. Когда девушки ушли, у него вдруг появилось ощущение, что познакомился именно с тем человеком, с которым готов связать свою судьбу на всю оставшуюся жизнь.

Через пару дней парень знал об Элисе уже все: из какой она семьи, откуда родом, где живет и сколько ей лет. Родители видели заметные перемены в поведении сына, пробовали поговорить о сложностях при поступлении в институт, но разговор не клеился: тот всем своим видом показывал, что тема беседы для него неинтересна.

Вскоре Хасан пригласил Элису на свидание, назначив встречу возле водонапорной колонки, где обычно собирались молодые, чтобы «поговорить по душам» при свидетелях. Тогда чеченские девушки, как правило, приходили на условленное место со своими снохами.

Первое свидание молодых сняло налет таинственности – они уже были более откровенными в своих чувствах.

– Я хочу связать с тобой свою жизнь, – твердо заявил Хасан, – и очень надеюсь на то, что ты не отвергнешь меня. Прошу поверить в искренность моих чувств и намерений. Для меня это очень важно. Ты веришь мне, Элиса?

– Верю, – тихо и нерешительно ответила девушка.

– И как ты к этому относишься?

– Слишком серьезный вопрос. Время покажет, насколько глубоки твои чувства.

Потом была еще встреча. Затем еще. А вскоре эти свидания стали регулярными.

В небольшом поселке в окрестностях Караганды, где компактно проживали чеченцы, многие уже знали о трепетном отношении Хасана к Элисе из знатной семьи Башаевых. А вскоре узнали об этом и старшие с той и другой стороны...

Однажды на очередное свидание Элиса не пришла. Не было ее и на следующий день... Хасан чувствовал: должны быть серьезные причины. «Может, болеет?» – задавался вопросом юноша, но тут же находил ответ: «Дело не в здоровье. В этом случае Белита, сноха Элисы, объяснила бы ситуацию...»

Свою «связную» Хасан увидел только через неделю случайно на улице, возле магазина. Разминуться при всем желании не получилось бы. Видно было, что девушка заметно нервничает. Уклониться от разговора она никак не могла.

– Белита, что случилось? Говори правду, какой бы горькой она ни была, – сохodu на одном дыхании выпалил Хасан.

– Боюсь, у ваших отношений нет будущего. Родители Элисы категорически запретили дочери встречаться с тобой.

– И чем я их не устроил?

– Дело не в тебе... Тут есть свои сложности... Вроде бы, когда-то между вашими предками была кровная вражда, которая после закончилась перемирием... Но не настолько, чтобы в третьем поколении обвенчались потомки. Отец Элисы считает, что дочь на него навлекает позор...

– Но при чем тут я? Во-первых, никогда ранее об этом факте не слышал. Во-вторых, никак не приветствую действия своих далеких родственников, если они были неправы. В-третьих, мы же любим друг друга, – Хасан был явно растерян.

– Я все понимаю. Но от меня ничего не зависит, – виновато произнесла Белита.

– Нет, зависит. Ты иногда можешь помочь мне в организации встреч.

– Не могу и не хочу рисковать. Муж не простит мне вольностей. Ты же не хочешь, чтобы я пострадала?..

– Да, не хочу. Но хоть иногда на тех же вечеринках я могу ее увидеть? Мне хотя б раз взглянуть на нее... Клянусь, на людях не обмолвлюсь с ней ни единым словом!

Последние слова Хасан выговаривал чуть ли не по слогам, и они дались ему с большим трудом.

– Хорошо, я попробую помочь в этом при первой возможности, – нерешительно пообещала Белита и скорым шагом удалилась.

***

Башаевы. Когда-то это была довольно известная в Чечне фамилия. Сам Баша в свое время был довольно зажиточным человеком. Имел светское и религиозное образование. В начале 20-го века его, молодого, грамотного, жадного до знаний человека, городские власти пригласили на ответственную работу. Сблизился с самыми успешными и авторитетными чеченцами Грозного. Женился – породнился с Чермоевыми. Вскоре купил солидный двухэтажный дом в центральной части города. Подтянул братьев, некоторых родственников. Все имели свое дело. Особенно хорошо развернулись по купеческой линии. Доходы позволяли покупать новые технологии по пошиву одежды и обуви. Была у них и своя гостиница, где, как правило, останавливались заезжие чеченцы.

Как-то вечером туда заглянул двоюродный брат Баши Муслим. Этот весьма заносчивый молодой человек имел репутацию скандалиста, смотрел на окружающих свысока, и особенно его спесь проявлялась после посещения питейного заведения, что находилось напротив гостиницы.

В тот вечер Муслим был навеселе. Впрочем, кутил он не один – с компанией. Друзья решили встретиться с постояльцами. Посидели, поговорили с гостями о жите-бытье на местах. В беседе Муслим нелестно отозвался о представителях

одного из чеченских тейпов. Это не понравилось собеседнику, который как раз и имел те самые тейповые корни. Стали выяснять отношения. Муслим не контролировал себя, посыпались крепкие выражения. Его оппонент сдерживал себя, как мог, но когда дело дошло до рукоприкладства, взял и резко оттолкнул от себя брата хозяина гостиницы. Тот отпрянул назад, зацепился за что-то и, падая, ударился затылком об угол кровати. Муслим потерял сознание. Пригласили лекаря. Тот осмотрел больного и вынес суровый вердикт: «Боюсь, он может не проснуться. Готовьтесь к худшему. Хотя... на все воля Божья...»

Русский врач ушел, но его опасения подтвердились: через несколько дней парня не стало. Хоронили его в родовом горном селе. А в трех верстах от этих мест располагался другой аул, где также был траур, но по случаю того, что именно отсюда был молодой человек, ставший невольным виновником этих похорон...

Вся эта история позже закончилась перемирием. Старики посредством народной дипломатии сумели погасить очаг вражды. Было принято к сведению, что все случилось без злого умысла, никто не хотел крови. Учли и другие обстоятельства, которые не красили усопшего...

Но тем не менее случилось то, что случилось. И Абдулле, деду Хасана, виновнику трагедии, пришлось переехать на новое местожительство – в один из хуторов близ Урус-Мартана.

Потом было шальное лихолетье. Эхо Гражданской войны докатилось и до Чечни. Местные бедняки были втянуты в большую заваруху – в боевые действия против белогвардейцев. Одним из руководителей ополчения был Абдулла, соратник Асланбека Шерипова.

Дедушка Хасана недолго здравствовал после гибели «вождя чеченской бедноты». Осенью 1919 года в одной из стычек с подразделениями русского генерала Доценко Абдулла получил серьезные ранения, от которых так и не оправился.

Его единственный сын Бауди вел скромный образ жизни, был школьным учителем. Ему не было и 15-ти лет, когда он лишился отца. Испытал на себе и голод, и холод, но выдержал. После Гражданской войны Бауди всецело принял новые порядки государственного устройства. Ему зачли боевые подвиги отца, отправили на учебу в Грозный, где молодой студент оказался в рядах первых активистов-комсомольцев.

После учебы Бауди решил посвятить свою жизнь ликвидации безграмотности на местах. Переехал жить в Урус-Мартан. Казалось бы, учитель, мирная профессия, есть заслуги отца перед новыми властями... Но даже эти факты не имели никакого значения, когда в 37 году его арестовали и выслали в Казахстан. Семья соединилась только спустя 10 лет, когда была относительная свобода на передвижение и на смену местожительства.

А еще через три года семья переехала в поселок Михайловка, что в черте Караганды. Построили новый дом. Бауди работал на обогатительной фабрике, в отделе кадров. Был на хорошем счету. Вырастил троих детей: двух дочерей и сына Хасана – младшего в семье.

***

Осень. Первая осень в жизни молодого человека, только-только окрылившегося искренними, светлыми чувствами, но уже успевшего познать горечь разлуки...

Хасан бесцельно брел по грязным улицам Михайловки, в который раз останавливаясь возле универсального магазина на площади. Ему почему-то казалось, что день выдался пасмурней обычного, грязи вокруг было больше, а люди стали агрессивнее и злее.

Чувство досады сквозило во всем теле: он, молодой, энергичный, здоровый и сильный человек, ничего путного не может придумать и решить в сложившейся ситуации. «Ждать любимую девушку дни и ночи напролет практически без

единой возможности повлиять на ход событий – что может быть обиднее для мужчины?» – задавался вопросом Хасан и отвечал сам себе, что это и есть самое большое испытание для него.

День уже клонился к закату, когда неожиданно на площади появилась Белита. Она быстро семенила ногами, боясь поскользнуться на слизистом грунте. У Хасана сердце заколотилось так, словно в следующий момент встретится глазами не с Белитой, а с ней... Элисой. Белита остановилась в двух шагах от него и обронила несколько фраз:

– Завтра будет вечеринка у моей замужней сестры Тоиты. Ждем...

– Приду непременно!

– Но ты особенно не высовывайся там.

– Буду вести себя тихо и незаметно, – с готовностью пообещал Хасан.

– Тогда увидимся!

– Обязательно! И спасибо тебе, Белита. Да воздаст тебе Аллах за твои старания!

...На следующий день Хасан пришел на вечеринку заранее. Он стоял поодаль и ждал, пока многие зайдут. Наконец он решительно открыл калитку и в следующий момент в темном дворике увидел Белиту. Она встретила гостя очень приветливо, а потом неожиданно сказала:

– Следуй за мной...

Хасан понял, что для него подготовлен сюрприз. Он последовал за девушкой и возле сарая увидел... Элису.

Парню многое хотелось сказать, но время было ограничено.

– Элиса, спасибо тебе, что вырвалась на свидание. Я не знал, что делать и как быть. Моя душа переполнена любовью к тебе, и это чувство настолько сильно довлеет надо мной и управляет мной, что я способен даже на безрассудные действия... Конечно, речь не может идти о том, что задело бы твою честь, но что-то мы должны предпринять – решительно и смело. Вечные ожидания слишком мучительны...

– Не будем спешить. Надо еще научиться жить полнокровной, насыщенной жизнью – не только для себя, но и для людей. Может, у тебя предложение какое-нибудь есть?

Последние слова Элисой были произнесены с долей кокетства, но они заметно улучшили настроение Хасана.

– В моем положении остается только один вариант. Я хочу на тебе жениться... Время работает против нас. Если бы не эти сложности, что достались от предков, мы могли бы не торопить события, но сейчас... Боюсь, твои родители сделают все, чтобы при подходящем случае выдать тебя замуж за другого...

– Ты еще и ясновидящий? Объявился человек, которого пророчат мне в женихи... Неоднократно женатый, но при деньгах. Я пока не буду его называть, но точно скажу одно: сделаю все, чтобы не связать свою жизнь с ним. Спешить не будем. Если «гром все-таки грянет», ты об этом узнаешь через Белиту. Словом, надо быть готовыми ко всему...

– Как мы в школе говорили: «Всегда готов!» – Хасан шутя отсалютовал пионерски.

– А теперь я найду, подруги ждут, – спохватилась Элиса, – а вы тут с Белитой условьтесь, где и как будете выходить на связь.

– Хорошо. Спасибо тебе за этот чудесный вечер. Я, наверное, пойду. Нам лучше избежать пристального внимания окружающих.

– Да, так будет правильно, – Элиса благодарно прикрыла веки и... исчезла в проеме двери.

Хасан договорился видеться с Белитой по выходным дням ближе к сумеркам возле главного магазина на площади.

***

После этого у Хасана и Белиты несколько раз получилось выйти на «живую» связь, а Элиса имела возможность читать объемные и очень теплые письма от любимого человека. Особенно девушке нравились стихи, посвященные ей. В бесхитростных, но очень чувственных строках читались боль и душевные страдания парня, звучала его тревога о завтрашнем дне.

Элиса очень боялась гнева родителей и делала все, чтобы ее чувства не вызвали какие-либо подозрения у близких. Вот и приходилось девушке после неоднократного прочтения со слезами на глазах сжигать письма. Но стихи она запоминала, да еще заносила в свой дневник, не указывая имя автора.

Особенно запало в душу одно стихотворение, там были такие строки:

Не вечны мы и мизерен наш пир,
Жизнь завершим мы траурным обрядом...
И если вдруг покинешь этот мир,
То пусть меня хоронят где-то рядом.

А Хасан был уверен, что у него нет других вариантов, кроме как умыкнуть любимую девушку. Главное, сама Элиса готова была к роли «похищенной», что означало крайне серьезные трения с родителями. И была еще одна проблема: как и на чем следовать до «пункта назначения»? Правда, был один вариант: сесть на поезд и уехать в другую область к близким родственникам, которые помогли бы не только решить возникшие хлопоты, но и оказали бы на первых порах материальную помощь.

В один из дней Хасан сумел передать письмо Элисе, в котором предлагался план побега.

Молодой человек, конечно, очень хотел получить положительный ответ, но при этом понимал, что процент вероятности отказа очень высок.

Несмотря на все опасения, Элиса написала, что в назначенное время будет на железнодорожном вокзале...

В условленный вечер молодые к поезду не опоздали. С Хасаном был его надежный друг Гапур, который, как обязательный компаньон жениха, решил поехать с ним на новое местожительство.

Без приключений и проблем ребята на следующее утро прибыли в Павлодар. А вечером их привечали родственники, живущие в 40-а км от областной столицы. Молодожены были счастливы, несмотря на то, что хватало проблем с трудоустройством и жилплощадью, да и «уйти на дно», затаиться на время было довольно сложно – любая информация быстро передавалась из уст в уста, покрывая большие расстояния.

Хасан с Элисой несколько месяцев находились в изоляции от своих родственников: их искали с двух направлений, и вскоре у ворот дома появились решительно настроенные люди.

Ни на какие просьбы и увещания они не реагировали, и условия их были предельно жесткими: не отдадите Элису – получите вражду с непредсказуемым концом. При этом наотрез отказались участвовать в процессе стариковской дипломатии, дескать, любые вопросы могут обсуждаться только по возвращении Элисы домой!

И гости добились своего: оставили хозяев без невестки...

***

Дома Элиса фактически находилась в заточении. Не показывался в общественных местах и Хасан, но при этом не терял надежду, что все образуется и со временем стороны сумеют договориться. Поздним вечером он приходил к знакомому дому и подолгу издалека наблюдал за силуэтами в окнах. Иногда

ему казалось, что вот-вот откроется калитка и он шагнет навстречу к своей любимой...

Но из темного дворика Башаевых ни разу не прорвался до боли знакомый голос, а в окнах так и не появились контуры дорогого ему человека.

Иногда Хасан приходил на площадку перед «красным» магазином (чеченцы нарекли его таким названием из-за черепицы соответствующего цвета) в надежде встретиться хотя бы с Белитой, он почему-то был уверен, что та его поймет и даже устроит встречу. Конечно, это было практически нереально, но Хасан никак не мог освободиться от своих иллюзий.

И в один из морозных декабрьских дней ему повезло. Выходя из магазина, он обомлел: перед ним стояла она – Элиса, которую не видел целых четыре месяца! Хасану казалось, что не видел близкого человека целую вечность.

– Я с ума схожу, я не могу без тебя... – успел сказать он в миг, когда пересеклись их взгляды.

Девушка была в шоке. Она заметалась на месте, а потом юркнула в магазин.

Хасан понимал, что другого шанса договориться может и не быть, и стал ждать у угла магазина, пока в проеме двери снова покажется Элиса. Его Элиса...

Парню невероятно повезло. В «красный» магазин в эти минуты никто не спешил, видимо, холод заставлял людей не покидать домашние очаги.

Зато в дверях снова появилась она, его ненаглядная...

Хасан знал, что у него очень мало времени, чтобы сказать самые важные слова, и он успел сообщить главное:

– Я буду здесь каждое воскресенье, в 10 часов утра. Умоляю тебя – приходи!

– Попробую, – ответила девушка и быстро удалилась, а Хасану показалось, что на мрачную округу вдруг брызнули золотые лучи солнца...

Он шел домой, и радость наполняла весь его внутренний мир. «Теперь я буду часто ее видеть! Теперь у нас будет возможность как-то решить наши проблемы!» – твердил он себе, и эти мысли были главенствующими в бурном потоке нахлынувших разом идей и планов.

Дома он застал родителей за оживленной беседой, и обрывки фраз дошли до его слуха еще в сенях, когда раздевался. Отец интересовался, встречается ли сын с какой-нибудь девушкой, и при этом добавил, что следовало бы подумать о женитьбе.

– Меня тревожит психологическое состояние сына, видимо, никак не отойдет от мысли связать свою судьбу с этой девушкой из фамилии Башаевых, – со свойственной ему твердостью говорил отец. – Но эта затея не имеет никакой перспективы...

Хасану не хотелось, чтобы диалог родителей имел заверченный вид, и он вошел в комнату.

– Где пропадал? – взглянув исподлобья, спросил отец, ожидая ответа у дверей в другую комнату.

– С друзьями был на майдане, – ответил сын. И он не солгал. После встречи с Элисой виделся с Гапуром, с которым поделился радостными вестями. Хасан никогда не пошел бы против воли отца и чувствовал моральное удовлетворение от своей прыти: зашел к родителям в тот момент, когда отец собирался вынести жесткий приговор выбору сына. Диалог родителей оборвался на самом интересном месте, и пока он не возобновился, Хасан решил поговорить с матерью. Бедная женщина, как она переживает за неудачи единственного сына! Так хотела видеть в доме невестку, но какой-то злой дух работал против них. Вот и сын мучается: никак не может утрясти главный вопрос в своей жизни. Но сегодня надо, чтобы глава семьи Бауди в гневе не сорвался и не вынес жесткий вердикт, запрещающий сыну встречаться с Элисой.

Оставшись с матерью один на один, Хасан сказал ей, что видел жену после

долгой разлуки и добавил, что будет добиваться ее возвращения.

– Пока по шариатским законам разводиться с ней я не собираюсь. Она мне жена, и о разводе не может быть и речи, – твердо заявил Хасан.

– У тебя своя правда, а у родственников Элисы – своя. Они тебя в качестве зятя не признают, поскольку не давали добро на ваш союз, как этого требует шариат, – выразила свои сомнения Табарак.

– Но мулла благословил нас! – настаивал Хасан.

– Он должен был приехать сюда, разыскать родителей Элисы и поставить логическую точку над бракосочетанием, но он этого не сделал...

– А ты уверена, что Башаевы пошли бы навстречу?

– Не уверена. Даже точно знаю, что не пошли бы... Но ведь и самой попытки не было, чтобы довести начатое дело до конца. Ты хоть знаешь, что мы должны были по нашему закону произвести определенные затраты, но ни в форме «урду», ни в форме «там» этого не было сделано? Так что встречные аргументы будут более чем серьезные, боюсь, нам крыть их будет нечем, – доказывала Табарак свою правоту.

– Нана, у меня складывается впечатление, что ты являешься их адвокатом. А кто будет защищать меня?

– К сожалению, ты сделал все, чтобы лишить нас всех этой возможности.

– Ошибки свои признать несложно, но ведь надо еще попробовать выправить ситуацию, довести ее до логического конца.

– Конечно, что-то надо делать. Но как быть, когда в основе этого конфликта стоит старая вражда между нашими фамилиями, а ты еще усилил этот конфликт своими безрассудными действиями?

– Даже находясь на чужбине, живя впроголодь под «крышей» местной коммуны, мы не можем освободиться от этих допотопных адатов, – сокрушался Хасан. – Когда же мы научимся жить цивилизованно?!

– Ну ты у нас человек современный... Куда нам до тебя... Да вот образованность твоя нам пока доставляет только проблемы, – не сдавалась мать. И она была убедительна в своих доводах. Не зря Табарак имела репутацию мудрого человека.

В сознании же Хасана доминирующей была мысль, что никто не хочет понять его. Впрочем, один человек его все-таки понимал... Хорошо понимал... И с ним, с этим дорогим для него человеком, он обязательно встретится в ближайшее воскресенье...

– Нана, а ты смогла бы уважить мою просьбу в одном важном для меня деле?

– Хасан тщательно подбирал нужные слова. – Мне нужна твоя помощь, я тут, когда заходил, в сенях услышал ваш разговор с отцом. Мне понятен порыв его души, он находится в сложном положении. Чувствую, что он собирается запретить мне видеться с Элисой. Если он это сделает, я буду вынужден подчиниться: слово отца для меня – закон. Но уверяю тебя, это не выход из положения. Так можно только разбить счастье двух людей. Я уверен, что все образуется и Башаевы смягчат свою позицию. В конце концов, не враги же они собственной дочери? Вы с отцом быстро находите общий язык... Пусть он пока хотя бы не запретит мне встречаться с ней... Я вас не подведу. Посмотришь, время будет работать на нас.

– Ладно, попробую, но ты должен знать одно: за вами будет следить весь поселок. Надо быть крайне осторожным...

– Я тебя понимаю, нана. Все будет нормально.

***

После той случайной встречи прошло три недели. Хасан каждое воскресенье, несмотря на лютый мороз, приходил на эту площадку и по два-три часа «дежурил» у входа. Ему не хотелось верить, что родители Элисы могли узнать об их секрете и помешать свиданиям. Отсутствие информации толкало его

к безрассудным действиям, но он твердо решил терпеть, терпеть и еще раз терпеть...

Вот и на этот раз холод пронизывал тело насквозь, пробираясь через ватную одежду и кожный покров, врезаясь в глубины организма. Он ясно ощутил, что длительное пребывание на улице начинает сказываться на его здоровье, и его охватил панический страх.

– Вдруг организм не выдержит, и я стану пленником кровати, – мучился сомнениями Хасан, – а Элиса придет в магазин именно в тот день и в тот час, когда болезнь прикует меня к постели?!

По телу пробежала предательская дрожь. Чувствуя подступающий озноб, он быстрыми шагами стал удаляться от магазина. В это время по соседней улице неспешной походкой шла Элиса... Они разминулись буквально на несколько минут. Девушка узнала его со спины. Если б она позвала Хасана, тот наверняка услышал бы. Но Элиса побоялась это сделать: вдруг кто-то услышит, а затем донесет до родителей, тогда все – исчезнет последняя возможность встретиться...

Хасан даже не оглянулся. Его жутко лихорадило, было одно желание: побыстрее добраться до родного очага и плотно прижаться к стенке печи. Ему казалось, что тепло от раскаленных углей сразу же укрепит его дух, но богатырское здоровье подвело в самое неподходящее время.

День ото дня ему становилось все хуже и хуже. Стало ясно, что без вмешательства врачей не обойтись. На четвертый день домашнего плена и постельного режима он был доставлен в городскую больницу.

***

Острая форма бронхита заставляла Хасана редко покидать одиночную палату. Где-то на десятый день он позволил себе «прогуляться» по длинному коридору. Хасан чувствовал себя на порядок лучше, чем в первые дни пребывания. На вечерней процедуре медсестра, молоденькая казашка по имени Роза, задержалась у дверей и спросила: «У тебя нет в этом отделении среди больных родственницы, подруги или знакомой?»

– Нет, – ответил Хасан, – по крайней мере, я ничего не знаю об этом: ни с кем не виделся и не общался. А в чем дело?

– Дело в том, что в последней палате лежит девушка-чеченка, ну... в положении, и она, как я поняла, ведет дневник. Вчера разговорились. Я случайно в тетради между страницами увидела одну фотографию. Если я не ошибаюсь, на снимке был ты... Я на всякий случай спросила, как звать парня, и в ответ услышала... твое имя.

– Молодой человек на снимке был в фуражке?

– Да, в черной...

Хасан уже не сомневался, что в той самой дальней палате лежит Элиса.

– Роза, спасибо тебе. Если бы ты знала, какую хорошую новость ты мне подарила, – бодрился Хасан, – я тебе всю жизнь буду благодарен.

– Ты не стесняйся, говори, если какая помощь нужна будет, – предложила учтиво Роза.

– А что с ней? Давно ее положили? Главное, когда ее должны выписать?

– У нее запущенный бронхит, как и у тебя... Положили вас в один день, да и курс лечения идентичный твоему...

– Тогда... тогда... – Хасан лихорадочно искал нужные слова, – передай ей, что я здесь, во второй палате лежу...

– Я, конечно, могу это сделать, – ответила девушка, мило улыбаясь, – но что мешаешь тебе самому пройти до конца коридора и задержаться на некоторое время напротив ее палаты? Или позвать ее?

Хасан, привыкший встречаться с Элисой, преодолевая большие трудности, неожиданно для себя оказался в такой близости к любимой, что невольно стал

плохо ориентироваться в пространстве.

– Конечно, Роза, конечно, – охотно согласился Хасан, – я это непременно сделаю. А ты... ты – самая лучшая девушка в мире после вашей пациентки из палаты № 18 по имени Элиса!

– Вот так и бывает в жизни... Ходил бы ты еще дней десять по коридору туда и обратно и мог бы с ней не встретиться: то она сидела бы в своей палате, сутки напролет изливая свою душу дневнику, то ты лежал бы на своей койке, уставив взор в потолок, думая о любимой девушке, которая находится неизвестно где и занимается черт те чем... А она, твоя судьба, как оказалось, на расстоянии десяти шагов скучает по тебе.

– Она не девушка моя, хотя – и судьба, и сама жизнь, – с напускным пафосом произнес Хасан.

– Напустил ты туману. Это как понимать?

– Да жена она моя, понимаешь, – жена!

– Вот теперь точно не понимаю. И как вы с женой врозь оказались в больнице и ничего друг о друге не знаете? В разводе что ли?

– Да, в разводе, только вынужденном... Потом поговорим. А пока я хочу привести себя в порядок, побриться... Теперь для меня каждая минута что вечность, – Хасан говорил бодро и весело и мало походил на больного человека.

– Роза, я твой вечный должник, – добавил он, – и во много раз этот долг возрастет, если ты поставишь эту девушку на ноги!

– Ну, не я одна... Тут у нас врачи отличные. Все будет нормально.

Процесс бритья давался нелегко: лезвие марки «Нева» нехотя освобождало кожу от густой двухнедельной щетины. Наконец зеркало «выдало» обновленное лицо. «Да, такой образ для долгожданного свидания вполне подходит», – решил Хасан и в приподнятом настроении быстро направился к дальнему углу коридора. Он на ходу рисовал себе разные варианты встречи, и почему-то больше всего ему хотелось почувствовать ее близость спиной, затылком, а потом резко повернуться, и...

Он уже был близок к заветной двери, когда его опередила одна из медсестер. Заглянув в «ту самую» палату, она скомандовала: «Башаева, к тебе пришли. На выход!»

Хасан опешил. Его радужные планы ломались на ходу. Он быстро сообразил, что возвращаться к себе нет смысла: там, совсем рядышком, – входная дверь, где уже стоят родственники Элисы. Но и ждать у женской палаты он не мог, поскольку за этим пятачком издалека уже наблюдали.

Хасану ничего другого не оставалось, кроме как юркнуть в соседний процедурный кабинет. Там за столом сидела Роза, которая удивленно спросила:

– Что с тобой?!

И Хасан рассказал ей все, особенно не увлекаясь деталями. Выслушав драматическую историю молодого человека, Роза сделала паузу для полного осмысления услышанного, а потом задала еще один вопрос:

– И что ты собираешься делать?

– Все, что угодно, лишь бы быть с ней вместе!

– Это общее желание. Меня интересует конкретный план твоих дальнейших действий.

– У меня нет других вариантов, я готов с нею убежать на все четыре стороны, – свои ответы Хасан больше строил на эмоциях.

Роза же на фоне собеседника выглядела предельно рассудительным человеком.

– Во-первых, во всех четырех сторонах света тебя никто не ждет, – сказала она, – не забывай, что ты – чеченец. Во-вторых, пока ты находишься в больнице, в Москве приняли решение восстановить вашу республику. В любое время может все измениться...

– Роза, ты хоть знаешь, о чем ты говоришь?! Какое восстановление? Где ты об этом слышала? – Хасан был шальной от услышанного.

– В сегодняшних газетах. Принесу обязательно. И по радио говорили. На всякий случай спросила у отца, он тоже подтвердил...

Хасан не находил себе места: то садился, то вставал, несколько раз менял курс от двери к окну и обратно. Он знал о своей исторической Родине больше по рассказам старших. Ему не было и шести лет, когда со всеми сельчанами на американских «Студебекерах» был доставлен на железнодорожный вокзал Грозного. А детская память хранила воспоминания о весеннем цветении садов, о речке Мартанке, о выпасе овец на лугах. И все это для Хасана являлось сказочной идиллией из его раннего детства.

И вот теперь он был чрезвычайно обрадован новостью, что чеченцы получают возможность возвратиться в родные места. И, конечно, он первым делом подумал о том, что на землю предков он и Элиса ступят вместе – мужем и женой...

– Роза, я не знаю, как тебя отблагодарить, но даю слово мужчины: твоя помощь отзовется добрыми вестями в будущем... Мне никогда этого не забыть...

– Хасан, давай пока не будем заглядывать в завтрашний день. Перед тобой стоят важные жизненные вопросы, и я хочу оказать тебе «экстренную» помощь в их решении.

– Ты, словно знаешь, как мне можно помочь, – заметил Хасан, и в его голосе сквозили нотки надежды услышать спасительный план.

– Я вижу, что после выписки вам очень непросто будет встретиться, еще труднее – договориться и куда сложнее осуществить задуманное. Если и идти на кардинальные шаги, то это следует сделать именно в день выписки, о котором ваши родители не должны знать. Но на сегодня хватит: мне нужно еще поговорить с братом...

***

Роза выросла в интеллигентной семье. Отец посвятил себя преподавательской деятельности и работал в одном из престижных карагандинских вузов. Младший братишка Тимур учился там же и мечтал стать профессиональным разведчиком недр. Сестра Гульнара после окончания института удачно вышла замуж за сокурсника и уехала жить в г. Акмолинск. Молодая семья активно включилась в процесс освоения целинных земель. В общем порыве комсомольского движения Серик и Гуля быстро сделали карьеру и оба работали на ответственных должностях в обкоме комсомола Акмолинской области.

Обычно на выходные дни молодые приезжали домой к родителям. И в этот субботний вечер Роза ждала встречи с сестрой и ее мужем с нетерпением... Предстоял серьезный разговор. Однако до этого надо было переговорить с Тимуром. Хоть брат был моложе на год, но его мнение было для нее значимым.

Оставшись наедине, Роза закрыла дверь в смежную комнату, тихо уселась рядом за стол и начала диалог.

– Тимур, ты мог бы меня поддержать в одном щепетильном вопросе? Дело в том, что надо помочь двум молодым людям в их трудноразрешимой проблеме. Я пыталась сторониться всего этого, но у меня не получается. Меня очень тронула история и сегодняшняя ситуация, в которой оказались мои пациенты...

– Серьезно больны что ли?

– Да, очень больны... любовью друг к другу. Там такие страсти... Ромео и Джульетта отдыхают. Дело в том, что герои этого любовного романа являются чеченцами.

– Здравые! Ты хоть знаешь, какие у них суровые законы? Я не думаю, что ты все взвесила, прежде чем решилась вклиниться в судьбу спецпереселенцев.

– Но ты послушай сначала, а потом вместе решим, как помочь этим людям.

Или... стоит ли вообще им помогать?

И Роза рассказала все, что услышала от Хасана во время той неожиданной встречи в процедурной.

Тимур долго молчал, осмысливая рассказ сестры, а потом спросил:

– И чем мы можем помочь?

– К чужой беде нельзя быть равнодушными, ведь так? Тем более в этом нет практически никакого риска и не требуется никаких жертв.

– Ты мне скажи конкретно, чем я – Тимур Бекбаев – могу им помочь?

– Есть у меня одна задумка, которую можно было претворить в жизнь в эти выходные дни. Дело в том, что завтра, в субботу, их обоих выписывают из больницы, но родители об этом еще не знают. Если их в этот день заберут домой, все наши усилия будут тщетными: девушку просто невозможно будет выволочить. Нереально и то, что мы сможем объединить и согласовать все последующие действия – нет связующих звеньев. Поэтому остается один вариант: чеченские Ромео и Джульетта больницу покинут с нашей помощью... Я сегодня работаю в ночь и попробую все вопросы с ними утрясти.

– Ты мне все-таки скажи, какую роль при этом исполняю я?

– Самую ответственную и главную. Ты договариваешься с Сериком и на его машине забираешь наших чеченских друзей из больницы.

– Допустим, уговорил его, а потом забрал. Наши дальнейшие действия? Учти, их выписывают в субботу, а наша сестра со своим мужем придет домой только в воскресенье, в обед. Где все это время будут находиться беглецы?

Тимур ставил вопросы выверенные – по ситуации.

– Есть три варианта: первый – я договариваюсь с главврачом, и больных выпишут не в субботу, а в воскресенье. Второй: если даже их отпустят в субботу, можно договориться, чтоб им разрешили остаться в больнице – где угодно – на одни сутки. И третий: мы их забираем в день законной выписки, и Серик сразу с ними уезжает к себе в Акмолинск. Последний вариант наиболее приемлем, потому что в нем меньше хлопот и риска, – задумчиво произнесла Роза.

– Мне тоже кажется, что им нужно уехать, не задерживаясь в нашем городе, при первой возможности. Думаю, Серик меня поймет и пойдет навстречу, – поддержал сестру Тимур.

– А я возьму на себя Гулю. Да тут много хлопотать и не надо. Мы с ней общий язык быстро находим.

– Выволочить их из больницы и отправить в Акмолинск – это всего лишь половинчатое решение проблемы, – заметил Тимур, – а что там они будут делать?

– В тех краях – бескрайние целинные земли. Ударные стройки. Золотая современная молодежь. Серик со своими связями и возможностями быстро их определит, куда надо. Я и об этом подумала, – важно заявила Роза.

– Может, и ты туда пойдешь. Тебе не целителем надо работать, а целинником...

– А что, можно и втроем поехать. Я бы не была там лишней...

– Ты пока реши проблемы своих новых друзей. А целинных земель в Казахстане хватает. У тебя перспективных вариантов гораздо больше, чем у них. Ты лучше подумай о том, как будешь в ночную смену колоть одних и строить план побега для других, – парировал брат, – хотя... я тебя знаю, у тебя получится.

***

Хасан трепетно ждал, когда в палату зайдет эта миловидная казашка. Он верил, что та придет с добрыми вестями, уж больно многозначительно было сказано ему: «Мне нужно еще поговорить с братом...»

«Какой-то сюрприз она готовит, но какой?» – много раз задавался вопросом Хасан, но ответа не находил. При этом ему верилось, что что-то необычное

должно произойти в его жизни в самое ближайшее время.

А с Элисой он встречался и довольно часто. Особенно памятной была первая встреча в больнице. Он долго-долго стоял спиной к ее палате и, наконец, каким-то шестым чувством понял, что дверь открыла именно она – Элиса. Хасан резко оглянулся и обомлел: такой бледной он ее никогда не видел.

– Как твое здоровье, дорогая? Давно мы с тобой не встретились...

– Теперь лучше. Было гораздо хуже. Порой мне казалось, что больше никогда не увидимся... Но Аллах милостив, хвала ему!

– Ты хоть знаешь, что нас в один день положили?

– Нет, конечно. Я вообще не знала, что ты здесь.

– Что врачи говорят?

– Говорят, что я еще поживу на белом свете. Я же еще должна стать матерью... Ты же хочешь этого, верно? – Элиса посмотрела исподлобья в глаза Хасану, точно зная, какой последует ответ.

– Конечно, хочу! Ты же моя жена! И я тебя никому не отдам!

– Если сможешь, защити меня...

Первый их диалог оборвался в момент, когда надо было сказать главное. Элиса, уходя к себе, где ее ждала медсестра, тихо сказала:

– Мы теперь часто будем видеться, пока нас здоровых отсюда не попросят...

– Давай сегодня же вечером посидим в коридоре, – предложил Хасан, – и лучше попозже, когда не бывает посетителей?

– Договорились...

Они встретились в условленном месте ближе к полуночи. Сидели долго, и никто их не тревожил. Хасан все время норовил пожать Элисе руку и при этом добавлял:

– Имею право.

– И кто тебе дал это право?

– Мулла. Он же благословил нас, когда были в бегах, забыла что ли?

– Конечно, нет. И на это была воля Всевышнего! Как это у русских: «Браки заключаются на небесах...» Да, именно так. Но мы своими действиями способствовали этому...

– Я тебе не сказал главного. Элиса, у нас есть хорошая возможность – один единственный вариант – уехать отсюда в другую область и жить там. Над этим «проектом» работают люди, и не где-нибудь, а здесь, под крышей этой больницы. Мне нужно заручиться твоим согласием, что ты готова осуществить этот вояж.

– Я готова идти с тобой на все четыре стороны, – твердо заявила Элиса, и эта решимость читалась в ее глазах.

– На все четыре стороны не надо, нас там никто не ждет, мы же – чеченцы... – чуть ли не присвоил Хасан чужие слова, но вовремя спохватился... – Ты знаешь, эти слова, что я только что произнес, принадлежат не мне, а нашей медсестре Розе. И она права: нас там никто не ждет. Но эта казашка делает все, что в ее силах, чтобы нас где-то ждали и нам помогли. Видимо, у нас с ней будет серьезный разговор до конца нашего пребывания в больнице.

– А мне отсюда никуда не хочется ехать. Здесь так тепло, уютно, хорошо. И мы вместе...

Хасан крепко пожал Элисе руку.

– Да, нам хорошо. Но мы здесь находимся рядом, около, возле... А вместе мы будем там, куда забросит судьба, на что будет воля Аллаха и к чему приложит руку удивительная девушка по имени Роза.

– Слушай, а я ведь и могу ревновать тебя к ней. Мне сказали, что ты засиделся с ней в процедурном кабинете...

– М-да, женщины и в больнице – женщины, а только потом пациентки. А в том кабинете мы обсуждали план нашего побега. Хотя... Если бы не ты, я ее точно повез бы к себе на Кавказ...

– Ну, с этим придется повременить, – кокетливо ответила Элиса, и Хасан заметил, что ясный, живой облик постепенно возвращается к ней.

– Думается, теперь уже недалек тот день, когда мы покинем этот край и вернемся на свою историческую родину.

– А откуда такая уверенность?

– 9 января в Москве издали Указ о восстановлении нашей республики, – дрогнувшим голосом сказал Хасан, и в его глазах появились слезы...

Элиса ничего не сказала в ответ и тихо прижалась к груди до боли родного человека.

***

Каждый вечер Хасан и Элиса приходили сюда, чтобы провести час-другой наедине. Они уже знали, что после выписки домой не попадут. Если не домой – то куда? Если станет известно куда, то к кому? Если будет кому принимать, то на какое время?

Все эти вопросы найдут свои ответы в их последний вечер в больнице.

И, наконец, эта встреча состоялась. Роза явилась, как и обещала, в 23 часа ровно. Хасан сразу для себя отметил, что девушка была настроена решительно. И первый свой вопрос она задала ясно и конкретно: «Я надеюсь, у вас было время договориться. Я хочу услышать от вас обоих, вы точно приняли решение не возвращаться в родительские дома и переехать на новое местожительство?»

– Точно хотим. Как муж и жена, на своем семейном совете мы пришли к выводу, что хотим жить там, где нам никто не будет мешать, – четко выговаривая каждое слово, ответил Хасан.

– А ты что скажешь? – обратилась Роза к Элисе.

– Я скажу, что для меня мнение мужа является законом, – ответила та.

– У вас есть выбор, где будете в дальнейшем жить?

– Никаких вариантов нет. Надеемся на твою помощь, – ответил Хасан.

– У меня же только один вариант – это Акмолинск или близлежащие места к этому областному центру. Там живет сестра. Гуля и ее муж работают в обкоме комсомола и в состоянии оказать вам помощь. Брат связался по телефону с зятем, и тот пообещал помочь вам с общежитием и с трудоустройством. Завтра он приедет на своей машине и будет ждать нас у ворот. Об одежде не беспокойтесь – все приготовлено.

– Мы же его не знаем, – задался вопросом Хасан.

– А я для чего? – резонно переспросила Роза. – Вместе поедem ко мне, а дальше – курс на север...

– Ваши родители могут нам помешать? – поинтересовалась Элиса.

– И здесь вам повезло. Родители с утра на работе. Так что, бояться нечего...

– Роза, все прочие вопросы для нас несущественны, они, конечно, будут возникать по ходу нашего обустройства на новом месте, но, уверен, с вашей помощью мы справимся, – твердо заявил Хасан.

– Тогда после утреннего обхода мы вместе покинем это счастливое для вас учреждение. Идет?

– Идет, – чуть ли не хором ответили Хасан и Элиса...

***

Утро выдалось морозным. Машину подогнали чуть ли не к приемному отделению. Роза предусмотрительно приготовила верхнюю зимнюю одежду.

Когда втроем – Хасан, Элиса и Роза – направлялись к «Победе», неожиданно из-за угла появилась Белита...

– Элиса, ты куда? – чуть ли не вскрикнула она.

Элиса в замешательстве остановилась. А следом и остальные.

– Я хочу показать их врачам из другой больницы, – быстро нашлась Роза.

– Подождите, – успокоил всех Хасан, – это «свой» человек, ей можно рассказать о наших планах. Кто-то ведь должен знать, в каком направлении мы убыли...

– Белита, иди сюда, есть разговор, – позвал к себе девушку Хасан. Та подошла. И нетрудно было прочитать в ее глазах проблески страха.

– Я тебе говорю, как есть. Мы с Элисой уезжаем жить в другое место. Там нас уже ждут. Есть где жить, работать тоже. Так что не волнуйся. Все будет хорошо. Ты единственный человек, кто об этом теперь знает. Я тебя прошу, никому ни слова. Договорились?

Белита кивнула головой, и в следующий момент в ее глазах появились слезы.

– Если вдруг что-то произойдет, связывайся с Розой, она работает в этой больнице, в терапевтическом отделении. И спасибо за все твои добрые дела! – спокойно и уверенно завершил свою речь Хасан.

– Эти вещи хоть заберите с собой, – Белита протянула узелок Элисе, – там все зимнее. Я как чувствовала, что вас сегодня выпишут.

Девушки обнялись на прощание. Через минуту серая «Победа» увозила в своем чреве молодых людей, которые так хотели быть вместе и имели свое особое представление о счастье.

***

Акмолинск встретил гостей из Караганды еще более крепким холодом. Серик определил Хасана с Элисой в семейное общежитие. Частенько в гости приезжала Гуля – непременно с большой авоськой с продуктами питания. Она же, нет-нет, да и оставляла небольшие суммы денег. Попечительство Серика на этом не ограничивалось. Он помог Хасану в первые весенние дни устроиться на работу в крупный колхоз. Контора располагалась на окраине города. Несмотря на трудности с передвижением, Хасан каждый день преодолевал по 5-6 километров на работу и обратно домой.

В неделю один раз он писал письма домой. На конверте на месте адреса-получателя постоянно выводил: «До востребования».

А там, в Караганде, Бауди один навевался на почту, где постоянно получал письма по предъявлению паспорта. Он не был доволен поведением сына, но где-то в душе теплилась надежда, что все завершится благополучно. Хотя... верилось в это с трудом. Особенно после последней встречи с ходоками от Башаевых. Вели они себя крайне бесцеремонно и нахально. Пошумели на всю округу, дескать, не отдадите Элису – получите вражду с тягчайшими последствиями.

Бауди умел ладить с душевным равновесием, но тут не сдержался...

– Слушайте, кончайте этот базар со своими угрозами! Мы не из пугливых. Всего навидались. Мне самому нужен сын у себя под боком, но я не знаю, где он находится. Объявится – разберусь. А вообще-то, вашу дочь насильно никто никуда не уводил. Она сбежала от вас, потому что захотела жить с любимым человеком, с мужем, с отцом ее будущего ребенка. Но я вас предупреждаю, если кто-то из моих близких людей пострадает, ответ будет ровно таким, насколько вы накликаете на себя беду...

Гости не ожидали от хозяина такого жесткого ответа и отправились вставая.

После этого с той стороны не было никакой весточки.

В письмах Хасан писал, что нашел свое место в жизни: учится, работает, окружен вниманием дирекции колхоза и товарищей по работе.

Бауди, конечно, знал, что рано или поздно сын объявится, скорее всего, уже в качестве отца. Ему хотелось верить, что именно последнее обстоятельство заставило бы Башаевых утихомириться.

Хасан все еще скрывал, где находится. Бауди, конечно, хотел видеть сына. Но в то же время признавался себе, что время еще не наступило...

А тем временем чеченцы получили разрешение переехать на родную землю и самые нетерпеливые уже успели надыхнуться воздухом Даймохка. Первые весточки оттуда не радовали. Возвращенцам оказывали всяческие препятствия как власти, так и население. Но люди отчаиваться и не думали и готовы были драться за свои родные очаги насмерть.

Бауди тоже был решительно настроен продать дом, собрать весь свой скарб и отправиться в далекий и очень близкий Урус-Мартан.

В конце февраля неожиданно принесли весточку от Башаевых, что Элиса приехала домой и на люди не показывается. Причем соседи судачили по-разному: одни утверждали, что развелась, другие – просто навестить больную мать.

С мрачным настроением Бауди отправился на почту, уверенный, что от сына будет письмо с подробной информацией. Так и было. Хасан писал, что Элиса получила известие от Белиты о болезни матери, которой день ото дня все хуже и хуже...

Элиса не могла не навестить самого близкого для нее человека – мать. Они-то друг друга всегда понимали, но с их мнением в семье никто не считался...

Бауди с Табарак ходили навестить больную, но за порог дома их не пустили... Не получилось увидеться и с Элисой, которая все время находилась у изголовья матери. К середине марта вдруг объявился Хасан, видимо, рассчитывая, что дальнейшую их судьбу определят старики – с той и с этой стороны. Да еще Элиса готовилась стать матерью, и этот факт должен был, по идее, ослабить вражду.

Больная так и не пришла в себя. После недельной комы в последний мартовский день карагандинской весны ее не стало. Йисите не суждено было увидеть родного очага, покинутого 13 лет назад. Ее прах предали земле на мусульманском кладбище в окрестностях Караганды.

Даже смерть жены не вызвала чувство умиротворения в душе Саида. Наоборот, уже через неделю после похорон Йиситы он начал придирается к дочери даже по мелочам. Элиса понимала, что отец не может ей простить побег из больницы.

Особенно Саид стал свирепствовать после своей беседы с невесткой Белитой.

– Когда она должна стать матерью? – поинтересовался он.

– Через месяца полтора.

– В моем доме она не будет нянчить потомка Абдуллы! Не бывать этому! Так ей и передай!

– Отпустишь обратно к мужу? – робко спросила Белита.

– К какому мужу! Вы что, хотите отправить меня к праотцам вослед своей жене?

– Дади (так ласково называла Белита свекра), скажи, что ты предлагаешь, и я передам твои слова Элисе¹.

– А ты передай дочери, что новорожденный сразу будет передан своему отцу, и пусть он делает с ним все, что хочет.

– Дади, но это... это же и перед Богом грешно, – Белита сама вдруг удивилась своей смелости.

– И ты будешь учить меня, как жить? А не грешно, что для людей потешно? Вы все хотите выставить меня на посмешище народу! Будет так, как я скажу!

– Хорошо... хорошо... я могу идти? – осторожно спросила Белита.

– Иди и сегодня же передай дочери мой наказ! Ты поняла?

– Поняла.

Белита вышла из комнаты и в сенях столкнулась с Элисой. На ней лица не

---

¹ По чеченским обычаям, отец не имеет права напрямую общаться с детьми по многим вопросам личного характера.

было: она все слышала...

В эту ночь Элиса не сомкнула глаз. Какие только думы не приходили в голову: от планов повеситься до поиска возможности избавиться от ребенка... Но не зря говорят: утро вечера мудренее. С первыми лучами солнца, выйдя во двор, Элиса устремила свой взор к небесам, стояла таким образом долго, а потом пришла к главной мысли: «Нет, ни за что она не сделает то, что грешно перед Всевышним. Пусть все идет своим чередом, но навлекать безрассудными действиями на себя тяжелые грехи она не будет. Да и Хасан не простил бы ей этого...»

Еще почти месяц Элиса жила узником в четырех стенах. Белита старалась всячески отгородить ее от работы по хозяйству. В один из вечеров ей стало плохо. Очень плохо... Но, памятуя о ревностном отношении Саида к больнице, никто не заикнулся даже о госпитализации в родильное отделение... Позвали соседку-акушерку на дом. Она приняла ребенка, который не подавал признаков жизни... Через четыре недели рядом с могильным холмиком Йиситы появился еще один небольшой бугорок, который даже не обозначили какой-нибудь воткнутой в землю деревяшкой...

Смерть ребенка в первый день появления на свет огорчила многих, но не Саида. Он посчитал, что таким образом Аллах оградил его от дальнейших мытарств.

Строить свою дальнейшую жизнь глава семьи Башаевых на казахстанской земле не собирался. Он давно вел переговоры о купле-продаже своего дома с соседом по двору – с состоятельным немцем Микаэлом. Келейно быстро оформив документы, скорым образом собрав весь свой скарб, в последний апрельский день Башаевы на поезде, следующем в Москву, покинули Караганду. Дальше их ждал далекий Кавказ. Саид предполагал, что обустроиться на родной земле будет сложно, особенно большие трудности испытывали возвращенцы из Грозного. Но он готов был осилить любую беду, лишь бы не быть рядом с Абдуллаевыми...

К вечеру поезд был в Акмолинске. Сообщение о том, что они прибывают в родной для нее город, бросило Элису в жар. Она глянула в окно, а там – знакомый вокзал... Даже лица знакомыми показались... Сердце забило сильнее обычного. Ей было неизвестно, где находится Хасан, хотя знала, что тот приезжал вслед за ней в Караганду. Но в Акмолинске были их хорошие друзья-казахи. Они точно помогли бы в случае чего... Но... Из соседнего отсека показался отец и сел рядом. Да еще так посмотрел на нее, что по телу пробежала дрожь...

По репродуктору сообщили: с первого пути отправляется поезд «Алма-Ата – Москва»... Вагон слегка дернулся, и привокзальные здания поплыли в обратном направлении...

Элиса не удержалась от слез, долго плакала. Белита пробовала ее утешить, но у самой появились на глазах слезы. Они были фактически одногодками, понимали друг друга с полуслова. Иногда Белите казалось, что крутой излом личной жизни Элисы проходит через ее душу, оставляя раны и на ее сердце. Но как далек от чаяний этих девушек был глава семьи Саид, который ушел к себе с грозным видом победителя! Только и сделал, что глубоко вздохнул в знак того, что все плохое осталось позади...

***

Хасан узнавал вести от Башаевых вовремя, но повлиять на ход событий или вмешиваться в них не было никаких возможностей.

После отъезда Элисы и ее родственников он вдруг почувствовал на душе какую-то опустошенность, и вместе с тем появилось острое желание навсегда возвратиться на землю отцов. Конечно, он имел и в Караганде, и в Акмолинске

массу друзей, была перспектива карьерного роста, да и на работе он пользовался определенным авторитетом, но все это уходило на второй план, как только он вспоминал картинки из своего безмятежного детства. Особенно часто в памяти всплывал берег речки Мартанки, где любил пропадать с соседскими сверстниками.

Хасан знал, что дома сложно будет найти Элису. Был уверен, что поиск надо вести в Грозном, ибо Башаевы всегда жили там и, наверное, вернулись к своим корням.

На второй день после их отъезда Хасан побывал в гостях у новых обитателей дома Башаевых. Это были немцы, депортированные из Украины. Такие простодушные люди: муж, жена и девушка лет пятнадцати, появившаяся на свет уже в ссылке. Сразу позвали за стол. Чеченцы всегда ладили с немцами. Видимо, сказывалась схожая судьба изгнанников. Хасану нравилось слушать немецкий говор: почему-то никто из них не мог даже при наличии высокой культуры речи обойтись без характерного для них акцента. А чеченцы в этом плане к русской речи приспособлялись быстро и обходились без корявости в произношении. Отличительная черта немцев: культура проживания на своих участках у них самая высокая...

Хасан сразу заметил: во дворе, который еще несколько дней назад принадлежал другим людям, уже была разбита клумба, и бойкая немка по имени Инга высаживала цветы...

Хасан пил с Микаэлом чай с печеньем, а душа наполнялась тоской: ведь в этом доме все ассоциировалось с образом Элисы. Он знал, что последние месяцы ей здесь жилось тяжело: рядом с больной, угасающей день ото дня матерью и с отцом, который вообще не умел ласково обращаться с детьми. А сидел он за столом, за которым не раз, наверное, Элиса писала ему письма. Те самые письма, которые он так и не смог ни порвать, ни сжечь, они хранятся дорогой реликвией в небольшом чемоданчике в семейном общежитии для целинников в Акмолинске. Микаэл видел, что гость занят своими мыслями и старался не мешать ему...

Наконец, Хасан откланялся и ушел, понимая, что сюда он больше может и не вернуться... В этот же день он побывал на кладбище, где возле небольшого холмика воткнул в землю доску с надписью: «Абдуллаев Магомед». Хасану очень хотелось назвать сына именем последнего пророка мусульманской уммы. Он так и сделал... Дальше дублировалась одна дата – «27 апреля 1957 года» – после слов «родился» и «умер»...

Хасан связывал с рождением ребенка особые надежды. Он почему-то был уверен, что это станет причиной примирения двух сторон. Но получилось – хуже некуда...

***

В колхозе Хасана встретили с большим радушием. Многие уже знали о той драме, что пришлось пережить этому молодому человеку в последнее время. Сочувствовали. На второй день в конторе появился Серик. Он по-братски обнял Хасана и пригласил на серьезный, деловой разговор.

– О сути нашей беседы председатель колхоза знает, и многие вопросы с ним уже согласованы. Но для начала скажи, вы, случайно, не вздумали насовсем покинуть наши края?

– С отцом об этом еще не говорил, но могу с уверенностью сказать, что он уже настроился поехать на родину. Впрочем, как и я...

– Неужели тебя здесь ничего не держит?

– Почему же, держит... Но явно перевешивают те моменты, что тянут домой...

– Друг мой, я тебя понимаю: но в вашем случае проблемы личной жизни нужно решать первоочередно. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, всегда

помогал в меру своих сил и возможностей. И далее хочу помогать, – Серик говорил не спеша и старался встретиться взглядом с собеседником. – Ты должен понимать, что на земле предков вас никто не ждет с распростертыми объятиями: предстоит борьба за право быть хозяевами своих же очагов, если, конечно, они сохранились... Там очень трудно будет найти работу на первых порах, а главное...

Серик встал и прошелся по кабинету. Он искал нужные слова, чтобы не ранить душу темпераментного горца.

– А что самое главное? – переспросил Хасан, догадываясь, о чем дальше пойдет речь.

– Мне тяжело об этом говорить, потому что вынужден беречь твои душевные раны. Но ты взрослый человек, ты мужчина, ты горец, и у вас чувство собственного достоинства имеет особую суть... Хасан, я считаю, что ты не должен, сломя голову, рваться домой: детская память и могилы предков пока подождут. Ну и Элиса тоже. Пока отец будет тщательно оберегать ее от тебя...

– Серик, если бы ты знал, сколько магнетизма в тех понятиях, что ты перечислил!

– Я все понимаю. Но они от тебя не уйдут, никуда не денутся. Ты же не собираешься продать свою душу или изменить ей? Что касается Элисы... Если она, действительно, любит тебя – будет ждать. Но дома быстро ты свои проблемы все равно не решишь. Скорее всего, к заветной цели ты себя приблизишь здесь, а не там.

– И каким образом я могу это сделать на расстоянии в несколько тысяч километров?

– Ты же говоришь, что твоего тестя можно «купить» только деньгами или высоким чином?

– Да, так и есть.

– Ни то, ни другое тебе дома не «светит», но этого ты можешь добиться здесь, в Акмолинске.

– И каким образом?

– Я к тебе как раз пришел с конкретным предложением. Ты можешь сначала поздравить меня с новым назначением: со вчерашнего дня я второй секретарь обкома комсомола, а наша организация, как известно, это – кузница кадров. Так вот, я предлагаю тебе перейти к нам на комсомольскую работу, будешь занимать пост, который я для тебя освободил.

– Но гожусь ли я для этой работы? Я же чеченец...

– Годишься. Будем постепенно двигать твоих соплеменников на руководящие посты. Поступишь в какой-нибудь вуз. Ты грамотен, мыслишь творчески. В колхозе являешься комсомольским лидером. Твои стихи на русском языке появились в печати и стали достоянием широкого круга читателей.

– Да? А я об этом не знал. Я же их, кроме вас с Гулей, никому не показывал.

Серик оживился. Ему показалось, что диалог развивается в нужном направлении. Он достал из кармана газету и положил на стол. Хасан выписывал областную «Комсомолку», но номера, полученные за время отпуска, прочитал не все. На последней странице «Комсомольца на целине» были опубликованы его стихи о дружбе, о любви.

– Спасибо, Серик. Для меня это большая награда. Я очень признателен тебе за твое участие в моей судьбе, – Хасан был тронут вниманием друга и, в принципе, уже готов был принять его предложение.

– Ну, что, будем считать, мы общий язык нашли. Завтра жду тебя с утра в своем кабинете. Договорились? – Серик протянул руку, уверенный, что она не повиснет в воздухе.

Хасан крепко пожал руку друга, но при этом намекнул на то, что не помешало бы сначала переговорить с председателем колхоза.

– А это мы мигом, – спохватился Серик, выходя навстречу руководителю

крестьянского хозяйства, который учтиво задержался в приемной.

– Сергей Леонидович, должен извиниться, но я с вашего позволения у вас заберу молодого специалиста. Этот парень больше нужен комсомолу, и добро от него самого я уже получил.

– Ну что ж, – сказал председатель, – всегда тяжело расставаться с человеком, который умеет сплачивать коллектив. Мы Хасана очень уважаем, и он нам, конечно, нужен, но готовы его уступить комсомолу во имя нашего общего дела. Я не думаю, что он нас забудет на новом поприще..

В обкоме комсомола Хасан был принят настороженно, но Серик был всегда рядом. На первом же совещании познакомил обкомовцев с новичком. Все поздравили его с назначением. Он в свою очередь выразил готовность работать на совесть. Круг обязанностей его не смутил: должен был курировать работу колхозных комсомольских ячеек. Хасан сам был комсоргом ведущего сельхозпредприятия области. Считался сильным и идейным вождем молодых.

В его кабинете был служебный телефон. Переговорил с отцом. Бауди был несказанно рад успехам сына на службе. Поговорили о сроках отъезда на малую Родину. Решено было до осени повременить с этим вопросом. Бауди в душе надеялся, что сын остынет в своих чувствах, и родственные связи с Башаевыми постепенно сойдут на нет. Он никак не мог смириться с тем, что его напару с Табарак даже не запустили во двор, когда они пришли навестить больную Йиситу.

А самой важной в телефонном разговоре была фраза: «Не получится в этом году – поедем в следующем. Ты, главное, дорожи служебным местом. Считай, тебе повезло с друзьями...»

Хасан быстро втянулся в работу. Часто бывал в разъездах, собирал молодых ребят, подолгу беседовал. Особенно приятно было общаться с соплеменниками, которые не скрывали своей гордости, что с проверкой приехал «свой» человек – чеченец...

Однажды почтальонка принесла письмо. Хасан сразу узнал почерк Элисы. Он с трепетом достал из конверта сложенный листочек. «Здравствуй, Хасан, дорогой мой человек...» – Элиса писала о том, как и где они обустроились, с какими трудностями сталкивались на первых порах.

По ее словам, вся сложность заключалась в том, что в поселок Сунжа, что в окрестностях Грозного, пока вернулись немногие и все их начинания упиралось в штыки. Отец с горем пополам сумел «отвоевать» часть своего двора, но была надежда, что до холодов вопрос возврата всего дома будет решен. «На худой конец можно будет остальное хозяйство выкупить...» – писала Элиса. А в конце письма были самые главные строки: она будет ждать и надеяться, что они снова будут вместе...

После этого Хасан регулярно получал весточки из Грозного, но обратное письмо приходилось отсылать с пометкой «До востребования». Раз в неделю Элиса ходила на почту, а потом читала и по многу раз перечитывала откровения любимого человека. Порою в конвертах она находила вырезки из газеты «Комсомолец на целине» с лирическими стихами, автором которых был Хасан Абдуллаев...

***

В один из августовских вечеров Серик пригласил Хасана к себе и за чашкой чая начал диалог на дружеской ноте.

– На вашем «фронте» перемен нет? Домой не собираетесь?

– В этом году, скорее, нет.

– Как там жена, держится?

– Пишет письма. Ждет...

– Тяжело тебе будет строить дальнейшую жизнь, пока... жив ее отец. Ты дважды перебежал ему дорогу. С его крутым характером он сделает все, чтобы

это не случилось в третий раз.

– Я знаю. Больше того, Бауди получил письмо от Саида. Тот пишет, чтобы мы на Элису больше не рассчитывали. И главное, просит, чтобы я в обратном письме написал несколько строк об официальном разводе по нашим мусульманским понятиям.

– А ты что? – оживился Серик.

– И не подумаю, – резко и твердо ответил Хасан.

– Знаешь, друг мой, ты молод и горяч, и твой горский темперамент не всегда способствует обдуманному действиям, взвешенным решениям. Ты хоть понимаешь, что не можешь принести счастье Элисе? Боюсь, что ваши лучшие дни – совместная жизнь здесь в Акмолинске – стали уже достоянием истории. Дальше что? Будешь провоцировать новые конфликты с той стороной?

– Ну, хорошо, перестану я с ней заочно общаться, не буду ей писать письма. Это разве выход из положения? Она же ждет меня, живет надеждами. А я должен ее бросить на произвол судьбы? – Хасан не только задавался вопросами, но и ждал от друга совета...

Серик понимал щепетильность момента и боялся причинить боль и без того раненому сердцу друга.

– Тебе жить, и ты сам должен разрулить ситуацию. Но не сбрасывай со счетов то, что ей только восемнадцать лет, и она не только любит и уважает тебя, но еще и мучается с тобой. И в какой-нибудь день она, уставшая от всех этих передраг, может сломаться и пересмотреть свое отношение к женскому счастью... И еще... Я узнал, что твой отец получил письмо от Саида, ну и с содержанием письма ознакомлен...

– И кто из них тебе позвонил и что просил?

– А ты будто не знаешь, у кого есть номер моего служебного телефона? С Саидом у меня разговор был бы коротким, но с твоим отцом мы общались долго...

Хасан догадывался, о чем могли говорить Бауди и Серик, а потому уверенно заявил:

– Он, конечно, тебя просил, чтобы ты повлиял на меня...

– Да, так и было. Бауди – реалист, он понимает, что в твоём положении рассчитывать на благополучие в семейной жизни не приходится.

– Мда-а, – протянул Хасан, – ну все против меня ополчились.

– Это ты мне говоришь? – с укоризной в голосе спросил Серик.

– Прости, брат, сорвалось... Надежность твоего плеча я всегда ощущал. Я в такую жуткую круговерть попал, что порою голова плохо соображает...

– Я думаю, тебе для начала нужно немного развеяться. Ты же у нас скоро именинник, верно?

– Ну да, через несколько дней двадцать стукнет. А что?

– А то, что мы завтра с утра в Караганду поедим. Выходные проведем там. В воскресенье посидим в ресторане – есть хороший повод...

– И какой же?

– День рождения Розы. Представь себе, ей тоже исполняется два десятка лет! Можно напару справить оба юбилея.

– Я-то что... Но твоя родственница стоит того, чтобы ее именины отметили пышно.

– Ну и славно. Утром подъеду, будь готов. И завтра же поговорю с твоим отцом...

***

Разговор с Бауди получился коротким.

– Серик, мой сын тебя уважает и ценит все, что ты для него сделал. Хочу, чтобы мою позицию озвучил именно ты. Хасан в плену своей душевной привязанности к этой девушке. К Элисе у нас нет никаких претензий – это

очень милый человек, и мы ее очень любим. Но отец ее... Ты прочитай вот письмо... Ну как можно с этим человеком находиться в родственных связях?! – возмущался Бауди.

Серик быстро пробежался по строкам, разместившимся на одной странице ученической тетради.

«Я не хочу вас видеть и не хочу слышать. Никакого родства между нами быть не может! Моя дочь не вернется к вам, пока я жив. Самый лучший вариант, если ваш сын даст развод по шариату...» – писал Саид, явно рассчитывая поиграть на самолюбии адресата.

– Ну что скажешь, Серик? Разве можно с этим человеком иметь какие-либо отношения? Я думаю, мы общими усилиями могли бы образумить Хасана. Ты покажи ему письмо, пусть прочитает и с твоей помощью сделает правильный вывод...

– Я попробую. Можешь считать меня своим единомышленником и опорой... – Серик позвал Хасана в соседнюю комнату и отдал письмо. По тому, как тот заходил по комнате и как заиграли на его лице желваки, видно было, что парень настроен решительно. Положив письмо в карман, он спокойно, без лишних эмоций, сказал:

– Вроде бы, нас никто не подгоняет, верно? Давайте я вам отвечу через пару недель после переписки с Элисой... Потом, сделав паузу, добавил: – И я скажу вам свое последнее слово. Как на суде...

Бауди проводил гостей до калитки. Хасан сообщил, что проведет дома два дня, а перед тем как сесть в машину, обратился к отцу:

– Бади (так он ласково называл его), в любом случае эти Башаевы больше портить тебе кровь не будут. Это я тебе обещаю. Из-за меня ты краснеть не будешь, для меня наша с тобою честь дороже всего.

Бауди опустил голову. Но Хасан заметил, что глаза его слегка повлажнели...

Субботний день Хасан посвятил друзьям и родственникам. Побывал и на кладбище, где долго сидел возле небольшого холмика. Здесь покоилось самое святое существо, которое связывало его с Элисой. Его сын... с таким великим именем и с незапятнанной фамилией, которую Магомеду не суждено было продолжить...

«Скоро мы уедем отсюда насовсем, но останутся здесь, в чужой земле, тела с покинутыми душами... За могилами никто не будет следить... Все зарастет бурьяном, а холмики со временем сровняются с землей... И все это будет тихим продолжением той суровой тринадцатилетней трагедии, тех ужасов, что пришлось пережить нашему народу в изгнании...» – думал Хасан, и его думы плавно переносились в далекую Чечено-Ингушетию...

«Бедная Элиса, как же ты там живешь?» – спрашивал Хасан у милого образа, который живо предстал перед его глазами.

«Если бы ты знала, что нас ожидает впереди? Если б ты знала...» – Хасан с грустными мыслями покидал кладбищенский двор. Он уже знал, что ответит отцу через две-три недели...

Вечером заехал Серик, и они вместе побывали в больнице. Хасан прошелся по длинному коридору до палаты №18. Постучал в дверь процедурного кабинета. «Заходите!» – послышалось оттуда, и этот голос он не смог бы спутать ни с каким другим... Роза была одна. Она, конечно, узнала Хасана и чуть ли не вскрикнула: «Неужели это ты, чеченский Ромео?»

Они иногда созванивались, и потому Роза была в курсе всех перипетий в личной жизни Хасана. Да и Серик нет-нет да и подкидывал сестре свежую информацию.

– Неужели все так плохо? Чем мы можем тебе помочь? – спросила Роза, и видно было, что это не дежурный вопрос.

– Спасибо. Вы очень любезны. Но Грозный далеко, и вряд ли нам под силу что-либо изменить, даже вместе. Если б не непримиримость отца Элисы,

можно было повторить наш сценарий побега... Но мы получили письмо от Саида, а там – чуть ли не оскорбления в наш адрес... Я не знаю, как все это проглотить и как с этим жить...

– И что вы ему ответили?

– Не стали спешить. Есть еще время для ответа.

– И мы пока свободны? Тогда у меня предложение. Я как раз меняюсь и буду отдыхать до понедельника. Давай сходим в кино?

– Принимается. А куда и что за фильм?

– Шикарная картина – «Весна на Заречной улице» называется. Фильм для романтиков и о любви. Я уже видела его, он в нашем главном кинотеатре целую неделю шел. А сегодня и завтра показывают у вас в Михайловке, в кинотеатре «Мир». Значит, идем?

– С удовольствием!

Они шли к машине: Серик ждал их за воротами. Как тогда... Хасан вдруг опешил: «Как я могу с юной красавицей-казашкой показаться в клубе, где каждый второй зритель – сосед или родственник? А о романе с Элисой знает весь поселок... И начнет судачить народ: дескать, только-только ребенка похоронил, только-только жену в Чечню отправил и уже...»

– Роза, давай Серика и Гулю возьмем, раз фильм стоящий?

– Можно...

Серик заехал домой, а потом вместе с Гулей вчетвером они направились в Михайловку. Перед кинотеатром «Мир» ажиотаж был большой – многим билетов не хватило...

– Тут уже надо выходить на заведующего клубом, – сказал Серик, – подождите меня в машине...

Вскоре он вернулся, но был чем-то недоволен...

– Вот что... – сказал он. – У меня только два билета, больше не смог достать. Инициатива сходить в кино исходила от Розы и Хасана. Они и пойдут туда. А мы с Гулей будем ждать вас в ресторане. Это тут недалеко – пешком пройдется после фильма. Нам нужно готовиться к завтрашнему банкету. Так что, все путем...

Хасану показалось, что Серик сделал все, чтобы он весь вечер провел вместе с Розой... Но ничего другого не оставалось, и он с готовностью согласился. Хасан никогда не видел такого красивого фильма о любви. Они с Розой занимали места на последнем ряду, на так называемой «камчатке», а рядом и поодаль зрители также сидели парами...

«Ай да Серик, ай да сукин сын!» – вспомнил Хасан пушкинские строки, но мысли эти не таили в себе протест. Он в первый раз был в кино с девушкой, и они вместе созерцали экран, на котором герой фильма Савченко с подачи актера Рыбникова настойчиво добивался взаимности от приезжей учительницы. Хасан иногда поглядывал на соседку и жалел, что рядом нет Элисы. Роза, как правило, ловила эти взгляды, но ни о чем не догадывалась. Ей, конечно, приятно было находиться в компании влюбленных пар рядом с молодым человеком, который и красотой, и статью заметно выделялся среди них. Она еще в фойе заметила, что на них фокусировались чужие взгляды.

«Пусть думают, что мне крупно повезло с ухажером», – пару раз мелькнуло в голове, и у нее не было никакого желания отгонять эти мысли...

Фильм смотрелся на одном дыхании, а его герои были такими естественными, духовно богатыми и романтичными, что зримо ощущалась связь зала с экраном.

В один из эпизодов, когда учительница оказалась в объятиях своего ученика из вечерней школы, Хасан вдруг почувствовал, как к его плечу прикоснулась горячая щека Розы. Его словно пронзило током. Хасан даже не шелохнулся – продолжал принимать «тепловые заряды» от неотразимых ланит Розы...

А потом они вместе шли по ночной Караганде в направлении ресторана.

Каждого из них переполняли эмоции от увиденного, но озвучить свои мысли никто не спешил.

– Очень хороший фильм, – наконец нашел, что сказать Хасан.

– Просто отличная картина, – поддержала Роза...

Потом она замедлила шаг и, поймав на себе встречный взгляд Хасана, спросила:

– Ты на меня не обиделся, что во время сеанса я проявила слабость и уронила голову на твое плечо? Я больше не буду...

– Конечно, не обиделся. Я сам плохо контролировал себя, так и хотелось взять пример с экранных героев...

– Как у чеченцев слово «нельзя» переводится на русский язык: «мегар дац»? Так вот, мегар дац! – Роза засмеялась, довольная своими знаниями родного языка Хасана.

– Это со мной бывает редко: только тогда, когда мое плечо ощущает женскую щеку...

– Да ну тебя! У меня просто в один миг получилось слияние радостных, добрых эмоций, и я разомлела в кульминационный момент...

– Ну, кульминацией, как я понимаю, служили эпизоды фильма, который мы смотрели в едином порыве души. А что еще?

– Еще? Мне дали премию по случаю дня рождения, а также – сам факт моего сегодняшнего юбилея. Я теперь совсем взрослая: мне двадцать лет. Целых два десятилетия... – Роза была в хорошем расположении духа, и игривость ей даже шла.

– Подожди... Так у тебя день рождения сегодня или завтра? – спросил Хасан, аккуратно беря Розу за руку.

– Сегодня. Завтра – банкет, наш совместный.

– Так почему ты об этом ничего не говоришь? Ну ты даешь...

– А мне Серик говорил, что сказал тебе... Я ждала поздравлений – не дождалась... Даже голову чуть не потеряла... Ну поздравь меня, я вот она, – Роза протянула руки...

У Хасана не было вариантов, чтобы уклониться от этой ласки – девушка могла и оскорбиться... И он ее обнял по-братски, по-свойски, но она вдруг замерла и... будто не подавала признаков жизни.

Наконец, Роза встрепенулась и тихо произнесла:

– Извини. Я, наверное, неправильно веду себя, – и, выдержав паузу, добавила слова, созвучные огонькам, мелькнувшим в томных глазах.

– Но скажу честно... Мне так хорошо никогда раньше не было...

– А почему тогда все это неправильно? – стал допытываться Хасан.

– Потому что я спровоцировала тебя на нежности...

– Будем считать, это был мой подарок на твой юбилей.

– Если честно, то мне никто, никогда и ничего подобного не дарил... Ты первый...

– Ровно через десять лет мы встретимся на твое 30-летие, и я буду еще щедрее...

– Я тебя столько лет не буду видеть?

– Не знаю. Все может быть...

– Ты же скоро не уедешь, верно?

– Скоро, точно, не уеду!

На следующий день было большое застолье по случаю именин Розы и Хасана. И было много званных гостей – комсомольских и медицинских работников со стороны обоих виновников торжества.

Тамадой вечера был Серик. Он иногда давал «порулить» Геннадию Николаевичу – немолодому, степенному человеку, которого ведущий представил как «светило карагандинской медицины». Хасан сразу узнал его: это был главный врач городской больницы.

Хороший тон торжественному застолью задал сам тамада. Серик был опытным

банкетным заправилой, и речь его и на этот раз получилась ключевой.

– Наверное, не все в этом зале знают, что наш сегодняшний юбиляр Хасан Абдуллаев по национальности – чеченец, – начал он. – Но мы все знаем, сколько тягот и лишений пришлось испытать его народу за годы выселения. Сталин и его окружение сделали все, чтобы к соплеменникам Хасана у нас у всех было негативное отношение. Но они просчитались: уж больно неклепкими оказались ярлыки, которые навешивались на чеченцев прежними руководителями страны. И я рад, что, наконец, у этого кавказского народа появилась возможность возвратиться на свою историческую Родину. Выбор за ними: кто хочет – поедет обустривать свою жизнь на Кавказе, а кто желает – останется здесь. И слава богу, что у них есть этот выбор...

– Теперь главное, – Серик сопроводил сказанное жестом – поднятым вверх указательным пальцем, – а главное заключается в том, что я не хочу, чтобы отсюда уехал мой коллега – Хасан Абдуллаев. Это прекрасный человек, надежный друг, ответственный работник. Это – находка для нашего обкома комсомола. И мы не хотим терять такие кадры, даже если они больше нужны сегодняшней Чечено-Ингушетии. А тост мой гласит о том, чтобы у тебя, Хасан, всегда было большое желание вернуться обратно к нам, куда бы судьба тебя ни забросила. И знай, что тебе здесь всегда будут рады, и мы тебе поможем, как однажды помогла Роза, наша вторая именинница...

Хасан был тронут речью друга и, когда ему предоставили слово, сказал:

– Спасибо, тамада, за добрые слова! Я вам всем очень признателен. Да, меня лишили Родины в пору, когда я становился на ноги. И это была великая драма нашего народа. Такова была горькая судьба не только чеченцев и ингушей – пострадали и другие народы. Но самое главное – это то, что по прошествии тринадцати лет жизни в Казахстане мне крайне тяжело будет расставаться с этим краем, с моими друзьями и коллегами. Не в этом году, так в следующем мне придется покинуть свою вторую Родину – но я оставляю за собой право – вернуться сюда много-много раз. Потому что мне без вас нельзя...

Вы знаете, в начале этого года я попал в больницу. Мне неудобно было болеть и валяться там на койке... Но меня вылечила и поставила на ноги вот эта хрупкая девушка по имени Роза, наша именинница. Так что, я ей обязан своим здоровьем, как обязан всем вам за вашу бескорыстную помощь в тяжелые дни моей жизни. И последнее. Свою следующую юбилейную дату я все-таки хотел бы встретить в горах Чечено-Ингушетии, в окружении первозданной природной красоты, но хотел бы это сделать рядом с вами – самыми дорогими гостями моей восстановленной республики...

И мой тост – за нашу дружбу и за верных друзей!

Хасану очень хотелось услышать, что скажет главная виновница торжества – Роза. После вчерашнего фильма она по-новому открылась ему, в их отношениях появились какие-то загадочные лирические нотки... Хасан догадывался, что с ее стороны идет поиск путей к его сердцу, но не знал, насколько серьезны эти намерения. Зато он твердо был уверен в том, что сам не будет флиртовать. Это явилось бы предательством и по отношению к Элисе, и по отношению к Розе, с которой его связывают дружеские чувства...

Предложив тост имениннице, тамада в шутку сказал, что хорошо знает семью Бекбаевых и может сказать только хвалебные слова в адрес... жены Гульнары. А Роза в любом случае не хуже своей сестры, ибо это одного поля ягодки...

Геннадий Николаевич добавил, что ему повезло с таким юным дарованием в медицине: она может лечить не только руками, но и словом, а второй фактор порою бывает ценнее первого. «Верно, Хасан?» – неожиданно спросил помощник тамады у именинника.

– Истинная правда, – моментально ответил тот.

Роза поблагодарила всех, а лично Геннадия Николаевича – за теплоту души и заботу о ней.

– Мы находимся на страже здоровья людей, и у всех есть резерв – быть лучше,

– сказала она, – и было бы грешно не воспользоваться этим потенциалом. Я всегда буду руководствоваться этим принципом. А Хасану я желаю, чтобы у них дома все скоро наладилось. Я принимаю предложение – отметить наш следующий юбилей на лоне великолепной кавказской природы при условии, что все остальное время будем встречаться здесь, в Караганде, но... не в стенах нашей больницы...

– Ну и как вам моя медсестра? – не без гордости обратился Геннадий Николаевич к участникам вечера.

– Ну и как вам моя сестра? – воскликнула Гуля... И в ответ прозвучали аплодисменты.

А потом были танцы. Хасан надеялся, что они пройдут без его участия. Но как только был объявлен «белый» танец, к нему решительной походкой подошла Роза и елейным голосом спросила:

– Можно вас, молодой человек?

– Я не умею танцевать, честно, – признался Хасан.

– Я тоже, – сказала Роза, – но это не означает, что мы танцевать не будем...

Она показала, как надо взяться за руки и при этом пошутила:

– В нашем деле главное, чтобы ты не наступал мне на ноги, иначе нам придется встречаться в травматологическом отделении...

– Ну тогда на всякий случай я предпочту стоять на месте.

– Это было бы здорово – застыть в твоих руках, но люди не поймут...

– А если б не было людей? – Хасану было чрезвычайно интересно узнать, какими надеждами живет эта милая девушка.

– Тогда бы я... приложилась бы щекой к твоему плечу...

– И все?

– На большее, к сожалению, роста не хватило бы.

– Но я могу нагнуться.

– Зачем? – Роза перехватила инициативу в этой спонтанной игре «вопрос – ответ».

– Чтобы узнать, какую пользу ты извлечешь из нашего паритета в росте.

– Будешь нагибаться, наверное, с какой-то целью?

– Безусловно – чтобы приблизить ухо к твоим устам...

– С каким расчетом?

– А чтобы услышать зов твоей души...

Они фактически стояли на месте, когда музыка закончилась...

– Ладно, – сказал Хасан, мне этот танец очень понравился. Следующий раз приглашу тебя я и... поговорим.

И пригласил... В первый раз в жизни даму на танец. Ну, конечно, лезгинка – не в счет. Диалог продолжился.

– Кто-то собирался «подарить» мне свое ухо, – напомнила Роза.

– У меня аж два уха, какое тебе сделать ближе – левое или правое? – парировал Хасан.

– А какое из них более восприимчиво к зову чужой души?

Хасан нагнулся и предложил левое ухо.

– Я тебя люблю! – услышал он и... повернул лицо в другую сторону.

– Я те-бя очень люб-лю! – по слогам произнесла Роза.

– Но я женат, и ты это знаешь...

– А я и не собираюсь за тебя замуж. Ты хотел узнать, что у меня творится в душе, вот и услышал... Я далека от мысли материализовать свои чувства. Не хочу занять один из углов любовного треугольника. Не желаю вступать между вами. Я озвучила то, что у меня на сердце, а оно, как известно, не признает диктата. Верно?

– С этим трудно спорить. Но... как с этим быть? Я тебя очень уважаю, ценю. Ты для меня, как настоящий друг, которому доверял и доверяю все свои тайны. Я никогда не сомневалась в твоей надежности. Не скрою, мне было безумно приятно услышать признательные слова из твоих уст. Но я не имею права

лавировать между двумя источниками любви... Выбор свой я уже сделал...

– Хасан... Дорогой мой, и не надо метаний. Я же все знаю и все вижу. И очень уважаю однолюбов, потому что сама такая же. Просто мне не повезло, что я полюбила женатого... Но это – моя боль и мои страдания. А ты должен понимать, что мои чувства тебя ни к чему не обязывают. Это не любовный треугольник, это другая фигура, где два луча пересекаются в одной точке...

Хасан и Роза не заметили, что ансамбль перестал играть и они одни стояли на площадке...

В заключение вечера Серик произнес длинную тираду об «обществе, которое живет в пору новых перемен...»

– Мы покончили со сталинизмом, – убежденно говорил он, – это главное достижение политического руководства страны. Депортированные народы получили возможность возвратиться в свои родные края. Восстановлена государственность этих республик, то есть восторжествовала справедливость в отношении незаслуженно униженных и оскорбленных народов. Страна быстро поднялась из послевоенных развалин, невиданный размах получило строительство, и не просто строят, а возводят высоченные дома-красавцы. Кто был в Москве, это подтвердит. А чего стоит программа освоения целинных земель! Теперь у нас дикие, заброшенные земли дают хлеб. Добавьте сюда успехи наших спортсменов на мировых чемпионатах и Олимпийских играх. Вспомните победу советских футболистов в прошлом году на Олимпиаде в Мельбурне. И совсем свежий пример. Еще до начала банкета героини нашего вечера не умели танцевать, а к его завершению они это делают и без музыки, да и площадку покидают последними. Прогресс, как говорится, налицо...

На этой мажорной ноте тамада завершил свое выступление, и все вскоре разошлись. Хасан провожал Розу до дома, и им было что сказать друг другу... Они шли рядом, еще не остывшие от избытка внимания со стороны участников банкета, волнительных чувств от своих же речей за столом и во время танца. Роза начала разговор первой...

– Хасан, после твоих последних откровений я пришла к выводу, что не должна была признаваться тебе в любви. Мне нужно было свои чувства похоронить в себе, не дать им волю и в любом случае не предавать огласке. Но я проявила слабость, и случилось то, что случилось... Теперь у нас нет секретов друг от друга...

– Роза, я чувствую себя виноватым перед тобой. Я тебя хорошо знаю. Твои признания основаны не на всплеске эмоций, а на предельной искренности и чистоте чувств. И именно поэтому я не хочу обманывать тебя, тешить надеждами. Ты прости меня, что не смог ответить любовью на любовь. Это очень ответственная формула взаимоотношений, и с ней нельзя играть. На этих принципах я строю отношения с человеком, который находится вдали от меня, но не перестает мне писать теплые письма. Одно из них у меня в нагрудном кармане. Я, конечно, не стану делиться его содержанием, но скажу одно: пока этот эпистолярный мост «Караганда – Грозный» существует, пока на том его конце меня ждут и надеются, я изменять ни себе, ни ей не хочу и не буду.

– Можно один шепетильный вопрос?

– Я буду предельно откровенен.

– А если вдруг случится, что вам придется окончательно расстаться, на что я могу рассчитывать? – Роза замедлила шаг и смотрела себе под ноги – боялась встретиться взглядами с Хасаном...

– Я скажу конкретно: если она сломается перед обстоятельствами и выйдет замуж за другого, то я на тебе женюсь... Вернее, если я вообще еще женюсь, то только на тебе...

– Спасибо и на этом...

– Роза, ты вот со мною рядом, нам с тобою хорошо, мы мило общаемся, и все это потому, что есть определенная душевная связь, которая заставляет нас это делать. Так вот, я тебе обещаю, что эти узы будут со мной всегда, куда бы меня

судьба ни забросила. В том числе и у себя на Родине.

– Домой сильно хочешь?

– Знаешь, у отца хранится святая реликвия – маленький мешочек, в котором его брат в то суровое утро нашего выселения взял с собой в дорогу – горсть родной земли. Представь себе картину: дали полчаса на сборы, кругом – плач женщин, детей, не знаешь, за что взяты. Во дворе стоят солдаты с автоматами на взводе. И во всей этой кутерьме мой дядя взял с собой самое дорогое – мизерную часть земли отцов. Когда он вышел в сад, убрал снег и воткнул лопату в землю, вдруг из-за угла показался солдат – следил...

– Копай, копай, – приказал он.

– А я уже все, – ответил дядя, мне больше и не надо...

– И что это все значит?

– Я хочу с собой взять небольшой комочек земли... На память о своем дворе, о селе, родном крае...

Солдат, оказывается, думал, что тот клад раскапывает. Был растроган увиденным. Только и сказал: «Вы еду побольше возьмите. Это надолго. И дорога будет тяжелая...»

И когда дядя заболел и умирал, он позвал мою мать и сказал: «Я уйду от вас... У меня нет сыновей. Скоро найдется мой брат. Передай ему это...» – и... достал из-под подушки тот самый мешочек. Моя мать хранила его. Это и есть наше и золото, и серебро, все наше сокровище...

Я утром видел этот мешочек. Он висит на гвоздике, на стене, под самым потолком. И это есть наша самая святая связь с райским уголком, дарованным нам Всевышним. Есть такой вопрос: «С чего начинается Родина?» – так вот, для меня Родина начинается с содержимого этого мешочка...

Хасан замолчал. Роза не хотела нарушать эту тишину. Безмолвие поддерживало особый трепет в душах молодых людей. Они смотрели друг на друга так, словно были в поиске самых важных слов. Наконец, Роза нашла их...

– Хасан, мне всю жизнь не будет хватать тебя... Но при этом я от души хочу, чтобы вы с Элисой встретились и обрели свое счастье у себя на Родине.. Ты достоин лучшей участи. Впрочем, так же, как и Элиса.

– Как хорошо, что ты есть в моей жизни. Будешь моим вечным лекарем. Память о тебе будет благостно влиять на мою душу. Только скажи мне честно, Серик хочет, чтоб мы были вместе?

– А ты не видишь? Очень хочет. Он так тебя уважает...

– Понятно...

– И что тебе понятно?

– А то, что его уважение ко мне часто пересекается с желанием тебе помочь...

Розе явно не понравился крен в разговоре. Смена настроения читалась во всем ее облике.

– Зря ты так. Мог бы этого не говорить, хотя бы сегодня. Но слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Мы, наверное, слишком много говорили сегодня, вот и не обошлись без ошибок...

– Неужели обиделась? Видит бог, я не хотел этого, – смена настроения теперь чувствовалась и в голосе Хасана.

– Ладно, с кем не бывает... не будем об этом... Мы пришли. Здесь я живу. Наверное, не скоро увидимся, в лучшем случае, через неделю. Вы завтра утром рано выезжаете...

– Может, скажешь что-нибудь приятное для души на ночь глядя?

– Посмотри на небо, поэт... Какие звезды, а? Целое поле деятельности для творческого человека! А ты мне так ничего и не посвятил... Вдохновения тебе и доброй ночи!

– До свидания...

***

Почти одновременно Башаевы получили два письма: одно было адресовано Саиду – с доставкой на дом, второе – на почте забрала Элиса.

Бауди писал, что вопрос о рассмотрении брака будет решен позднее, когда сын вернется домой, завершив свои срочные дела на службе. При этом специально было сообщено, что Хасан работает в обкоме комсомола – на солидной должности и поступил в Карагандинский горный институт на заочное отделение... Этой информацией Бауди надеялся отстудить горячую голову Саида. Он не знал, что там, в Грозном, уже был запущен новый сценарий, согласно которому Элису планировали выдать за немолодого, но состоятельного человека. Никто из близких родственников Саида даже не заикнулся, что можно было с замужеством повременить хотя бы из соображений, что после смерти Йиситы прошло всего полгода². Выяснилось, что Башаевы готовы выдать Элису замуж, и не ожидая письма из Караганды, мотивируя это тем, что на супружество дочери с Хасаном они добро не давали. Саид ответил без промедления.

«Мне безразлично, где и на какой должности работает твой сын, – писал он Бауди, – это твои проблемы. Я живу в Грозном, вы – в Казахстане. Это и есть расстояние, которое нас разъединяет и которое не станет короче, даже если вы приедете. Жду от вас одного письма – с текстом о разводе по-мусульмански. Не пришлете, вам же будет больнее: вы мою дочь признавали в качестве законной жены своего сына, мы же его своим зятем никогда не считали, поскольку у нас никто ничего никогда не спрашивал... Так что, мы свободны в своих действиях, а пятно, в случае чего, ляжет на вас... Мы ее в любом случае скоро выдадим замуж, независимо от того, прислушаетесь вы к моему голосу или нет».

А Хасан в своем письме Элисе рассказал о том, какие жесткие условия предъявляет Саид, и впервые выразил сомнения в возможности возобновления их совместной жизни...

«Ситуация сложнее, чем мы допускаем, – писал Хасан жене, – твой отец в своем письме не только не признает наше родство, но фактически оскорбляет нас, провоцирует. От меня требует, чтоб я оставил тебя, как полагается по нашим обычаям. Твои родственники никогда такую бумагу не получают, но, похоже, она им особо и не нужна: твою судьбу они собираются решить не беря в расчет наши с тобой отношения...»

В ответном письме Элиса сообщала, что чувствует себя затравленным зверьком и почти не остается сил сопротивляться. «Я бы наложила на себя руки, поскольку не хочу жить, но перед Судом Аллаха не смогу это сделать, хотя мои муки сопоставимы с адскими», – такими горькими были ее откровения.

«У меня нет никаких дельных советов. Я просто не знаю, что делать и как быть. Но чувствую, что нам больше не быть вместе...» – это были заключительные строки письма...

***

Развязка наступила осенью. Хасан получил повестку из военкомата: его призывали на военную службу. Он мог взять отсрочку – помогли бы в обкоме комсомола, но не захотел уклоняться от армии. Его друг Гапур уже год находился в ее рядах, в одной из частей Приволжского военного округа. Служили и другие его сверстники. Родители были горды за своих чад, которые первыми из чеченцев за годы выселения пополнили ряды Вооруженных сил СССР.

7 ноября власти и общественность с размахом отметили юбилейную дату

---

¹ У чеченцев после смерти близких родственников принято находиться в трауре в течение года.

– 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции. А через три дня Хасан стоял во дворе военкомата в числе нескольких чеченских ребят из Михайловки. Он уже точно знал, что возвращаться будет не в Караганду, а в родную Чечено-Ингушетию. Отец категорично заявил, что теперь его в Казахстане ничто не держит и он отправится в родные края до середины ноября, несмотря на осень.

Провожать Хасана приехали и его друзья из Акмолинска. Но самой трогательной получилось расставание с Розой, с этой милой девушкой с сентиментальной душой нараспашку. Она не стеснялась своих слез.

– Чует мое сердце, что мы больше никогда не увидимся, – сказала она, – но ты должен знать, что я любила тебя и это чувство будет со мной всегда. Но я очень хочу ошибиться: буду ждать нашей встречи после твоей демобилизации...

Хасан пообещал часто писать письма. И слово свое сдержал.

Служить ему пришлось в Забайкалье, десантником. Был на хорошем счету. Уже через год стал сержантом. К этому времени он получил письмо из Грозного от Элисы. Она сообщала, что выходит замуж, и просила ее простить за то, что у нее не хватило сил сопротивляться...

Это было ее последнее письмо.

На третий год службы Хасан получил письмо от Серика. Тот писал, что в жизни Розы произошло радостное событие: ей сделал предложение подающий большие надежды врач из той же больницы, и молодые уже сыграли свадьбу...

До этого Хасан регулярно переписывался с Розой, которая была в курсе того, что Элису родители выдали замуж. Роза в одном из последних писем просила Хасана рассказать, как он представляет себе свою жизнь после армии. Тот ответил, что еще не отошел от потрясений, что ему пришлось испытать после вестей из Грозного, и ни о каких планах говорить не приходится...

Видимо, после этого ответа и сделала Роза свой выбор...

***

1987 год. Республиканская больница Грозного. В вечернее время у входа в терапевтическое отделение сидит на корточках мужчина. Ему больно. Очень больно.

К нему подходит женщина приблизительно его лет.

– Тебе плохо? – спрашивает она.

– Отпустит, – сказал он, но при этом еще больше скорчился от боли.

– Чем я могу тебе помочь? – наклоняется женщина к больному.

Тот тяжело поднимается, и... изумление застывает в его глазах.

– Элиса! Неужели это ты?!

– Хасан... Ты как сюда попал? – женщина в явной растерянности...

– Я здесь лежу – в десятой палате.

– Так я сама здесь лечусь.

– Вот мы и встретились... 30 лет я ждал этой встречи... Но не такой я ее себе рисовал... Ты сама-то как живешь?

– Прожила серую жизнь с нелюбимым человеком. Ради детей и жила с ним, все нервы выпотрошила. А теперь вот болею... Надеюсь, твоя жизнь сложилась более удачно?

– Не совсем... Вернее, совсем неудачно... После армии в 60-м приехал домой. Так и не женился... Детей нет... Здоровья тоже нет...

Хасан посмотрел на Элису... Та плакала, как ребенок.

– Извини, прошу тебя. В твоей несложившейся жизни, наверное, есть и моя вина, – с трудом произнесла Элиса.

– Я был счастлив памятью о тебе... Но поздно об этом говорить. Пойду... Неважно себя чувствую...

Элиса помогла Хасану дойти до палаты №10. Тот сел на свою койку и, тяжело дыша, спросил:

- Ты в какой палате?
- В соседней, девятой... Между нами – только стена...
- Да, между нами всегда была эта стена... Доброй ночи... Бог даст, увидимся...

***

Утром, проснувшись, Элиса пожаловалась соседке.

– Плохо себя чувствовала. Пропал сон. Приняла снотворное и отключилась...

– Да, ты спала мертвецким сном. Даже не проснулась после полуночи, когда в коридоре начали шуметь.

– А что случилось?

– Больной умер из соседней палаты. Родственники забирали покойника...

Элиса вышла. Ошарашенная услышанным, она поплелась к двери под номером 10... Заглянула внутрь в надежде увидеть на койке у стены дорогого для нее человека...

Но кровать пустовала...

За курс лечения ей лучше не стало. Врачи и не могли ничем помочь – онкология.

Дома Элиса день ото дня угасала.

Как-то она попросила свою старшую дочь зайти и закрыть за собой дверь на ключ.

– А теперь послушай, что я тебе расскажу, – начала она...

И рассказала все ...

– А эти стихи я оставляю тебе на память. Их написал Хасан. Я не смогла эти отрывки из газет и свой дневник сжечь. Прочти мне вот это четверостишие...

Луиза тихо, с дрожью в голосе прочитала:

Не вечны мы и мизерен наш пир,
Жизнь завершим мы траурным обрядом.
И если вдруг покинешь этот мир,
То пусть меня хоронят где-то рядом...

– Это был необыкновенный человек, – чуть ли не шепотом сказала Элиса. – Почти все предвидел. Только ушел в мир иной немного раньше меня. Да и могилы у нас будут не рядом...

На следующий день Элисы не стало... Тезет принимал ее отец – Саид, который пережил всех: свою жену Йиситу, Бауди и Табарак, Хасана и Элису...

Адиз Кусаяев

Из цикла «Новые стихи»

Если бы не ты, Чечня...

Зачем бы стал петь песни я,
Прославить мир поставив целью,
Когда бы ты, Чечня моя,
Моей не стала колыбелью?

Долина, речка, горный склон –
Я всем горжусь по праву сына.
И счастлив, что в Чечне рожден –
В стране, что сказочно красива.

Зачем бы жить, творя дела
Хорошие, мне в мире этом,
Когда б, Чечня, ты не была
Мне отчим домом, как и дедам?

Леса, луга и пики гор –
Источники любви и лиры
И тем, Чечня моя, я горд,
Что нет тебя роднее в мире.

Зачем бы в будущее я
Шагал, надеждою согретый,
Когда бы ты, моя Чечня,
На этой не цвела планете?

Твой каждый камень для меня –
Предмет достоинства и чести...
Горжусь, что сын я твой, Чечня,
Что жив, пока с тобою вместе.

Круги жизни

Судьба из поколения в поколение
Все возвращает на круги своя:
Одни и те же в жизни повторенья,
Одни и те же кольца бытия.
И, снова в стыд вгоняя молодых,
Дразнилкой занимают дети их,
Как в прошлом: «Тили-тили-тесто:
Жених и невеста!»

Круги событий жизни повсеместно
Все снова повторяются во всем.
Веками были игрища известны,
И пели предки то же, что поем.
Про маленькую елочку, которой,
Зеленой, стройной, холодно зимой,
Под возгласы детей:

«Зажгись!» – готовой

Стать радостью самой.

И в жизни, и в природе, что подобна
Величию Всевышнего всегда,
Все было то, чем мы живем сегодня,
Не раз когда-то в прошлые года.
Круги судьбы из рода в род упрямо
По жизни, словно по воде, бегут:
То по слогам читаем: «Ма-ма, ра-ма»,
А дальше – вуз и труд.

Извечно повторяют поколения
Во времени зло войн, и мед утех,
И катаклизмов боль, и покоренье
Наук, небес, и преступлений грех.
Все делает природа, чтоб на месте
Жизнь не стояла –

в том движенья суть.

Свидание, любовь, фата невесты
И проторенный путь.

Кругов судьбы по новой повторенье –
Паденья боль и возрожденья новь,
Крик малыша и детства нетерпенье,
Мужанье, увяданье, смерть и вновь,
Вгоняя в стыд влюбленных молодых,
Другие дети дружно дразнят их
В другое время: «Тили-тили-тесто –
Жених и невеста!»

Я живу

Я живу, хотя мой век успел
Пушкинских вместить
в себя две жизни.

Я немало сделал добрых дел
Для людей и для родной Отчизны.

Интерес мой к жизни не пропал
И ее еще я не итожу.
Жаль мне, что я треть ее проспал,
Горд – две-трети был в работе все же.

Каждым мигом жизни дорожу,
Не кичась победой, но и краха
Не боясь, Отечеству служу,
Дни мои продлить моля Аллаха.

Сверстников давно в могилах прах,
Я живу по той причине только,
Что мой век, что очертил Аллах,
Не зависит от меня нисколько.

Потому живу, хотя земля
Заждалась. Живу душою светел,
Об одном Всевышнего моля –
Сделать всех счастливыми на свете.

Пушкинские стихи

В часы, когда дела бывают плохи
И прыгает мой пульс, беря верхи,
Всегда читаю пушкинские строки
И душу окрыляют вмиг стихи

«Кавказ» и «Подражание Корану»,
Или «К друзьям»,
или «Я вас любил»...
Стихи сверкают, как алмаза грани,
Чаруют, словно юношеский пыл.

Когда болезнь судьбы сжимает сроки,
Как неизбежность
жизненных стихий,
Всегда читаю пушкинские строки
И жажду жизни дарят мне стихи.

И «Талисман», и «Чудное мгновенье»,
Или «К А. Керн»,
или «Не плач при мне»...
Стихи волнуют, словно вдохновенье,
Красивые, как краски по весне.

Возвышенные до небес и выше
И светлые, как будто солнца блик.

Читая их, все человечней, чище
Я становлюсь, черпая чувства в них.

Незаслуженная плата

Незаслуженною платой
Вновь болезнь пришла за мной,
Вмиг больничною палатой
Ограничив мир земной.

И опять я ею скован,
И уныл, и хмур, и зол.
Безразличен к жизни снова,
Будто вечным в мир пришел.

И отныне поневоле
Всем терпеть мой произвол,
Будто жить всегда без боли
Нас Всевышний произвел.

И родные очень люди,
И врачи со мной опять,
Как с дитем, возиться будут,
Будто старца, улаживать.

И поддержан их заботой,
Окрылен теплом их чувств,
Снова обрету свободу –
От болезни излечусь!

Тревога

Сегодня с грустью думаю уже
О будущем я всех детей и внуков.
Тревога разрастается в душе
Быстрее вредных вирусов и слухов;

Стремительнее молнии в грозу,
Бурной реки,
в разливе рвущей путы...
Сейчас сухарь инфляции грызу,
Боюсь, что им он почерствеет будет.

Что ждет их завтра,
послезавтра, после?...
Пейзаж в бурьяне потонувших сел?
Боль безработных юношей
и взрослых?
Безддушный коммунальный произвол?

Нехватка всем неприхотливой пищи
Людей до диких нравов доведет
И толпы огрубевших в бедах нищих
Дорогами планеты поведет?

А перенаселение планеты
К трагедиям ужасным приведет,
Как миллионов песня будет спета,
В могилы миллиарды душ сведет?

Растают гор всех снежные покровы,
Антарктико-арктические льды,
С земли Потоп Всемирный
смоет снова
Людей, цивилизаций, стран следы?

Что делаем с природой, видя, чаще
О будущем я думаю уже,
Что ждет детей и внуков
милых наших
На не таком и дальнем рубеже?

Не дай, Аллах, увидеть им,
как всюду,
Забыв про суть свою, во дни беды
Брат брата убивать в безумстве будет
За хлеба кус и за глоток воды.

И вновь в пещерах каменных атланты
Всех будут милосердьем удивлять,
Рисую новый мир вокруг, таланты
Неандертальцы станут проявлять...

Всегда картины тягостные эти
Рисует мне перед грядущим страх.
Но Ты, Творец всего на белом свете,
Не преврати в реальность их, Аллах!

О поколении моем

Мои тревожней думы с каждым днем
О поколенья горестном моем.
Нас вскоре не останется на свете
Ни в городе гудящем, ни в селе,
Себя считавших на родной земле
За все происходящее в ответе.

На долю нашу выпало всего
Так много, что хватило бы его
На судьбы двух десятков поколений;

Четыре года нас, ворвавшись в дом,
Губил войны Отечественной гром,
В жестокости свой
проявлявший гений;

Потом без всякой видимой вины,
Хотя в Чечне и не было войны,
Мы, как враги-предатели, в изгнание
Отправлены все скопом и вдали
От Родины тринадцать лет прошли
В Киргизии, Сибири, Казахстане;

И было справедливое потом
Труднейшее в родительский свой дом
К могилам,
чуртам предков возвращенье.
Мужали мы в учебе и труде
И успевали вовремя, везде
Все сделать –
шло Отчизны воскрешенье;

Но лег на плечи тяжких
бедствий груз
Опять, когда могучий пал Союз,
И две войны, кому-то там в угоду
Прошлись Чечней, разрушив города;
Погибли сотни тысяч, без следа
Пропали,
как в тридцать седьмые годы;

И снова захлестнула нас волна
Страданий, испытали мы сполна
И нищету, и боль, и безвременье;
Хотя не все, но снова дождались,
Как в села, города вернулась жизнь –
Шло и идет большое возрожденье.

И все-таки грустнее с каждым днем
О поколенья думаю своем.
Не беспричинна вовсе дума эта:
Отчизна хорошеет – спору нет,
А нам на плечи давит тяжесть лет,
Она сживет нас вскорости со света.

Впечатление

Когда в привычном нетерпенье
Спешишь в врачебный кабинет,
То создается впечатленье –
Людей здоровых в мире нет.

Везде больных столпотворенье,
Повсюду – слезы, плач и стон,
Как будто в городе, селенье
Болезнью каждый поражен.

И хорошо, что есть повсюду
Врачи, готовые помочь,
Иначе вымерли бы люди
И жизнь бы превратилась в ночь.

Когда идешь с небрежной ленью
И толпы всюду застыт свет,
Вдруг создается впечатленье –
Людей больных как будто нет.

В «движенье броуновском» этом
Тебе и в мысли не придет,
Что по врачевным кабинетам
Кого-то боль сейчас ведет.

В толпе и не подозревает
Никто, что может боль сковать:
Всех жажда жизни привлекает,
А не больничная кровать.

Такое впечатленье снова
И снова возникает вмиг:
В толпе, что нет людей больных,
В больнице же – что нет здоровых.

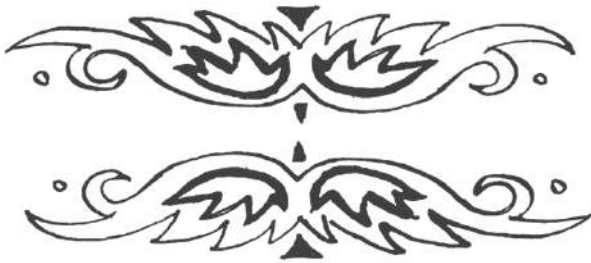
Семь пятниц

То снег, то дождь, то снег с дождем –
Зимой изменчива погода:
Мы белые сугробы ждем,
А нам весну дарит природа.
Погода стороны моей
Непостоянна в самом деле:
Характер женщины у ней –
Семь пятниц на одной неделе.

То под дождем, то на жаре –
Не предсказать весною это
Цветет все робко во дворе,
А время убежало в лето.
Совсем погода наших дней
Непредсказуема в апреле,
Характер женщины у ней –
Семь пятниц на одной неделе.

То зной, то хмурый мир угрюм, –
Хотя еще идут покосы,
И радуется зеленый шум,
Но мир шагнул как будто в осень.
Погоду в стороне моей
Не предсказать: и в самом деле,
Характер женщины у ней,
Когда семь пятниц на неделе.

Перевод с чеченского автора.

Шамиль Хаджимурадов**Даруй нам, Господи,
смиренье!**

Да, человек опасней зверя,
Когда им управляет зло.
Но я, в благоразумье веря,
Скажу, что зло б нам принесло.

Земля помчится легкой пулей
С орбиты – куда, знает Бог.
И не найдет пчела свой улей,
И солнце не найдет восток.

Шагающий с тяжелой ношей
С пути собьется муравей,
Ни зерен не найдет, ни крошек
Проныра – пряткий воробей.

И левое сольется с правым,
Цвет черный с белым, с верхом низ,
И не увидать никогда вам,
Где ласточка, гнездо, карниз.

О Господи, даруй смиренье
И страсти наши успокой,
Чтоб каждое Твое творенье
Согласно было бы с Тобой!

***

Я в детстве ужасно боялся огня,
Смертельно боялся воды.
Огонь обжигал шар земной и меня,
И море гасило дыханья следы.

Я зрелым до дрожи боялся огня
И жгуче боялся воды:
Вдруг ядерный взрыв –
и не стало б дня,
Потоп поглотил бы родник и сады.

Полвека кошмары давили меня,
Мне в нервы вжигая следы.
О люди разумные! Бойтесь огня,
Жесточкой ошибки,
Мгновенной беды!

Роберт Вебер**Апокалипсис**

Представьте себе,
что все свершилось
И миг тот не вернется вспять,
Но в людях мог будить ты милость,
Мог к совести взывать, кричать.
Когда горящий дом заметим,
Кричим мы: – Дети! Есть там дети?
– Есть дети! Дети есть на свете! –
Кричу я всем слова лишь эти.

Перевод с немецкого

Автор неизвестен**Холмик в степи**

В степи неведомой, далекой,
Где ни тропинки, ни дорог,
Есть холмик маленький – когда-то
Солдат страны костью там лег.

Плиты могильной, обелиска
Там не воздвигли, как ни жаль,
И нет родных, друзей, знакомых,
Что приходили б в эту даль.

За край родной, страну Советов,
Он пролил кровь как верный сын.
Все перенесший и безвестный,
Лежит он здесь, ничей, один.

Шел, смерть презрев, не зная страха,
Опасностям наперекор.
Он пал, врагов уничтожая,
И здесь покоится с тех пор.

Перевод с немецкого

Военная тайна

На руках меня держал
Молодой солдат.
К животу меня прижал,
Опускает взгляд.
Мне щеку прожег слезой,
Сам смущен солдат,
Будто он передо мной
В чем-то виноват.

А отец вдруг строг на вид,
Матери моей
По-чеченски говорит:
«Уведи детей.
Иль не видишь влажных глаз
У своих гостей?
Видно, вспомнил тот сейчас
О семье своей».

На другой день тьма гостей,
Доблестных бойцов,
Выгоняла всех людей
С их родных дворов.
И конвой: «Быстрой, быстрее!
Не смотреть назад!»
Вопли женщин и детей,
Ругань, штык, приклад.

О красном

Красное солнце светило,
Видало с сини небесной:
Красная Амия – сила,
Подвиг, отвага уместны.

Штык, и приклад, и погоня...
Холодно. Жутко. Кошмарно.
Если мы скот, я ягненок
В красном вагоне товарном.

Ехали дни и недели
В холоде, в жажде ужасной,
Тифом и чем-то болели –
Кровью-то харкали красной.

Вот она – красных отвага! –
Значит, горжусь не напрасно
Цветом кремлевского флага –
Красным над площадью Красной.

Кайршы¹

Оскорбляли, унижали,
Обзывали «кайршы»,
И вдобавок все ж давали
Крошку хлеба и гроши.

Скоро же засомневались,
Что чеченец людоед –
Имена свои казались:
Абдулла, Султан, Ахмед.

Что ж, «Йа-син» открой в Коране,
Аксакал², очки надень... –
Мусульман как мусульмане
Хоронили каждый день.

**Тем, которые не были
свидетелями**

Вы знаете, как страшно,
Когда южанин привыкает к стуже,
Когда жене нет весточек о муже?

Вы знаете, как страшно,
Когда не тянутся к игрушкам дети,
Когда у мусульман молчат мечети?

Вы знаете, как страшно,
Когда осознает желудок четко,
Что голод, как в пословице, не тетка?

Вы знаете, как страшно,
Когда, как люди, мысли умирают,
И к униженьям люди привыкают?

Вы знаете, как страшно,
Как жутко ласточке – о, как рыдает! –
Когда гнездо с птенцами разоряют?

Вы знаете...
Не знаете, что значит,
Когда хоронят и никто не плачет!
Не дай вам Бог узнать,
что это значит!

ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

*Памяти
Ф. Думлера*

Мне говорили: «Ты преступник»,
Но не чинили мне допрос:
Все принимали все на веру
Под всеобъемлющий гипноз.

Мне говорили: «Ты преступник»,
И утверждали сталинизм,
Но суффикс для такого слова
Был взят у слова «деспотизм».

Мне говорили: «Ты преступник», –
И сомневаться я не смел:
Кто логики искал, мог мыслить –
Тем ссылка, тюрьмы и расстрел.

Мне говорили: «Ты преступник»,
А шла война, страна в огне.
За мать-Отчизну в бой как сыну
Идти не доверялось мне.

Мне говорили: «Ты преступник»,
И чтобы быть самим собой,
Под именем чужим я дрался
С врагом. Мой псевдоним – герой.

Победа. Мир. Но «Ты преступник! –
Сказали мне. – Ну как же нет?
Скрыл имя! Мы разоблачили!» –
И мне тюрьма на много лет.

Я был и ранен, и калечен,
Я был в аду, в дыму, в огне,
Но смерть в тюрьме своей Отчизны
В сто раз ужасней и больней.

Потомки! Разве я преступник?
Молчите? А постичь могли б...
Простите, что за вас я дрался,
Простите, что за вас погиб!

Советские немцы в тайге

*Все для фронта,
все для победы!*

Аккуратно в ряд
Штабеля стоят,
Сок течет, как слезы.
Сосны и березы
Валят в дождь, и в снег, и в град.

...Бревна метра в два.
Разве ж на дрова?
И в коре-одеже
На людей похожи:
Будто ноги, голова.

Их не увезут,
Их оставят тут.
Бревна, бревна, бревна,
Сложенные ровно...
Их земле не предадут.

¹ Кайиршы (каз.яз.) – попрошайка, нищий.

² Аксакал – почтительное обращение к старику, букв. «белобородый».

*Проза***Магомед Цунцаев****Заживо погребенные**

Рассказ

*Посвящается солдату,
защитнику Отечества
Байсаеву*

В ангаре было душно и темно. Слышно было только тяжелое дыхание полусотни обреченных людей, которые уже ни на что не надеялись, а просто ждали. Ждали, что в любую минуту откроется дверь и все это наконец-то закончится. Где-то в другом конце помещения стонал человек.

Сайпуди сразу распознал в этом стоне нотки близкого конца. Он постарался думать о доме. О своей Родине, где его ждала семья. И сын Ислам, которому в этом году должно было исполниться пять лет. Сайпуди часто вспоминал его задорное светлое личико, как Ислам смеялся, когда он его щекотал или катал на лошади. Или вечерами кормил его поджаренной на огне картошкой, когда семья собиралась на ужин. Что теперь будет с ними?

Опять по щеке поползла слеза. Редкая мужская слеза. Грязным подолом рубашки он вытер ее. Нельзя ему проявлять слабость в такой ответственный момент – в момент ожидания смерти. Его должны запомнить стойким и бесстрашным, каким он запомнил своего отца, и дедушку, и отца дедушки. А время безнадежно тянулось, еще больше нагнетая мертвую тишину.

Сквозь щели в ангаре уже просачивался прозрачный утренний свет, когда Сайпуди все-таки удалось уснуть.

Командир взвода Пономарев Александр, поглаживая горячий от выстрелов ствол пулемета, смотрел на полосу деревьев, которые стройным рядом проходили по другой стороне изрытого бомбами и минами поля. Прямо идти было нельзя, и поэтому он решал, как поступить, чтобы избежать лишних жертв.

– Товарищ командир, разрешите доложить? – рядом по стойке смирно встал Ибрагимов.

– Докладывай, – сказал Пономарев, с интересом уставившись на него.

– Немцы сворачиваются и отступают к границам Польши. Прикажете напасть на них, пока они не перегруппировались для бегства?

– Да! – привстал Пономарев и, выпрямившись, решительно продолжил:

– Обойдем минное поле с двух сторон и застанем врага врасплох. Ты будешь командовать вторым отрядом. Готовься!

– Есть, товарищ командир! – отдав честь, Ибрагимов бросился собирать отряд.

Командир Пономарев, сжав рукоятку пулемета, прищурился и долго смотрел на темные силуэты зданий, но ничего не смог разглядеть. Хотя стояла ясная солнечная погода, нельзя было увидеть что-либо из-за построек деревни, в которой скрывались немцы.

Сайпуди резко сел и огляделся. В ангар с оружием вошли немцы и, громко крича, указали на выход. Тех, кто не мог встать, они забивали ногами и прикладами автоматов. Сайпуди поспешил выйти на улицу. Солнце стояло высоко над деревней. Немцы копошились, как муравьи, некоторые перетаскивали что-то, другие собирали вещи. При виде их испуганных лиц в душе у него загорелся слабый огонек надежды.

Всех оставшихся собрали и погнали на поляну за деревней. Какой-то молодой немецкий солдат подошел к нему и, подав лопату, приказал копать.

Не задумываясь, Сайпуди воткнул ее в горячую землю и, устало навалившись, принялся за работу. Некоторые падали в обморок в изнеможении, добитые палящим солнцем, но немцы не давали им передохнуть.

К вечеру они уже вскопали большую яму, и только тогда некоторым из них дали вылезти. Сайпуди тоже выбрался из ямы и приподнялся, покачиваясь от усталости. Но не успел он прийти в себя, как его толкнули к телам мертвых пленников. Переборов себя, Сайпуди начал бросать в яму с еще живыми людьми мертвых. В конце концов, не удержавшись на ногах, он упал навзничь. Какой-то молодой немец громко закричал, тряся над ним оружием. Сайпуди сделал усилие, но вновь упал на колени. Немец перестал ждать, пока он встанет, а просто ударом ноги свалил его в яму на трупы. Он свалился лицом вниз и без сил стал ждать конца. А через какое-то время почувствовал, как яму закидывают землей. Еще живые люди кричали, пытались выбраться, но немцы сталкивали их вниз, изрыгая проклятия. Они не стреляли – по-видимому, сэкономили патроны. Вскоре вокруг стало темно. Сайпуди скрючился и встал на четвереньки, так как дышать становилось все труднее. А после наступила мертвая тишина.

– Вперед! – закричал Ибрагимов и побежал впереди отряда, размахивая пулеметом Шпагина. Они перескочили через высокий вал и увидели немцев, которые в замешательстве метались по деревне. Началась перестрелка. Ему удалось пробраться к первому дому, и, отстреливаясь, он вырвался к центру деревни. Немцы отступали все дальше и дальше. Спустя несколько минут их и вовсе вытеснили из деревни. Они отступили в лес. Ибрагимов ринулся с отрядом за ними через большую поляну.

– За мной! – закричал командир Пономарев, появившись с другого конца деревни, и побежал прямо в лес.

Ибрагимов пустился за отрядом Пономарева, но на полпути к лесу остановился.

– Я Аллах¹, со хезаш стаг велахь, орцах довлийша^{1!} – раздался откуда-то сдавленный стон.

Он огляделся, но в вечерней мгле никого не увидел, кроме солдат из отряда, которые уже бежали далеко впереди.

– Мичахь ву хьо²? – крикнул он и тут же услышал в ответ:

– Г!о дехьа суна, хьайн Дела дохьа^{3!} – голос раздался прямо у него под ногами. Упав на колени, он начал рыть землю. Наконец, он вытащил Сайпуди и оттащил в сторону. И только тогда, оглядев поляну, он увидел, что земля на полянке двигалась, как живая. Он еще не понял до конца, в чем дело, когда услышал крики и выстрелы со стороны леса. Ибрагимов схватил пулемет и кинулся на помощь солдатам. Сайпуди долго лежал в изнеможении, смотрел на сумрачное небо и, медленно двигая губами, безмолвно благодарил Всевышнего... Скоро он потерял сознание.

Телефон молчал, и Сайпуди нетерпеливо перебирал свои деревянные четки. Прошло около пятидесяти лет с окончания Великой Отечественной войны, и вот, через столько лет, он наконец нашел своего спасителя. Он чувствовал себя напряженным и немного уставшим, потому что долгое время думал о тех днях в заточении. И каждый раз, вспоминая ужасы прошлого, содрогался.

Огромные старые часы громкими ударами начали бить полдень. В этом шуме Сайпуди услышал, как в зал кто-то зашел. Он осторожно, по-старчески приподнялся и увидел его, своего спасителя. Он узнал его, потому что никогда не забывал. Поседевший Салман Ибрагимов улыбнулся и протянул ему руку. Сайпуди ответил на приветствие и обнял его. Слезы потекли по его щекам, теряясь в густой серебряной бороде. И Салман не сдержался, улыбаясь, тоже плакал. А часы все били полдень, удар за ударом, пока не замолчали совсем.

¹ О Аллах, если кто слышит меня, на помощь!

² Ты где?

³ Помоги мне, ради Бога!

Дебют**Анзор Элмурзаев**

Родился в Грозном в 1993 году. В настоящее время учится на третьем курсе Нефтяного колледжа. Стихи пишет с детства. Публикуется впервые.

Милость

О Милость Дающий, Ты нас сотворил.

Душою и телом Ты нас одарил.
Ты дал нам бесценное чудо – Коран,
Ты дал нам религию –
Дин Аль Ислам.

Но так получилось, заблудшие есть,
Что даже не могут молитву прочесть.
Их ум и гордыня шайтану покорны.
Душа их, как мрак,
затемняет просторы.

Но День Суда близок, сомнения нет.
Тот день будет длиться, как тысяча лет.
И будет знамение, диск солнца взойдет,
Восходя из заката, смотря на восток.
И будут все в страхе Бога молить,
Чтоб души их грешные
смог Он простить.

Но грешники будут в геенне огня,
У грешников участь была такова.
Но тот, кто поверил в единого Бога,
Кто верил в заветы благого пророка,
Кто был благочестен,
послушен Аллаху,

Тому даровал Он не видывать страха.
О Милость Дающий, Тебя я молю,
Даруй нам великую милость свою.
Спаси от огня нас, даруй райский сад.
И дай нам постигнуть к Тебе тарикат.

Герой

В войне за мир чеченцы погибали,
Покрылось алой кровью полотно.
Но знали все, что без клинка и стали,
Героем стать не каждому дано.
Среди руин, что от Чечни остались,
С исламом в сердце,

правдой на устах,
Восстал герой, призвал,
чтоб не сдавались.
Луч доблести светил в его глазах.
Он был силен и переполнен верой,
Что наш народ переживет века,
И наша жизнь уже не будет серой,
И мир придет в чеченские дома.
Ахмат-хаджи, тебя мы не забудем,
Героем ты навечно наречен.
И в памяти хранить
твой облик будем,
И путь твой светлый
в сердце пронесем.

***

И вновь глаза я открываю:
Луч солнышка то ослепит,
То ярким зайчиком играя,
Давно с кровати встать велит.
И тут сама собой улыбка
Вдруг на лице моем блеснет.
Как будто праздник предвещая,
Навстречу новый день идет.
Душа моя, не видя грусти,
То легким перышком взлетит,
То опускается – и как же,
Ну как прекрасен этот миг!

Дебют**Элиза Куркаева**

Родилась в Грозном 22 сентября 1990 года. В 1997 году поступила в первый класс средней школы №42 г. Грозного. Окончила школу с отличием в 2007 году, в том же году поступила в Чеченский государственный университет (филологический факультет, специальность «Журналистика»). В данный момент учится на пятом курсе, работает на ГТРК «Вайнах» редактором информационного отдела.

Предвкушение мечты

Рассказ

В городе была странная зима. Весь вчерашний день шел дождь, а сегодня дул сильный ветер. Город приобрел безжизненно серый цвет. Я брел по проспекту, среди домов. В горле застыли признаки простуды.

Уже давно, проходя мимо одного из соседских домов, я останавливался посмотреть в окно второго этажа. В один прекрасный день я услышал звуки игры на пианино, которые доносились оттуда и... влюбился. Затем я увидел в окне фигуру девушки, и она стала моим наваждением. Каждый раз после работы, проходя мимо ее окна, я навещал свою незнакомку, мысленно беседовал с ней.

В последнее время у меня было странное меланхолическое настроение, меня пугала его устойчивость. А центром, так сказать, камнем преткновения, была моя неизвестная подруга. И все вокруг нее дышало таинственностью, все в ней казалось мне идеальным. В некоторой степени я понимал, что она плод моего воображения, ведь я и не видел ее вовсе, но почему-то меня больше не интересовали другие девушки. Я мог думать только о ней.

Она овладела моими мыслями. Я удивлялся, когда иногда понимал, что разговариваю с ней, делюсь мыслями, советуюсь. И каждый вечер я отправлялся к ней на свидание, к угловому окну на втором этаже, и не было большей награды, чем ее фигура в окне или звуки фортепиано.

Дни таяли, мои мысли замкнулись на одной идее. Мира вокруг не существовало, был лишь переулок, где жила эта девушка. Хотел ли я увидеть ее? О, да! Я хотел, чтобы в мире больше никого не существовало, готов был днями петь ей дифирамбы. Весь смысл Вселенной заключался в ней.

Однажды я решил нарушить каждодневный ход событий и подкараулить свою мечту. Весь день простоял я на углу ее улицы и не сводил глаз с окна, с двери подъезда. Она не выходила. К вечеру – это было время, когда я обычно возвращался домой, – мои нервы были расшатаны, и я готов был сойти с ума...

Шло время, я намотал в ее дворе тысячи километров. Было уже поздно, и разумно было предположить, что она уже не выйдет. Разум во мне потух, и, забыв обо всех мерах приличия, я поднялся на второй этаж с намерением любыми способами ее увидеть. Там, стоя перед ее дверью, я осознал, как все это глупо, но было уже все равно. Оставив все за спиной, я решил позвонить в дверь, и этот шаг дался мне, как прыжок в пропасть, и я не знал, что ожидает меня на ее дне.

Затаив сердце, я прислушивался к шорохам за дверью. В голове боролись противоположные мысли: я чувствовал себя чудовищем, что стою у ее двери в поздний час, и испытывал крайнюю степень счастья, что вот через минуту я увижу свою мечту, фею, существо из другого мира.

Шорох застыл прямо за дверью, я понял, что на меня смотрят в глазок, и

ужасно смутился. Затем щелкнул замок, дверь открылась...

Мне открыла худощавая девушка с разбросанными по плечам длинными каштановыми волосами. Она была в синем домашнем платице. Черные глаза вопросительно глядели на меня поверх прямоугольных очков в тонкой оправе.

В ней не было и тени моей вдохновительницы. «Но она не может быть ею! – думал я. – Ей не может принадлежать это бледное лицо, неухоженные волосы, этот синий халат».

В голове возникла мысль, которая казалась мне в тот момент единственно возможной. Я думал, что мою фею связали и удерживают в дальней комнате, и ведьма, что стоит передо мной, этим всем управляет. При этой мысли я чуть приподнялся и посмотрел через ее плечо в комнату. Девушка удивилась. Я быстро осознал свою бестактность и поспешил заговорить, но на ум пришел лишь один вопрос:

– Кто здесь играет на пианино?

Девушка совсем потерялась.

– Я, – несмело ответила она.

Ничего не объясняя, так как знал, что не смогу объяснить, я быстро сбежал по лестнице и вышел на улицу.

P.S. Я с другой девушкой.

И проходя мимо известного переулка, с грустью улыбаюсь своей неудавшейся любви и прошу прощения у девушки в синем халате за предательство, о котором она ничего не знает.

Зеркало

Миниатюра

Висело зеркало в прихожей одной известной важной дамы. У нее бывало много гостей разных мастей, и каждый, проходя мимо, заглядывал в зеркало. Зеркало добросовестно выполняло свой долг вот уже многие годы, отражая лица людей. С присущей добротой сердца оно любило этих людей и было радо услужить. Когда люди прихорашивались, а затем улыбались собственному отражению, ему казалось, что они его приветствуют. Оно знало много знаменитых людей: добрых и не очень, смешных и грустных, красивых и так себе, умных и недалеких. Всех их объединяло одно: они улыбались зеркалу, и оно было уверено, что они любят его.

Однажды в доме известной важной дамы случился вечер, на который сошлись представители высших кругов общества: мужчины в черных смокингах, женщины в ослепительных нарядах. Сегодня все были красивы как никогда. Играла музыка, летели конфетти, гости танцевали, смеялись. Зеркало никогда еще не было так восхищено. Оно готово было полюбить каждого человека, который посмотрел в него в этот вечер.

И к зеркалу подошла молодая девушка, она была прекрасна. Зеркало само ею любовалось. Она загадочно улыбалась себе, затем подмигнула, игриво рассмеялась и, глядя в зеркало, стала танцевать. И чем больше она смотрела на себя танцующую, тем больше ей хотелось танцевать. Но вдруг вместо своего отражения девушка увидела в зеркале чужой силуэт и черты чужого лица. Оно тоже танцевало и смеялось, звало девушку танцевать с ним. Но девушка испугалась и упала без чувств.

Никто не понял, что произошло. И девушка вскоре забыла об увиденном, а зеркало потускнело. Все, кто глядели в него, с грустью сознавали, что все в нем мрачно и искаженно. Люди не улыбались своему отражению, как раньше, а разочарованно проходили мимо, недоумевая, что же изменилось.

Вскоре хозяйка тоже заметила дефект в зеркале и велела поднять его на чердак.

Обозленному зеркалу надоели человеческие лица, случилось это в тот день, когда оно впервые решилось показать свое. На чердаке, в одиночестве, ему было спокойно, и оно понемногу смирилось со своей обидой.

Тамия**Бойн гуьйре**

Хьайн кьорза кортали бендоцуш белшаш тIе тесна,
 Когаш кIел биллина дешица кхелина некъ,
 КIажарийн панбархат махаца ловза дIахецна,
 ЙогIу хьо йиллина шерашна гIе меттан неI.

ХIинца а ца хIутту и дарцаш хьоь дагар дийца,
 Маьлхан товхано ца кьарлуш хьо кьовсур ю.
 ХIинца а зезагийн юьхь-сибат ца далуш хийца,
 Къызачу замано хьан куьцан го туьссур бу.

Зама

Суьйренан IиндагIо хьаьшна серлонан цинцаш,
 ДIадаха маьлхан де, кхолалуш дIо анайист.
 Ширачу замано мIаьргонаш кочарах юцуш,
 ДIакхоьхьу аналле кхин цкъа а юха ца гуш.

Даточу аганахь, аьхкено техкайо буьйса,
 ДIатийна седарчий, ца доккхуш кхин доккха са.
 Тховса а батто дуйцу шен тамаше туьйра,
 И иштта ца хилча хир дара гIенаш беса.

Дахаран тептар тIехь кхолламо яздина йоза
 Замано доьшур ду, бIешерийн луьстуш могIа.
 Берзина когашца Iуьйренан бецан тхи мийла,
 Дуьненах цециййла ца кIадлуш оьхур ю дIа.

Нана

Буьйсанан тийналла гIайгIано хедош,
 Нана, ахь ларби вайн ураман некъ.
 Хьан даго воьхучун ларе ладоьгIуш,
 Сатуьйсуш йиси хьан йиллина неI.

Кхолламо вохийна мерзачу лаамех,
 Хедийна некъаш и маьрша вац.
 Хьан куьйгийн йовхо бен, гинаерг гIенах,
 Ваьллачуьн махках кхин ирс ма дац.

Ненан чиркх мел богу некъ хьоьху седанах,
 Азаллех йозуш ю хIора мIаьрго.
 Амма и дIаялахь тилвелла хир ву хьох,
 Дуьненан шорталлехь цхьа некъахо.

Юха а дIайоьду

Юха а дIайоьду, сайн гIенийн бIарлагIаш талла,
 ДогIанийн иллица Iийдало, сингаттам хедош,
 Дуьненан шорталлийн терзана, марара яьлла,
 Шийлачу кханара, тахана бIаьстено йоьхуш.

Когаш клел йийшинче akkaзийн зазанах мархаш,
 Екхначу луйрено яржийна сийналлин рагI.
 Мацаха гиначе, безначийн нур догу яххыаш,
 Бакъдолчу ирсана, хадийна бакъболу мах.

Азаллин хьоста

Со хIунда йоблха те
     сайн боцчу балина,
 Сайна тIейзош сайн доцу къа?
 Берзина когашца,
     тIе юйлуш алонна,
 Чим хилла дагийна дерзина са.
 Дуьненан некъашкахь
     ас хIунда лобху те
 Азаллехь цкъа гина сирла хьоста?
 Кхолламан зераша
     и уйр ца хадийна,
 Цу юьртан некъаца йигахь со дIа.

БIаьстенан маршалла

Февралехь кхетта малх –
 БIаьстенан маршалла.
 Чилланах йисна ах,
 БIешарал яхъелла.
 Шелйелла ойланаш
 Йовхоно йостур ю,
 Валанза висна верг
 Ша бIаьра хьожур ву,
 БIаьстенан сийначу,
 Екхначу стиглана,
 Зезагийн ховхачу,
 Эсалчу къежарна.
 ДIаихна гIаргIулеш
 Иллешца йобьзур ю,
 Шайн кIайчу тIемаш тIехь
 Ирс цIехьа дерзор ду.

Иаьнан туьйра

Иаьно пухIон верта тесна
 Когаш клела тховса.
 Хелхарх хьийза бетгаса,
 Лайн чимашца говза.
 Кхин цхьана шарна герга яха,
 Эхартана зама.
 Кхоллам буьгуш цхьана тоха,
 Хиндолчунах кхана.
 Мел хьежарах йоцу кхачо,
 Самах гина гIан.
 Мел ладегIарх кIорда ца до,
 КIайчух туьйра хьан.

Хьаьшна бералла

Ца дешаш соьцу лайн чимаш,
 КIажарш тIе туьйсуш машанаш.
 Дуьненан кхоллам алахьа,
 Хьо мичхьа хилла те гIалата?
 Хьо мичхьа хилла те гIалата?
 Адамаш хийцина гIалартах,
 Бакъонаш эшийна харцоно,
 Тешамел тоьлла ямартло.
 Тешамел тоьлла ямартло,
 Бералла хьаьшна ю саьхьарло.
 Ца дешаш соьцу лайн чимаш,
 КIажарш тIе туьйсуш машанаш.

Сирла гIайгIа

Сел хаза еана бIаьсте,
 Ма сихло дожадан заз.
 Къобулде гIургIезийн илли,
 Ца хадош тIаьххьара аз.
 Дисинчу ирсана бехчалгаш,
 Шийлачу идош мохо,
 Ма яйъа туьйсуш лайн чимаш
 Йисина дегайовхо.
 Карара йолий дIаьйобду,
 Абаде сирла гIайгIа.
 Баьгначу седанах кхуьур ю,
 Йожа и лаьттан мара.

Йолахьа, бIаьсте

Йолахьа цкъа мацах
     Даймахкахь санна,
 Даржадай гIургIезийн тIемаш,
 Елалой akkaзийн зазанах тайна,
 Екхалой серлонца Iенаш.
 Испаллийн тулгIица, мелачу мохо
 Техкаеш, дуьххьара санна.
 БIаьсте, латай хьайн маьлхан товха,
 Йолахьа тIаьхьара санна.

Ойланийн м1аьргонаш

Сацалахь, м1аьрго, сацалахь,
Заманца сихялар доцуш.
Бларзъелла ойланаш йигалахь
Селхане айхьа куьг лоцуш.

Гой хьуна? Д1о бешахь тийна,
Дада ву ламазаш оьцуш,
Ткьа баба, урчакх а хьйзина,
Т1арг1анах пазаташ юцуш.

Ткьа ц1енкьахь тайнигаш яржийна,
Йоьтгина шура писуна,
Шен г1енийн бехчалгаш ловзийна,
И ийжнарг евзирий хьуна?

Ц1а боьду некь

Г1улч дуьхьал якккхича,
Кхи шинна нацкьара юьгу,
Даймакхе боьду некь
Дахаро генна д1атуьгтуш.
Б1аьстено вайн ц1ахь ма
Патарш хецна ма боху,
Гур дуй-те кхи цкьа а
Вайн бешо зазанаш дохуш.

Мел х1утту синхаам
Цхьалхачу 1алаше кхийда,
Мел хуьлу синлаам
Хьарчийна седанах сирла.
Дуьненан йозалло
Къевлина шен мохь ца босту,
Т1е эхарх мел улле
Дахаран некь хьийзош б1оста.

Сел экаме хилла,
Г1ораза и дегайовхо,
Даймехкан б1арлаг1ах
Сийналин паналехь йов-кха.
Дохк хуьлий генна
Д1айоьду д1о анайисте,
Хьежарах сибат бен
Амат ца лацалуш б1аьрге.

Серлой, бодий

1аьржачу 1индаг1ах къаьхкина,
Дегадо къуьдanan тай.
Саьхьарчу бодано б1арзйина,
Экаме серло д1аяй.
Харца долчу дуьненан амал:
Боданаш майра чуг1ерта.
Шен дахар доллушехь хьанал,
Серлонна ша шех эхь хета.

Кхолламе

Цкьа а ца дехнарг, суна ма лолахь.
Цкьа а ца лехнарг, дуьхьала дохуш.
Даимна хилларг, хила ницкь лолахь
Чолхечу заманах 1еха ца луш.

Бендоцуш хьежа, б1аьрса ма лолахь,
Доьхначу даге йиша елхош
Вешица йолу уьйраш а кхолахь,
Барт бохош ала ма лолахь дош.

Кхераме буьйсанаш
маьрша т1ех яхалахь,
Х1усамна ца етгаш ямарта ног.
Мел ч1ог1а кхерахь а суна ма лолахь,
Мостаг1чун къежжал яхь йоцу дог.

Хьава

Хьан п1енданах йина,
хьан дуьхьа кхоьллина
Кхузткье исс шарахь ца карош лехна,
Кхолламан зерана
юьхь дуьхьал хьаьжина,
Фирдовзан диканах къастар а текхна.

Шен синан испайлла хьульина,
хьарчийна,
Дахаран къызалло шелярна кхоьруш,
Дуьненан харцонаш хийлазза елхийна,
Юьхь-сибат г1урачу шовданах кхолуш.

Нур ц1енчу хазалло, заманца къевсина,
Йогучу ц1араца, яйьа ца ло,
Дуьненал, эхартал, шен сил а вазвина,
Хьалхара Дела, шозлаг1а хьо.

***

Цхьаллина эшамо
к1айн куьйгаш шелдина,
Дегбаьмех лаьтта г1ельелла ойла.
Хораман шад бостуш
синтеман б1аьрхиша,
Тешамел тоьлла харцо ма гойла.

Луьстур ду замано,
ца юьтуш шалхонаш,
Кхолламехь мел хилларг
ца хилла эрна.
Куьзгано-1аьмнаша
хуттур ду вовшах,
Дисина дакъош цкьа
кагбинчу маьлхан.

Йовхоно хьябстича
 б1аьстенан дийнахь,
 Иэсано биц бийр бу хилла цатемаш.
 Амма и лазам сан сина хербеллехь,
 Кхин х1унда ца г1отту
 г1елделла т1емаш?

Дахаран доза

Д1а г1ур ю, кхин хьялха
 баханарш санна,
 Дуьне а шийлачу малхана го бохуш,
 Хьийзар ду тембоцуш гутгара санна,
 Заманан х1оттамаш шен роге лоцуш.

Бешара дитта т1ехь декар ду хьоза,
 Малхбузехь лаьтгар ю д1о анайист,
 Д1аг1ур ю, дитина дахаран доза,
 Кхолламан йозано хадийнчохь йист.

Цхьалла

Цхьалла ю бух боцу 1ин,
 Маьлханан м1аьрго ца гина.
 Йилбазмохь боцуриг кхин,
 Шабар ца хезна лерсина.

Хиллариг хиндолчух тесна,
 Цхьалла ю дихкина тай.
 Г1енашкахь дисинчу ирсана,
 Тилланза дисина т1ай.

Цхьалла ю, б1аьстенах леташ,
 Гуьйрено амал дарийна,
 Шен туьйра кхоамза эт1ош,
 Доццушехь цкьа а ша гина.

Акказийн б1аьсте х1аваах ийна

Акказийн б1аьстено х1аваах ийна,
 Саделар льоцуш, корта хьийза.
 Мел йог1у суьйре сел тамашийна,
 Iаламо льокху мукьамаш хеза.
 Г1аттийна Iаьно дижийна туьйра,
 Замано керчош дуьненан х1оз.
 Зезагийн курсаш беснашца ийна,
 Тулг1енах техка Iенадеш жаз.
 Г1арг1улийн г1енаш
 мархашца дохкуш,
 Сийналлехь к1айдаргийн жут,
 Мелачу мохо шах-татнах кхоьхьуш,
 Генарчу даймехкан сург.

Вешина

Ямартчу буйсано катобхна виги,
 Цу делан мостаг1чо леци хьан гуо.
 Iадийна довзалан мохь эрна иди,
 Ца карий тийсарах дуьненна гуо.

И кьиза тало, хьан дег1ах хьяьрчина,
 Даь1ахках чехк йоуш лазоран кьахь.
 Мацалло, хьагалло, шелоно г1елвича,
 Ца кьарлуш и муха лайра те ахь.

Хьан сирла синкхетам
 аналле кхевдина,
 Иманца ойьуш ойланийн лахьта
 Ойлане б1аьра
 хьяьжна хьайн ненан,
 Б1аьргашчохь сецна заманан сахьт.

Жима олхазар

– Ма ч1ог1а доьлха хьо,
 Х1ай жима олхазар.
 Со санна г1аьттина,
 Гуьйренан Iамална.
 Ца хеда зевне аз,
 До1а сов дуьйлу,
 Кховдийна куьйгаш т1ехь
 Шовданаш дуьйлу.
 Сийлахьчу ден бешахь,
 Кхиййна дацара хьо?
 Хьай ненан иллино,
 Хьистина дацара хьо?
 Вежарийн тароно,
 Качдина дацара хьо?
 Кху нехан шахьарахь,
 Х1ун льохуш лела хьо?
 Да-нана делла шен,
 Т1е кхачар доцуш?
 Йиш-ваший дийна шен,
 Коша барз боцуш?
 – Хьомсарчу ден бешахь
 К1охцалгаш хилла,
 Кху нехан шахьарахь
 Лела сих тилла.

Иштачу хабарца
 Т1екаре г1аьттира,
 – Ткьа хьуна х1ун хилла? –
 Цуо соьга хьаьттира.

Кати Чокаев**О военном лихолетье**

До начала финской войны жизнь у советских людей была относительно сносной. По крайней мере, не ощущалось чувства голода. Хлеба было достаточно, его можно было купить без карточек, хотя иногда приходилось стоять в очереди.

Но с ее началом сразу появились карточки, и длинные очереди стали обыденным явлением. У рабочих, и вообще у горожан, положение было получше, чем у колхозников, которые за трудовни даже до войны ничего не получали и влачили нищенский образ жизни. А тут еще война, куда уходило все. Люди перебивались личным подворьем. Некоторые умудрялись засеять лесные поляны – ирзош, так как приусадебные участки были небольшими и прокормить семью только ими было невозможно. Занимались также торговлей. Хотя это занятие на официальном языке называлось «спекуляцией» и строго наказывалось, люди тем не менее умудрялись привозить откуда-то дефицитные товары и перепродавать их по выгодной цене. Редко кто получал пенсию или другую материальную помощь от государства. Помню только один случай такой помощи: в 1942 или 1943 г. (точно не помню) по Шали разнесся слух, что некий Зайнди Халидов получает спецпаек как Герой Советского Союза.

Но вскоре нас выселили. Сталин не утвердил З. Халидова в звании Героя. Это звание официально не присвоено ему по сегодняшний день.

В первые дни войны много людей уходило на фронт, и мало кто возвращался – разве кто по ранению или став инвалидом – без ног, без рук. Ежедневно приходили похоронки.

В колхозе некому было работать. Женщины, подростки, старики из-за отсутствия лошадей и другого тяглового скота и техники (их также отправили на фронт), не могли работать. Правда, где-то в 1942 или 1943 г. решением Обкома ВКП(б) была организована ручная копка на колхозных полях, где трудились подростки и трудоспособные старики – все те, кто мог держать лопату. Помню, как мы со своим 70-летним дедом производили такую копку на полях колхоза им. ОГПУ (с. Шали).

Однажды подошел ко мне бригадир колхоза и предложил поработать учетчиком. Я согласился, так как других, более подходящих по возрасту людей для такой должности, не нашлось. А мне тогда было 13 лет. Но потом, из-за неурожая кукурузы на 8-ми гектарах, посадили нашего бригадира Сайди, а меня уволили.

После этого случая я стал возчиком – ездил по дворам колхозников, собирал для фронта продукты, в основном, кукурузные початки, теплые вещи: старые шубы, фуфайки, теплые носки и даже перчатки. У нищенствующих людей забирали все, до последнего зернышка, а взамен – ничего. Людям стало невмоготу жить. И в этих условиях обвинять их в измене, бандитизме, в том, что они, якобы, Гитлеру хотели подарить скакуна, кормили бандитов – кощунственно. Во всей Чечне в то время трудно было найти нечесоточного коня – остальных забрали на фронт. У нашего отца забрали старую кобылу с жеребенком-сосунком. К тому же Чечня не была оккупирована немцами.

Всю работу в колхозе, от пахоты до уборки урожая, люди осуществляли вручную. Вот такой была жизнь. О социальной помощи, отдыхе и даже медицине люди знали только понаслышке, и то не все.

Еще один момент из быта военного времени запомнился мне. Лето. Июль или август 1942 года. Под Моздоким и Малгобеком идут ожесточенные бои с фашистами. Левый берег Терека находился в руках немцев, а правый – в основном, наш. Вот-вот ждут переправу немцев. До нашего села доходят частые взрывы артиллеристских снарядов.

В это время неожиданно-негаданно приезжает в свое родное село Шали подполковник Абдулла Ахтаев, кадровый офицер, который давно не был дома. В центре Шали,

где разместились административные органы – туьканаш юкъ – сабантуй: танцы (лезгинка), играет чеченская гармошка. Все это веселье сопровождается, как водится в таких случаях, стрельбой из маузеров и автоматов. Это тамада Абдулла, виновник сабантуя, и его адъютанты, веселясь, ведут стрельбу. А в это время Шали, как и другие прифронтовые чеченские села, было заполнено частями Красной Армии, которые вмиг окружают веселящихся. Кто-то из близких подполковника шепчет ему на ухо: «Нас окружили». В тот же момент Абдулла соскакивает с места, с маузером в руках, и кричит солдатам: «Назад!»

Окружившие, видя, что имеют дело с подполковником, попятились назад, а командир их, капитан по чину, подбегает к Абдулле, отдает честь, просит прощения. Потом, с разрешения подполковника, как тамады, пускается в пляс, в наурскую лезгинку. Напарницей в круг выходит Мария, эвакуированная киевлянка, которая с лета 1941 года жила в нашей семье и уже неплохо справлялась с чеченским женским танцем. И в данном случае также не ударила в грязь. Кончилось это тем, что, вдоволь пообщавшись со своими земляками-шалинцами и натанцевавшись, Абдулла к вечеру того же дня умчался в свою часть, но не один, а с нашей Марией, которая согласилась стать фронтовой женой подполковника.

Позже, уже после депортации 1944 года, до нас дошел слух о том, что Абдулла и его брат, майор Абдул-Вахаб Ахтаев, героически погибли летом 1944 года в Польше, о чем нам поведал демобилизованный капитан Исмаилов. Он же сообщил о гибели другого нашего земляка была – Езиева Якуба, капитана, начальника волжской переправы во время Сталинградской битвы осенью 1942 года. А вот о судьбе Марии нам, к сожалению, до сих пор ничего неизвестно. Хотя мы не забываем о ней, прожившей с нами почти год и полюбившейся детям. Да и нашим родителям тоже, привыкшим к ней, как к своей дочери и относившимся к ней даже лучше, чем к родным детям – по крайней мере, нам так казалось.

О Езиеве хотелось бы сказать вот еще что. В начале 1943 года, подводя итог Сталинградской битвы, командование намерено было включить Езиева в список представляемых к званию Героя, но помешал особый отдел, который уже знал о готовящейся депортации чеченцев.

В отношении участия наших людей в Великой Отечественной войне. Как уже говорилось, военнообязанные мужчины на моих глазах ушли на фронт – за исключением тех, кто оставался в тылу по брони. Это отдельные категории госслужащих, ответственные работники, сотрудники правоохранительных структур и прочие.

О причинах выселения.

1. Бандитизм и дезертирство были у всех народов бывшего Союза. К примеру, еще в 1945 г. в горах Киргизии орудовали басмачи. Также было и в других районах Средней Азии, не говоря уже о некоторых областях (они известны). Этих бандформирований не могло не быть после тотальных, бессмысленных репрессий Сталина во все предшествовавшие войне годы, начиная с первых лет Советской власти – раскулачивания, волонтаристских методов коллективизации, преследования верующих и т.д. Сталин не мог не знать об истоках бандитизма и дезертирства. За подобные преступления, общие для многих народов, нельзя было предъявлять вину только чеченцам или некоторым отдельно взятым народам.

2. Сталин также совершил непростительную, ничем не обоснованную ошибку перед самой войной, прекрасно зная, что она неизбежна. Он обезглавил советскую армию, уничтожив ее лучших военачальников, что привело к большим потерям в начале войны. У советских людей все это вызывало подозрение в отношении личности Сталина – не преднамеренно ли он лишил армию лучших военачальников перед самым началом войны, не шпион ли фашистов. Кроме того, и в его окружении, и в армии были люди, скептически относящиеся к его «игре» в национальную политику, которая, по их мнению, ничего хорошего для страны не сулила. Более того, эти же скептики считали, что вся тяжесть военного лихолетья легла на плечи русского народа, – что было абсолютно верно, тогда как остальные народы не несут в этой войне таких потерь, как русский народ. И в этом также считали, что виноват Сталин и его

национальная политика. Все это доходило и до самого Сталина, и ему нужно было, как человеку слишком амбициозному и конъюнктурному, оправдаться перед народом, составляющим большинство населения страны.

И как он это сделал? Тем же испытанным методом репрессий – выселением около 10-ти народностей в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию.

3. В Сибири, Казахстане, в других местах не хватало рабочих рук, а на Северном Кавказе, Чечне-Ингушетии в частности, они в избытке. Вот один из мотивов для такого произвола как выселение целых народов.

4. Более того, как в свое время говорил Х. Ошаев, актом выселения одних решался вопрос земли и территории в пользу других народов Кавказа. Еще до депортации 1944 года Сталин сначала отдал половину г. Орджоникидзе осетинам, отобрав его у ингушей. А затем, уже после депортации, отдал им остальную территорию Ингушетии, часть Чечни и Ставропольского края.

5. Еще один мотив для выселения народов имелся в арсенале Сталина – по окончании войны с Германией и Японией планировалась война с Турцией, потенциальным союзником Германии. А народы Северного Кавказа в случае такой войны якобы могли сыграть роль «троянского коня» в отношении Советского Союза.

На сегодня трудно остановиться на одном из мотивов, послуживших поводом для этого беспрецедентного акта в отношении целых народов, некоторые из которых еще полностью не реабилитированы в территориальном, политическом и даже экономическом аспекте. Хотя есть закон о реабилитации. В частности, до сих пор отсутствует реабилитация территориальная – Пригородный район (Северная Осетия), Новолакский район (Дагестан) и др.

Нет реабилитации духовной – не восстановлена национальная школа чеченцев и ингушей, нет экономической реабилитации – чеченцы в виде компенсации получили неоправданно малую сумму – 10 тыс. рублей на одного человека, главу семьи.

Основной же причиной для выселения народов, как было сказано, всегда считалось (гласно и негласно) слабое участие этих народов в войне. Казалось, чтобы снять такое клеймо перед мировым сообществом, нам, чеченцам, следовало бы (по примеру других репрессированных и даже нерепрессированных народов) заняться более интенсивно, чем сегодня, выявлением участников Великой Отечественной войны и показать их обществу, дабы окончательно развеять миф о нашем слабом участии в войне. Но в наших селах нет даже комиссии, работающей в этом направлении, которая имеется в областях с русскоязычным населением РФ.

В результате многие наши соотечественники, представленные к различным наградам, в т.ч. к званию Героя, остаются в забвении. К примеру, в Карачаево-Черкесии выявлены 19 Героев Советского Союза, и они получили (многие посмертно) заслуженные награды. А мы остановились на пятерых (остальные получили свои звезды еще при Сталине, многие посмертно). Чем мы ответим потомкам, когда многие наши вполне заслуженные люди остаются в забвении, а мы не знаем, где покоятся их останки, даже в пределах нашей республики.

В то же время наши улицы носят такие безыдейные названия, как: Степная, Посевная, Крекинговая, Речная и прочие, прочие. Что плохого, если мы назовем такие улицы именами наших героев войны, труда, ученых, общественных деятелей и т.д., как это сделано в Ингушетии?

В Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и других краях и всех России имеют место мемориальные кладбища, где хоронят своих знаменитых соотечественников, а народ наш в своей основной массе, как сказано, не знает, где покоятся наши герои войны, труда, ученые, писатели и т.д. и т.п. Народ, не ценящий, не почитающий своих героев, равнодушный к своему прошлому и настоящему, обречен на общественно-политические катаклизмы, какие нам уже не раз приходилось переживать в своей истории, и в их числе 1944 год.

Не знаю, как наши историки, но я, не историк, вижу во всем этом звенья политики людей, которые вели в свое время системную подготовку к нашему выселению в 1944 году. Я уже не говорю о том, как случилось так, что Чечено-Ингушскую дивизию (114-ю), когда она была на стадии окончательного комплектования (девушки уже пели

песню такого содержания: «Нохчийн дивизии тIеталийчи, германан фашизми юхур яра» – «Если чеченскую дивизию пустить, германскому фашизму несдобровать»), распущена, и на ее основе были созданы полк и еще дивизион. Такое расформирование, вернее сказать, распыление наших людей и всего чеченского и ингушского народов, на наш взгляд, также входило в коварный замысел Берии, который командовал здесь в те годы, и его покровителя Сталина.

А главный вопрос сегодняшнего дня – надо довести до конца, как это сделали карачаевцы, работу по выявлению героев-чеченцев Великой Отечественной войны.

Вышла книга некоего Николая Гродненского – «Первая чеченская», где автор энергично доказывает, что у чеченцев всего лишь 10 тысяч участников войны. А выселение нашего народа считает правильным и обосновывает его тем, что, если какая-то часть народа преступники, остальные ими также являются, если не донесли органам на первых – была, мол, статья за недонесение. Вот такая логика у этого человека. Недавно вышла книга Э. Абрамяна «Кавказцы в Абвере». Приводятся целые соединения грузин, азербайджанцев, армян и других. Но здесь нет не только ни одного соединения чеченцев, нет даже ни одной чеченской фамилии в составе Абвера.

К сведению сторонников реабилитации Сталина. Этот «вождь всех времен и народов» выселял Героев Советского Союза как изменников, пособников фашистов, а когда их не было в живых, выселял их родителей и семьи. Так была выслана старуха – мать Героя Советского Союза, уничтожившего около тысячи (1000) фашистов, и она умерла от голода в Киргизии. Брат с большой семьей еле выжил.

Дай Бог нам сил и ума, чтобы дойти до истины.

В заключении хотелось бы обратить особое внимание наших историков, исследующих период ВОВ, на следующее.

Как могло случиться, что в первые дни войны, в июне-июле 1941 г., тысячи наших молодых людей были мобилизованы в Трудовую армию? Их повезли на Украину, где им поручили рыть окопы на подступах к Киеву с запада, откуда ожидался стремительно наступающий враг, с ходу разбомбивший этих несчастных людей, многие из которых не имели в руках даже лопаты, не то что винтовки. Враг захватил столицу Украины, а тысячи наших людей, кто уцелел после такой мясорубки, разбрелись кто куда по всей Украине. Немногие сумели добраться до Грозного и других городов и сел нашей республики. Здесь их привлекли за дезертирство и сослали в Среднюю Азию. Спрашивается: какая была надобность везти наших людей, большинство из которых не владело даже русской речью, в такую даль и бросать на произвол судьбы и наступающей фашистской армии? Что, на Украине, или даже близких к ней областях России не было рабочих, чтобы рыть окопы? Знают ли наши историки об этом факте? Как получилось, что сотни наших людей оказались именно в Брестской крепости, которая неминуемо должна была пасть в первые дни войны со всем своим гарнизоном?

Помню, когда возвращались наши люди в места депортации после демобилизации в 1945 году, мне показалось, что местные власти их встречают с затаенной ненавистью. Об этом с возмущением говорили даже местные простые русские, казахские люди, далекие от политики.

Этих несчастных демобилизованных не устраивали на работу, не оказывали другой помощи, тогда как демобилизованных местных встречали с распростертыми объятиями, цветами, музыкой и другими почестями.

Были даже эксцессы на основе таких недружественных приемов. Так было в городе Фрунзе с полковником Мовлидом Висаитовым, Героем Советского Союза, капитаном Исмаиловым в г. Токмаке, Героем Советского Союза Х. Дачиевым и многими другими демобилизованными чеченцами. Нельзя здесь же не отметить, что не лучше к нашим участникам Великой Отечественной войны относились власти даже в восстановленной Чечено-Ингушетии.

Нам сейчас, по прошествии многих лет, трудно изложить причины и суть конфликтов, происходивших с Героями Советского Союза подполковником Мовлидом Висаитовым, первым вышедшим со своим полком к последнему рубежу Второй мировой войны, к реке Эльбе, и награжденным высшим орденом США, а так же с Идрисовым А. и Дачиевым Х. Но с конфликтом, происшедшим с капитаном А.В.Исмаиловым мы более или менее

знакомы, так как жили с ним в г. Токмак Киргизской ССР, где ниже излагаемое событие, в котором он был замешан, произошло.

Где-то весной или летом 1946 года на базарной площади г. Токмака произошла крупная драка между узбеками и чеченцами. Поводом послужила ссора на бытовом уровне между молодыми людьми узбекской и чеченской национальностей (имен этих молодых людей мы помню, поэтому буду их обозначать по национальной принадлежности). Два этих парня пили пиво перед ларьком, что возле базарной площади. Чеченец там уже стоял и пил пиво из кружки, когда подошел узбек и тоже заказал кружку пива. Когда кружка уже была наполнена, узбек взял ее и то ли случайно, то ли преднамеренно выдул пену образовавшуюся над кружкой, пена попала в лицо чеченца. Тот, естественно, возмутился. Узбек, вместо того чтобы извиниться, произнес что-то обидное для молодого чеченца, который, не долго думая, ударил за словесную обиду узбека кружкой по голове, облил его оставшимся пивом. И пошло-поехало...

Подходили все новые и новые люди, как чеченцы, так и узбеки, и ввязывались в драку. Клубок дерущихся все разрастался, и вскоре вся базарная площадь и ее окрестности превратились в арену сражения.

Возможно, этот конфликт не дошел бы до такой степени накала, если бы ему не предшествовали события, которые, годами накапливаясь, не подготовили почву для неприязни между отдельными гражданами Токмака, в основном узбеками и спецпереселенцами. Пропаганда Берии внедряла в сознание людей мысль о том, что везут бандитов и головорезов, что общение с ними не сулит ничего хорошего.

Хотя спецпереселенцы уживались со всеми здешними старожилами – киргизами, дунганями, русскими и теми же узбеками, тем не менее среди последних находились люди, которые вели себя по отношению к ним вызывающе.

К тому же ослабленные от хронического недоедания, холода, нищеты и политически бесправные, преследуемые комендантами, спецпереселенцы были легкой добычей узбекских экстремистов. Так, автор этих строк был свидетелем, когда трое узбеков избивали еле стоящего на ногах балкарца, и неизвестно чем бы это закончилось, если бы не заступничество проходящих мимо двух чеченских парней. Отметим, что, хоть партийная и административная власть была в основном в руках русских и киргизов, должного отпора выходкам экстремистов от них не было. То ли они боялись их, то ли были повязаны с ними какими-то общими интересами – непонятно. Все это в значительной степени привело к указанному инциденту.

А милиция, и во время драки и после нее, не приняла действенных мер, чтобы обуздать хулиганов, которые издевательски относились не только к спецпереселенцам, но и к остальным жителям города. Она осталась сторонней наблюдательницей потасовки, а потом хватала и бросала в КПЗ только чеченцев без разбора. Многих чеченцев тогда осудили, в том числе нашего героя Исмаилова и других демобилизованных спецпереселенцев. Исмаилову вменили в вину то, что он залез на пивную будку и оттуда стал отдавать приказы. В итоге ему дали год отсидки, правда, наград и звания не лишили. Зато ни один узбекский экстремист осужден не был.

Исмаилов отсидел свой срок, и потом долго еще ходил без работы. Спустя некоторое время его оправдали, сняли судимость и вернули партбилет, который он получил на фронте, перед тем как отправиться в очередную разведку. Наконец, назначили его заведующим жомовой ямой при токмакском сахарном заводе. Пишущему эти строки приходилось под его началом работать.

Наш список участников ВОВ будет неполон, если не сказать о другом шалинце, тоже участнике ВОВ, Дурти Мумади. Дурта – это имя матери нашего героя. Так в народе до сих пор его называют. Дело в том, что с раннего детства Мумади, лишившегося отца в Гражданскую войну, воспитывала мать Дурти. Фамилии я его не помню, хотя встречался с ним после восстановления ЧИАССР.

Где-то в 1947 году по Фрунзенской области среди чеченцев разнесся слух, что Мумади осужден Фрунзенским городским судом на 25 лет за измену Родине и сослан в Магадан. Через 3–4 месяца пошла другая информация – о том, что Мумади оправдан и вернулся домой, живет в Ворошиловском районе г. Фрунзе. Чем объяснить такую

метаморфозу в судьбе нашего героя? Дело в том, что Мумади, ушедший в первые дни войны на фронт добровольцем, попал в плен, как раз в то время, когда советские войска попадали в плен сотнями тысяч. У немцев было заведено выстраивать в шеренгу наших пленных солдат и после нотационных выступлений их агитаторов проводить в некотором роде экзекуционные мероприятия. В нашем случае Мумади и тех, кто был с ним пленен, выстроили в длинный ряд, и после выступления агитатора другой фашист в чине полковника начал «награждать» пленных оплеухами. Когда очередь дошла до Дурти Мумади, полковник, внимательно-испытующе посмотрев в его нерусское лицо, влепил ему оплеуху. Однако тут же, не ожидавший ничего подобного, полковник получил в ответ такую мощную оплеуху, что чуть не упал. Один из фашистов хотел застрелить Мумади, но полковник успел крикнуть: «Nein!». Две овчарки набросились на Мумади, но он сумел отбросить их от лица, хотя и не мог совсем освободиться от них, вцепившихся клыками в его правую ногу и левую руку. Лишь с третьей попытки фашистам удалось свалить его, связать по рукам и ногам. А полковника, получившего оплеуху от Мумади, сразу же увезли в санчасть.

По истечении нескольких дней Мумади был вызван на допрос, который вел тот же полковник. К удивлению нашего героя, немецкий офицер вел себя очень вежливо, даже предложил ему кофе и папиросы. А когда узнал, что Мумади кавказец, сказал, что он знает и любит кавказцев как смелых людей и т.д. и т.п. Все это кончилось тем, что Дурти Мумади стал комендантом Афин, столицы Греции. Во всем этом, что прельстило чекистов – и освобождало его от заключения – по-видимому, то, что наш герой ударил фашиста. А также немаловажную роль в его оправдании сыграло то, что он, будучи мэром Афин, помогал греческим партизанам. Последнее, как думается, в его судьбе было решающим фактором.

Продолжим наш список шалинцев, участников ВОВ. Сулейманов Дока, депутат Верховного Совета СССР первого созыва (1937 г.), один из немногих чеченцев – кавалер ордена Ленина, в первые дни войны он ушел на фронт добровольцем. Когда немцы весной 1942 года начали свое наступление на Сталинград, советские войска на Дону постигла неудача. На правом берегу много красноармейцев попало в плен. Среди них оказался и Дока. Целый день немцы держали пленных на пустыре. Фашисты выявляли комиссаров, членов партии и таких, как Доку, депутатов и орденосцев. Очередь еще не дошла до него, когда наступили сумерки. Воспользовавшись моментом, Дока быстро сообразил, что может затеряться среди местных жителей, находившихся неподалеку. Этот план удался, две девушки сразу поняли красноармейца и взяли его под ручку. Таким образом наш герой дошел до окраины станицы. Девушки помогли ему на время спрятаться у знакомой одинокой женщины. А на четвертые или пятые сутки, ночью, он вплавь перебрался на восточный берег Дона и присоединился к частям Красной Армии. Прошел до конца войны и вернулся с орденами и медалями в чине капитана к своей семье, находившейся в ссылке. Умер Дока то ли в 1973, то ли в 1974 году и похоронен на эрсенойском кладбище г. Шали.

Межидов Абрешид, мой двоюродный дядя, был призван в Красную Армию в 1940 году, попал в Брестскую крепость, где в первые дни войны обрел вечный покой, выполнив свой долг перед страной и народом (см. Х.Ошаев. Брест – орешек огненный. Грозный 1992 г.)

Хочу также перечислить имена знакомых и родственников из Шали, участников ВОВ, которые пропали без вести: Багаев Зайнди, Закриев Мумади, Инал (не помню фамилии), Сулейманов Салауди, Вокулов Халид, Солтаханов Адаш и многие другие. Дала геч дойла царна!

Саламбек Алиев**Двадцать третье**

«Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд...» Точнее, о двадцать третьем. Когда – все уже. Когда всех. поголовно. В снег и в мороз. Вместе с тем жарко – свинец обжигает, пепел Хайбаха и вода в ледяном озере Галанчо, как лава кипящая. Никто не забыт и ничто не забыто? Или время лечит любые раны? А может, тому, кто старое помянет, глаз долой? Ну а чтобы забыл и старое, и новое, и потом что после – третий промеж двух. Всевидящее, со сквозным отверстием. А может, око за око? Смешно! Смешно говорить об око за око, когда зуб на зуб не попадает.

А может, действительно, по-другому, другие традиции? Придуманные. Надуманные. Навязанные. Вам поклон! Вам! А Вам нижайший! Что? Кто это сказал – выгляжу не так? Кто, я спрашиваю! «Может, совесть твоя?» Нет! Нет, не совесть! По крайней мере, не моя, так как нет ее, совести! Так как родился без нее. То есть были крохи, но я их растерял в процессе реверанса. С остатками памяти.

44-й был високосным. Високосный – это когда на день больше, чем в остальном году. Разница небольшая – один день. Но за один день возможно стало уничтожить часть народа, оставшуюся часть выселить. История не знает сослагательного наклонения? Да. Конечно. Ну почему, ну почему все-таки не сделали милость? Ведь возможно было бы за этот день уничтожить и оставшуюся часть народа. И я бы это не писал. Никто бы ничего не писал.

В прошлом году был на похоронах одной старушки, дальней родственницей приходилась. Рассказывали, что в день выселения ей было девять лет. Тащила на санках больную мать. Выдохлась. Остановилась. Выстрел пришелся в левую руку выше локтя. Из рукава капала кровь, всю дорогу капала, но дотащила-таки мать до дверей товарного состава. И уже в веке двадцать первом был свидетелем подобной же сцены: окуляр снайперской винтовки выхватил вытянутую руку маленькой девочки, дергающую санную веревку, на которой лежала ее мать, мертвая, с развороченным нутром. Болтающаяся, неживая уже рука, по лицу катятся слезы и из рукава старенького, поношенного школьного пальто – кровь. «Ваши, сан мама ма ю и... сан мама¹...»

В календаре чеченского народа каждый год – високосный, когда на один день больше?

Что же вы, чеченцы, на заре человечества натворили такого, что до сих пор с короткими историческими интервалами вытираете пот, кровь и слезы?

А мальчик? Был. Помнит уроки чеченского. Советские времена. Мальчику 10–11 лет. Класс то ли пятый, то ли шестой. Урок чеченской литературы. На учебнике написано: «Ненан маттахь литература» – «Литература на языке матери». А на том, что по чеченской грамматике: «Ненан мотт» – «Язык матери». Много позже, когда мальчик стал взрослым и когда до него дошло, что сказать и написать так – очень красиво и что в мире еще никто так красиво не сказал и не написал, так перестали говорить и писать.

Мальчик читал биографии чеченских писателей в хрестоматии: кто, когда родился, что творил, когда умер. Мальчика удивило то, что судьба почти каждого чеченского писателя связана с Казахской ССР. Или с Киргизией. Это где Казахстан и где Чечено-Ингушетия? И что они там делали?

На одном из уроков он задал этот вопрос учителю. Учитель растерялся. Потерялся что ли. В окно посмотрел, потом в глаза мальчика и выпалил:

– Они там находились в командировке.

Что такое «командировка» не совсем было ясно, но как-то вопрос отпал. Отпал до тех пор, пока мальчик не наткнулся на несоответствие – были и те, которые родились там, в Казахстане. Они что, тоже в командировке? Но вопросов мальчик больше никому

¹ Дядя, это же моя мама... моя мама!

не задавал, а ответы пришли потом.

Мальчик стал большим. Теперь его терзают другие вопросы. К примеру, ему никак невдомек, почему ему однажды надо было родиться? Или вообще тривиальные: что за власть, у которой во «врагах народа» целые народы? Иногда он смотрит растерянно, или потерянно, в окно, и ему кажется, что «командировка» длится до сегодняшнего дня, а времена все те же, «советские».

А когда-то вышла замуж за Дабу маленькая Зезаг. Даба тоже был небольшим, но Зезаг совсем маленькая. И возрастом, и ростом. Красивая, говорят, была. И Дабу любила больше всех остальных, кто сватался. Осенью мальчик родился. Даба после этого не показывался на глаза отца целый месяц. Так было и тогда, когда Даба женился – только через месяц переступил порог той половины сакли, где лежал отец.

А однажды... «Чтобы мне сквозь землю провалиться!» – проклинал себя после этого много дней подряд Даба. Однажды ночью выпал снег. Первый снег в горах. На утро Даба и Зезаг, навьюченные вязанками сена, подымались в гору. Спустили с плеч ремни, скинули на землю вязанки и прямо на них попадали – отдыхают, смотрят друг на друга, улыбаются. Сгреб тогда Даба Зезаг в охапку и снегом начал умыть ей лицо... Смех Зезаг лишил Дабу слуха, а белая кость зубов, что белее белого снега, – зрения. И только, когда старый Баху, заметив их, развернул арбу, снова увидели мир вокруг.

А в то утро свекровь послала Зезаг на мельницу – забрать мешочек кукурузной муки; напутствовала: наш мешок черным кружком сажки помечен. Зезаг накормила грудью маленького Мовсара. Сжала ручки засыпающему мальчику. Вышла. Только светает, снег под ногами хрустит, и мороз обжигает ноздри. Побежала вдоль соседних плетней, спустилась к речке. Перешла через висячий мостик, и дальше путь надо было держать неблизкий – к водоразделу, где на месте слияния двух речек, в самой низине ущелья, находилась мельница старика Хайруллы.

На мельнице Хайруллы не было. Никого не было. В потемках невозможно было различить мешки, а Зезаг села на один из них и не заметила, как заснула.

Возвращалась обратно в спешке, бежала – заранее боясь свекрови, которая обязательно накричит – задержалась. Большие, потные капли рождались где-то там, под туго завязанными платками, спускались по лбу, щипали глаза. Мешочек прыгал и бил по спине.

Не обратила внимания, что двери во всех саклях раскрыты. Лают как-то странно собаки и вместе с тем – зловещая тишина. Только у собственной двери, тоже открытой, скрипящей на ветру, остановилась, что-то подумала, сама не поняла – что. Вбежала в дом. Тишина. Никого. Что. Что? Что?! Где мой сын? Мовсар! Мовсар где?! Побежала. Следы. Люди. Бежала. Жарко. Невыносимо жарко. Жар по всему телу. Вон они, идут! Куда идут? Зачем? И впервые, ай-яй-яй, невестка потеряла стыд, прокричала сквозь рыдания имя мужа: Дабааааа...

Майор НКВД взял из рук солдата винтовку, присел на одно колено, долго не целился, спустил крючок, и – оборвался крик. Неизвестно, сколько раз горное эхо повторило тот крик. И растут ли цветы на том самом месте, где упала Зезаг, тоже неизвестно. Известно только, что Даба шел, придерживая спотыкающегося Баху, и ни разу не обернулся.

А может, разбить скрытую камеру собственной совести, чтобы через годы и расстояния вдруг не всплыла никакая запись. И удачно сочетая размеры кнута с размерами пряника, путая добро с размягчением мозгов, восторгаться тем, что вокруг происходит?

И не думать о том, что есть мама, у которой еще можно попросить прощения, есть сестренка, которую нужно извинить сегодня за завтрашний день, когда ноша твоя окажется тяжела для ее хрупких плеч, и не жить в надежде, что наступит утро, когда повышенное содержание свинца, пронзив грудь, засядет в самом жизненно важном органе?

И впритык к двадцать третьему достать чернила и плакать. Навзрыд. Так. Так положено. Такая традиция. Память, так сказать. Дежурная.

Малика Ежиева

Все это было...

Зима 1999–2000 годов была на редкость снежной для наших мест, морозной. В другое время мы бы радовались этому, дети бы катались на санках с местной горки, которую в былые времена называли «Пятьсот веселых». Откуда взялось это название, я не знаю. Была маленькой, думала – каток длинный. Вот и несутся санки с веселой ребятейной целые пятьсот метров. Когда подросла, увидела – горка наша от силы метров двести...

Помню, совсем маленькой тащила туда свои санки. Не умея управлять ими, редко доезжала до конца. Санки меня заносили в сторону, и я залетала в сугроб. Плача, с трудом поднималась по скользкому катку вверх. Давая себе обещания, что больше никогда в жизни не поеду вниз, по этой противной горке! Но поднявшись, стряхивала с ресничек застывшие в сосульки слезы. Смотрела на каток и думала: с таким трудом поднялась, неужели больше не съеду вниз? Ладно, еще один разочек... И так продолжалось дотемна, пока меня, чуть ли не за шкуру, тащили домой старшие братья.

Но это все ушло в прошлое... Нет уже этого катка, и дети со двора на улицу не выходят, да что там со двора, из подвала родители редко кого выпускают. Пушистый и высокий снег радует только тем, что его можно собрать и растопить. Тая, он превращался в черную как сажа воду. Несколько раз процеживали ее через белый ситец, кипятили и использовали для приготовления еды, питья и купания. Возни с очисткой было много, но другой воды не было.

Первые жертвы среди мирного населения в нашем поселке были в конце ноября – начале декабря 1999 года. Люди не думали, что будут бомбить и обстреливать поселок, и поэтому спокойно жили. Открыли список погибших в своих домах татарка баба Аня и русский парень по имени Дмитрий. Перечислять всех не буду, но хочу остановиться на самой маленькой девочке, которую ранило 27 декабря, в один день с моим братом. Звали ее Балижа Насырханова, ей было 6 лет, осколки попали в голову. Раненую, несли ее на носилках до больницы. Она была в сознании, совсем не плакала, читала «Лакъаджаакум». Там прооперировали и отправили домой. Больных из-за бомбежек в больнице не оставляли. Недели через две у девочки разошлись швы. В город пройти возможности уже не было, и ее родственники решились на отчаянный шаг. В поселок время от времени заезжали российские солдаты, и вот мама девочки кинулась к ним.

Их командир подошел к Балиже и размотал тряпки, увидел торчащую черепную кость и сказал: «Она умрет. Завтра постараюсь отправить вас в Моздок на вертолете». Аминат, мама Балижи, не поверила, ведь солдаты были пьяные. Однако на следующее утро тот русский командир появился. Он посадил ее с Балижей в машину и повез к вертолету, остальных детей оставили у соседей. Вертолет доставил Балижу в военный госпиталь Владикавказа. Там рану обработали, а оперировать отправили в Назрань.

В республиканской больнице города Назрань каждый проведенный день что-нибудь, да стоил, бесплатных больниц в Ингушетии не было. Перевязку делали при условии, если купишь бинты. Укол – если был свой препарат. У Балижи не было черепной кости; десять сантиметров в длину, два в ширину. Живой мозг ребенка временно был прикрыт лоскутком ее собственной кожи, взятой с ноги девочки. Аминат продала свои золотые сережки и крохотные сережки Балижи, деньги срочно были нужны анестезиологу. На открытый участок мозга надо вставить специальную пластинку, но этого в Ингушетии не делали. В Ингушской республиканской больнице, где они пробыли с 14 февраля по 7 апреля, Аминат встретила с известной журналисткой Анной Политковской, которой рассказала о своих злоключениях. На следующий день передала конверт от имени Политковской с пятью тысячами рублей и 8 апреля 2000 года Аминат с Балижей отправили на грузовом самолете в Москву.

Там 14 апреля 2000 года после очередной операции она умерла...

От обстрела до обстрела стояла мертвая тишина. Артобстрел обычно начинался часам к трем – четырем дня и продолжался до утра. В остальное время могли бомбить самолеты. Единственная тихая ночь за эти несколько месяцев была новогодняя. Двадцать первый век мы встречали в мертвой тишине. Я вышла из подвала и впервые

Мирные граждане – односельчане автора, задержанные во время зачисток.

за долгое время посмотрела на звездное небо. Лишь красные трассирующие пули напоминали о войне. Стреляли бесшумно. Не особо разбираюсь в оружии, и поэтому не знаю, почему не было звука от выстрелов.

Иногда в моменты затишья в поселок наш заезжали БТРы с солдатами. Хотя в город официально войска еще не вошли, они громили пустые квартиры, искали места, где можно найти что-нибудь съестное и водку. Или отбирали у оставшихся жителей какие-нибудь ценности. Как-то они забрели и к нам. Мне почему-то везло на адекватных людей, повезло и здесь. Военные не стали нам угрожать и грабить. Они пришли обменять имеющиеся у них крупы на заварку, варенье и т.п. За банку клубничного варенья и две пачки заварки они нам дали почти по ведру риса и перловки. Для нас эти крупы были на вес золота в тот момент. А они радовались варенью, один сказал: «Сейчас сварим рисовую кашу и смешаем ее с вареньем, вот будет классно!» Я поняла, что простых солдат не очень-то кормят в своей армии.

В январе заканчивался священный месяц Рамадан, несмотря на обстановку мы готовились к празднику. Естественно, не было ни конфет, ни возможности спечь что-то сладенькое. Но было молоко, коровы наши доились, и немного сахара, и я сварила шербет. Сделала плов, в котором не было моркови. У нас получился, по тем меркам, богатый стол. Стали встречать гостей. И в такой ситуации человек находит повод для радости, для встречи с людьми, для общения. Не так много людей во время войны оставалось в нашем поселке – человек триста вместе с детьми и стариками. В тот день, на счастье, не бомбили, а до обстрела все уже разошлись по домам.

Так, в обычном режиме закончился январь. Февраль внес свои коррективы. Пятого февраля на поселок впервые сбросили три глубинные бомбы, а шестого уже официально зашли войска. Шли они с разных сторон поселка и, не сразу разобравшись, начали между собой перестрелку. Мы начали им кричать: не стреляйте, там же ваши. Но нам не поверили, позже, видимо разобравшись, стрельбу прекратили. Потом началась зачистка. Мама дома делала у печки лепешки, солдаты, забегая, просили: «Бабушка, дай пышку!». Дошло до того, что они со сковородки хватали почти сырое тесто и ели его. Из дома забрали моего старшего брата, сказали, для проверки документов, я пошла с ним. На окраине поселка выстроили всех мужчин в возрасте от 17 до 50 лет разных национальностей. Собирали паспорта, фотографировали стоявших в ряд наших сельчан. Я стояла в стороне и читала аяты. Смотрю, моего брата отпустили, потом отпустили Билала, который стоял за ним. Мы с братом пошли догонять солдата,

который куда-то понес его паспорт. Солдат удивился тому, что брата отпустили, отдал паспорт. Мы были уверены, что отпустят всех, но, увы... больше никого не отпустили. Двух человек с нашего поселка увели пешком солдаты с красными погонами в сторону Карпинского кургана. Потом мы узнали, что это осетинская 21-я бригада. Остальных, двадцать два человека, погрузили в кузов автомашины «Урал» и увезли в неизвестном направлении. Среди увезенных оказался и мой младший брат. Обо всем этом я узнала только вечером. На второй день в центре поселка собралось почти все взрослое население. Решили идти, искать наших селян. Вызвалось на поиски человек двадцать, в большинстве женщины. Я уже писала, что увезли людей разных национальностей: один был армянином, четверо русских, остальные чеченцы. Так вот, быть старшим нашей группы вызвался армянин Андрей Саакян, у которого забрали сына.

Со следующего дня наша группа начала искать увезенных мужчин. В Старопромысловском районе нашли комендатуру, они о наших пропавших ничего не знали. Десятого февраля появилась информация, что они в Горячеводском фильтрационном лагере. Одиннадцатого числа мы рано утром вышли на поиски этого лагеря. Шли через город по улице Маяковского, вокруг были вырыты окопы. Дошли до развалин бывшего консервного завода и там, на мосту, увидели желтый автобус. В этом автобусе семейная пара приехала в город, чтобы посмотреть, что осталось от их дома. Они остановили нас, обрадовавшись тому, что все-таки не одни в этом мертвом на вид городе. Вместе с нами подъехали к своему дому, дом был почти целым. Зайти в него, правда, хозяева не решились и повернули обратно, увозя нас из города. Довезли нас до поворота на Бердыкель. Оттуда мы опять пошли пешком. Сейчас можно из города до с. Толстой-Юрта и Горячеводска доехать за тридцать минут, мы же потратили восемь часов.

На подходе к фильтрационному лагерю нас останавливает часовая и говорит: «Зря вы сюда, женщины, идете, у нас только заключенные из Андреевской долины здесь!» Мы радостно закричали, что за ними и приехали. Постовой вызвал офицера, тот вышел и объявил нам, что андреевских уже увезли из лагеря. Но в этот момент за колючей проволокой показался конвойный, который вывел на улицу двух наших поселковых парней с лопатами. Не слушая того, что нам говорят, начали кричать: «Вот они, наши, и вы их никуда не увезли!» Поняв, что от лагерного начальства ничего не добьются, пошли к комендатуре с. Толстой-Юрта. В здание комендатуры всех не пустили. Зашел внутрь лишь один дед Андрей. В тот день, на удачу, приехала какая-то комиссия, ему удалось с ними поговорить. И выдав общую справку об освобождении, отпустили наших мужчин из лагеря. Время приближалось к комендантскому часу. Мы оставались в незнакомом селе, не знали, что делать. Тут к нам подошел местный житель и сказал, что мы можем остаться у него в доме. Нас, вместе с освобожденными, было человек сорок. Несмотря на это, хозяева смогли нас накормить. Дом у них был двухэтажный, на первом этаже – кухня и небольшая комната. В этой комнате разместили женщин, на втором был большой зал и маленькая спальня. Мужчинам постелили на полу, а сами хозяева с детьми заняли спаленку. В тот же вечер хозяин дома договорился с соседом, что он нас на своем автобусе довезет до города.

Утром тронулись в обратный путь. На первом же блокпосту мы обнаружили, что вместо одного нашего освобожденного написана фамилия какой-то незнакомой женщины. Объяснили все солдатам и нас отпустили. Так останавливали на каждом блокпосту, проверяли по списку освобожденных. И каждый раз приходилось объяснять все заново. Доехали до Грозного. Нас довезли до Ханкалы, дальше мы пошли пешком. В районе Минутки, на блокпосту, возле школы глухонемых, наши объяснения не слушали и забрали парня, которого не было в списке.

Надо сказать, что я все время читала аяты, и была уверена, что все закончится благополучно. Я побежала в комендатуру Октябрьского района, но коменданта на месте не оказалось – сказали, что он на ул. 8 Марта. Я, дед Андрей и еще одна женщина, сноха задержанного, побежали туда, остальные, обессиленные, еле тащились позади. Комендант находился внутри двора, где у ворот работники МЧС выдавали гуманитарный хлеб. Вы можете себе представить, какая толпа голодных и измученных людей стояла у этих ворот! Дед Андрей, чтобы пройти, начал показывать удостоверение ветерана войны, но никто не обращал внимания на него. Тогда я объяснила стоящим в очереди, для чего нам нужно пройти, толпа расступилась. У ворот стоял часовая, я сказала, что мы идем к коменданту. Он сказал, чтобы мы подождали и ушел. Вернувшись через несколько минут, он открыл ворота и пропустил меня к коменданту. Выслушав, комендант

взял справку, и в конце списка дописал фамилию задержанного и распоряжение об его освобождении. Продолжая читать про себя аяты, побежали втроем назад на Минутку. Наши уже подтянулись к ул. 8 Марта, устало сидели на обочине дороги.

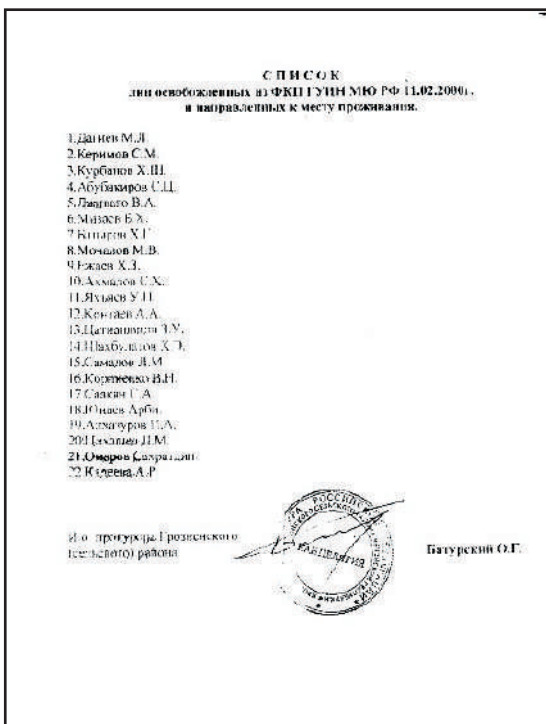
Взяв в руки справку с распоряжением коменданта, солдаты у школы, нехотя, немного еще задержав, выпустили нашего бедолагу. Шел третий час дня. Мы быстро побежали обратно. Все сидели на том же месте, ели хлеб, который им дали сотрудники МЧС. Я поняла, что до комендантского часа нам до дома не добраться. Недалеко стоял «Камаз» с логотипом МЧС, и у меня хватило наглости пойти попросить, чтобы нас подвезли. Я снова подошла к часовому, сказала, что мне срочно нужно что-то сказать коменданту. Он меня узнал и пропустил. Я подошла к коменданту, поблагодарила его за помощь и тут же попросила транспорт. Он сказал, что у него нет такой возможности, а потом обратился к человеку в форме МЧС: «Полковник, вы сейчас куда едете?» Тот ответил, что едет в комендатуру Заводского района, и может нас подвезти только туда. Я восхваляла про себя Аллаха, ведь нам всю дорогу везло. Вышла на улицу, вся наша «бригада» с надеждой смотрела на меня. Я, выждав паузу, произнесла: «Карета подана, господа!» – и показала на «Камаз». Все кинулись к машине. Водитель, совсем молоденький белобрысый мальчишка, выскочил из кабины: «Вы что делаете?!» – испуганно закричал он. Я ответила, что это распоряжение полковника.

Когда мы тронулись, все обратились ко мне, чтобы я прочитала «Доа». Я растерялась, поднесла руки к лицу и минуту не могла сосредоточиться и начать читать. Нас высадили возле комендатуры. Там стояли наши женщины с поселка, увидев нас, они начали плакать. Никто из них не думал, что мы сможем вернуть наших мужчин. Дальше домой пришлось идти пешком. От усталости почему-то болела спина, и чем ближе мы подходили к дому, тем больше становилось.

Вернув домой двадцать два человека, мы занялись поисками оставшихся двух, которых увели пешком. Но, увы, на этот раз все было трагичней.

На следующий день после возвращения из Толстой-Юрта наша группа отправилась по следам Ажиева Эдильсолта и Насырханова Сиддика. Отец Ажиева, Байсолт, видел, как солдаты повели их в сторону Карпинского кургана. Мы пошли в ту сторону. Впереди увидели множество солдатских палаток. Это был полевой госпиталь. Подошли к солдатам на посту, сказали, что нам нужен старший. Нас провели в большую палатку, где стояли длинный стол и по обе стороны такой же длины скамейки. Подошедший офицер назвался Александром Александровичем, сказал, что он военный хирург из Питера. Выслушав нас, он сказал, что «краснопогонники» – это, скорее всего, осетинская 21-я бригада внутренних войск, которая находится на самом верху Карпинского кургана. Он сказал, что сам туда поедет и предложил нам его подождать. Дед Андрей хотел поехать с ним, но Александр Александрович ответил, что его не пропустят. По распоряжению старшего, нам принесли какой-то сок в трехлитровых баллонах и хлеб, предложив перекусить до возвращения Сан Саныча. Примерно через час он вернулся с нулевым результатом. По его лицу мы поняли, что Ажиев и Насырханов там.

С этой же просьбой мы обратились к коменданту Заводского района. Он обещал разобраться. Ночью 16 февраля жители поселка Андреевская долина, живущие со

Список освобожденных из ФКП ГУИН МФ РФ 11.02.2000 г. и направленных к месту проживания.

стороны Карпинского кургана, слышали душераздирающие крики и почувствовали странный запах чего-то горящего. Но пойти на крики в комендантский час, да еще и в сторону российских войск, никто не решился.

Лишь только через месяц родственники пропавших смогли пройти в ту сторону. Их ожидала страшная находка... горстка обгоревших костей... Опознать, конечно, погибшего никто бы не смог. Но здесь же был найден уцелевший кусок от фуфайки с карманом. В кармане лежал пропитанный соляной кислотой паспорт Насырханова Сиддика.

Судьба Ажиева Эдильсолта неизвестна по сегодняшний день.

Весной 2002 года, в Москве, я сидела на лекции по Международному гуманитарному праву, где объясняли разницу между комбатантами и боевиками. На экране воспроизводились кадры из фильмов и фотоснимки. Лектор наш, комментируя очередной снимок, сказал: «А вот это фото боевиков!» Я от изумления лишилась дара речи. На снимке в вырытой экскаватором яме с человеческий рост сидели ребята с моего поселка. Их забрали из своих домов для проверки документов российские военнослужащие 6 февраля 2000 года. После небольшой заминки я вскочила и сказала, что это вообще-то мирные жители. И рассказала все, что знала об этом. Мне на дискетку скинули эту фотографию.

Дома я показала снимок брату. Он узнал эту яму. И вот, что рассказал: «Это было в тот день, когда нас собрали для проверки паспортов. С паспортами у всех был полный порядок, но, несмотря на это, нас погрузили в кузов автомобиля «Урал» и увезли на Карпинский курган. Там нас столкнули в вырытую экскаватором яму. Рядом стоял бульдозер. В те дни стояли небывалые морозы. Никто из нас не был одет для долгого путешествия, все вышли наспех, накинув на себя, кто пальто, а кто куртку или фуфайку. Пьяные солдаты сверху кидали в нас камни, кричали, нецензурно выражаясь. Из двадцати двух человек – восемнадцать были чеченцы, трое русских и один армянин. Все молчали, никто не хотел выделяться из общей массы. Но когда солдат пошел к бульдозеру, сказав, что сейчас всех зароем живьем, не выдержал Владимир Живаго. Он начал кричать: «Ребята, я же свой, русский, зачем вы так?!» Услышав это, солдаты подбежали к яме: «Кто тут русский?» Отозвался опять только он. Схватив за ворот пальто, его выдернули из ямы. Живаго был, кажется, старше всех. Ему было за пятьдесят лет. Молодые, подвыпившие солдаты, попинав ногами, приказали ему раздеться. Его трясло от холода и страха. С трудом снял одежду, на его шее увидели крест: «Ах ты, гад, еще и крест носишь!» Его опять начали бить, натравливая собаку. Он свалился в яму, собака прыгнула за ним. Удивительно, но собака нас не кусала, она пробиралась к нему. В это время подошел офицер и приказал прекратить издевательства. Он начал разговаривать с нами, сказал, что сам из Барнаула, что у него там есть друзья чеченцы. После его ухода Цатиашвили Тимур, смешно сложив руки и соорудив гримасу, попросил: «Ребята, дайте перед смертью закурить!» Солдаты, посмеявшись, дали ему пачку «Примы». В течение ночи пьяные военнослужащие неоднократно заводили бульдозер, но выручал нас барнаульский офицер. На следующий день нас погрузили в автозак и повезли на Ханкалу. Из-за сильных морозов контрактникам на Ханкале лень было с нами возиться. Продержав в ледяной машине почти сутки, повезли в Горячеводский лагерь. Там в течение пяти дней периодически допрашивали. По возвращению домой не все смогли жить, как прежде. Миша Мачалов так после лагеря и не оправился, умер. Живаго уехал лечиться в Питер, но так и не вернулся. Сергей Саакян спился и умер.

Кстати, там, в лагере, были врачи и медсестры городской больницы. Их туда привезли за то, что они, не переставая, работали во время военных действий в Грозном». Брат их узнал, потому что за месяц до этого, во время бомбежки, был ранен и вместе с соседской девочкой попал в ту больницу. Когда зашли российские войска, часть медперсонала была уничтожена, часть попала в лагерь.

«Двух медсестер обещали выпустить, но что с ними дальше произошло, не знаю. Остальных увезли в автозак. Знаю точно, что одного из врачей, который оказался нашим дальним родственником, так и не нашли по сей день.

Если бы нас тогда не смогли вызволить, мы, скорее всего, тоже пополнили бы списки без вести пропавших».

Исмаил Мунаев

Сказитель-илланча

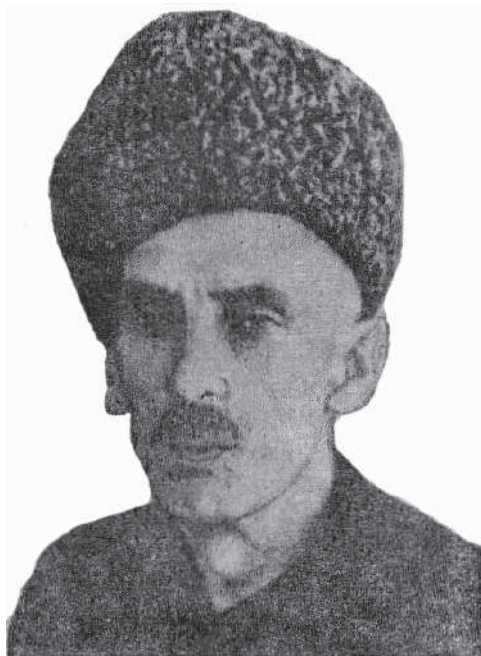
Известный народный сказитель-илланча Магомед Гакашев родился в горном селении Мускали (ныне Шатойский район Чеченской Республики) в 1903 году, в семье крестьянина. Там он проживал вместе с родителями вплоть до депортации чеченского народа 23 февраля 1944 года. В довоенные годы он освоил грамоту и работал в милиции. Уже находясь в Казахстане, он создал семью, работал в колхозе. После возвращения на родину в 1957 году поселился с семьей в пригороде Грозного, поселке Черноречье (Буглан-Юрт), и работал в системе связи. Умер в 1975 году.

К сожалению, мне не посчастливилось лично познакомиться с Магомедом Гакашевым. По воспоминаниям Хасмагомеда Цугаева и Ахмада Тимуркаева, он был очень интересным собеседником, любознательным и наблюдательным. Семейной традиции исполнения илли у Гакашевых не было. Отец Магомеда, Гакиш, с иронией относился к увлечению сына, но не препятствовал ему. Магомед Гакашев вспоминал об этом, когда обращался уже к своему сыну со словами: «И меня не отец учил исполнять илли, если есть сильное желание и призвание, то сам научись». Сын сказителя – Мухади, 1934 года рождения, продолжил отцовскую традицию исполнения илли. Он работал шофером на станции скорой помощи. Хорошо помнил весь репертуар отца. Вместе с другим известным сказителем-илланчой, Ахмедом Тимуркаевым, они помогли Мухади воссоздать некоторые черты творческой личности Магомеда Гакашева.

Магомед с самого раннего возраста полюбил героические илли. Он, будучи подростком, отправлялся в соседние села, чтобы послушать нового сказителя-илланчу, который приехал погостить. По словам А. Тимуркаева, Магомед обладал уникальной памятью и музыкальным слухом. Услышав илли, он тотчас же мог воспроизвести героическое сказание, сохраняя манеру исполнения и воссоздавая народные поэтические образы героев илли, с полной уверенностью в подлинности описываемых в героической песне событий.

Часть своего репертуара, насчитывающего около семидесяти сюжетов илли, Магомед Гакашев перенял от иллианчи из Котар-Юрта Асхаба, сына Элберда (Элбердан Асхаб). Сказитель Ахмед Тимуркаев вспоминал приезд Асхаба в Шатой, которого там хорошо знали и специально пригласили, чтобы послушать в его исполнении героические илли. Магомед Гакашев, также исполнявший илли, уступал в этом искусстве Асхабу. У последнего был очень высокий и приятный голос, с которым было трудно соревноваться. По словам самого Асхаба, исполнение героических илли было их семейной традицией и он продолжал дело отцов. Его песенный репертуар также был немногим богаче. Несмотря на разницу в возрасте, у молодого Магомеда Гакашева с Асхабом завязалась дружба. И с тех пор Магомед часто имел возможность слушать своего друга и учиться у него.

Другим сказителем-илланчой, который оказал влияние на Магомеда Гакашева, был Амхад, сын Мусы (Мусин Амхад) из Дачу-Борзоя. У него также был богатый репертуар героических песен-илли, большую часть которых Магомед Гакашев усвоил. Ахмед Тимуркаев вспоминал, что Амхад из Дачу-Борзоя любил петь старинные героические илли (шира илли), сопровождая их игрой на дечигпондуре. Среди них были илли «О князе Монце», «О князе Мусосте» и ряд других, которые перенял Магомед Гакашев.

Сын Гакашева, Мухади, вспоминал, что отец особо выделял илли «Об Умар-Али», исполнение которого продолжалось несколько часов. Он вспоминал и другие илли из репертуара Магомеда: «О князе Хаси», «Об Астемире из Шатоя», «Об Ахмеде из Автуров», «О старом Даде», «Об Иммарзе, сыне Махмы». Мухади исполнял их с музыкальным сопровождением на дечигпондуре («илли ала») или пересказал речитативом («илли дагарда»).

Отметим, что Магомед Гакашев с 1957 года и до последних дней своей жизни, плодотворно сотрудничал с учеными, помогая им собирать фольклор. За это время он записал более сорока героических илли, сдал их в Архив Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, который военные сожгли в январе 1995 года.

В качестве примера илли из репертуара Магомеда Гакашева приведем новеллистического характера песню «Лейчана илли», которую он записал у своего знаменитого учителя – илланчи Асхаба, сына Элберда из Котар-Юрта. Содержание песни имеет ярко выраженный назидательный и воспитательный характер. Илли пробуждает у слушателей интерес к живой природе, бережное к ней отношение. Отношения между соколихой и ее птенцами, для которых она является кормилицей и матерью, проецируются на отношения между людьми, между матерью и ее детьми. У слушателей илли создаются устойчивые представления о тесной взаимосвязанности окружающей природы и человеческого сообщества, которое также организовано (к соколу, который находится в клетке и поет грустные песни, прилетает царь птиц и успокаивает пленника) и требует к себе бережного отношения.

От редакции:

С каждым годом все меньше остается в нашей республике народных сказителей, исполнителей старинных чеченских песен-илли, баллад и преданий. А вместе с ними теряются последние крупницы духовных сокровищ чеченского народа. Тем более неоценимый вклад в его культуру оказывают те редкие энтузиасты – исследователи-фольклористы – по розыску и сбору информации, поиску сказителей и тех, кто еще помнит о таких людях, хранит память о духовном наследии. Очень важно в наш век компьютерных технологий, Интернета не позволить прерваться этой тоненькой связующей нити между прошлым, настоящим и будущими поколениями. Приглашаем всех заинтересованных читателей нашего журнала принять участие в сборе материалов о фольклорном наследии чеченцев, а также в подготовке статей об известных земляках – сказителях народных песен и преданий.

Гакашев Мохьмад

Лейчана илли

*(Илланчан орфографи а ларъеш
дIаяздина ду)*

Морхашкахъ бен беча
Iаържача лечано
Шена бен ба хъех
Мокхузур цу бердах,
Цу берда хъехнаршлахъ
Хъех белгал яккхир цо.
Ша белгал еккхича
Цу берда ва хъеха
Бен бира ва боха
Iаържача лечано,
Ша бинчу цу бенахъ
Ши кIорни еккхир цо.
Мокхузар цу бердах
Цу берда ва хъеха
Шей кIорнеш кхиа я
Кхион ара делир и

Цу берда хъехара.
Аренга ва дуьйлуш,
Аренгахъа бIаър бетташ,
Хеттаршка оьхуш,
Ижу кхехъа делир и
Цу хъеха бена.
Цу бена яккхинча
Кегоча кIорнешна
Шен кога мIаьрашца
Еана ижу
Шен мели зIакаршца
КIорнешна яош,
Шен жима ши кIорни
Кхио йолир цо.
Лейчана ши кIорни
Пхъелагах, месех
Толучу заманчохъ
Талла ара велир, бах,
Хъаннашка-бердашка
И толла иччархо.
Саглолла ва хаха

Коранги ва долаш,
 Лаьтг'ола ва хека
 Эранчи ва долаш,
 Талла ара ша велча,
 Блаьрг бетта велир и
 Масараш ежуча
 Мокхазар цу бердашка,
 Ц'оьк'а-лом декача
 Цу берда хьехнаршка.
 Блаьрг бетта ва ваьлчи
 И хьуьна иччархо,
 Лакха бердах яллача
 Цу берда хьехара
 Арадолуш ма дара
 Там лаьржа ва леча.
 Ойла ян ма велир
 И толла иччархо,
 Лацалур дацар техь
 Там лаьржа и леча,
 Делах дуй биир цо,
 Дена лесна и дахьа.
 Ваха ойла, йира цо,
 Лечана цу бена,
 Сиглаг'ола ва лела
 Олхазар ва доцарг,
 Адам, аькха г'ор дацар
 Лейчана ва бена,
 Ша вуха ма велар
 И толла иччархо.
 И доьда ва аг'у
 Ша лорья велир из,
 Цунна доьдаш дайра и
 Аренца гулдинча
 Цу ялти хьеттара,
 Таксха ойла йира цо
 Цигара лаьцна и дахьа,
 Реч'ана гур боьг'на,
 Ша ваьлла вахар и
 Хаттара майдана
 Чилхьеса ва т'ергех
 Цо реч'а ва йира,
 И реч'а юьг'ир цо
 Хьаттара майдана,
 Реч'ано ма лецир
 Там лаьржа ва леча.
 Иччархочо дихьира
 Йоккхачу шахьарчу,
 Исс эзар ц'и йога
 И горга шахьар
 Шен куьйга кхобаш
 Цхьа эла хиллера
 Цу юьртахь вехаш.
 Иччархо ва вахар
 И эла ва волча:
 – Ладуг'аш хилалахь
 Ва мехка ва эла,
 Мехкара ва элий
 Хьо волча х'усаме
 Сакьера гулбелча,
 Г'али кора ва дег'аш

Товш хир ду ва хьона
 Там лаьржа ва леча. –
 Цун дагна там хилир
 И шена делчи,
 Там лержа ва леча
 Цо шена ва делча,
 Деза сов'ат ва делла
 Воккхавеш вахейтир
 И хьуьна иччархо.
 Цу г'але ва коре
 Ришотка ва йина,
 Дахаир боха цо
 Там лаьржа ва леча,
 Кузганах юггича
 Цу г'али ва коре,
 Олхазари ва даар
 Цунна а делир баха цо,
 Даа-мала х'оттир цо,
 Лержача лейчанна
 Хаза охьахаир цо и
 Цу г'али ва коре.
 Г'ийла суьйре т'иенар
 Лаьржача лейчанна,
 Суьйре т'и ва йог'аш
 Дека доладер из,
 Хазача эшарца,
 Г'елача мокьамца,
 Дууш-молаш ва доцаш,
 Ша дека делар из,
 Суьйре т'и ва йог'аш,
 Суьйренца декар и,
 Луьйрей т'и ва йог'аш,
 Луьйренца декар из,
 Малх г'улчей ва болаш
 Делкьана декар из.
 Цуна хазчу декаре
 Ладег'а делир бах,
 Цу юртахь ва дола
 И долла ва адам.
 Хазачу аьшарца
 И дека ва делир.
 Луьйранна, делкьанна,
 Цу дела суьйранна
 Мехкар ва элий
 Цига иха ма бевлир,
 Цуна хазчу декаре
 Ладег'а боьвлир иш,
 Цунна хаза декара
 Адам хьере ма дара.
 Цуна г'ийла декара,
 Адме ойла ма яйтир.
 Суьйренаш т'енхир,
 Луьйренаш д'аихир,
 Иштта г'ийла и декаш
 Ха-зама д'аелир,
 Дуаче-молоче,
 Д'а хьожаш дацар из,
 Дуачах шен зорха,
 Ц'аь бузош дацар и,
 Молча хих кьурд бина

Кийра цо ца шелбер,
 Цу дена дохалла
 Кхаа рожехь декар из,
 Ша тлаккха лен велар
 Царлахь жима цхьа эла:
 – Ладуглуш хилал шу,
 Ва баккхи ва элий,
 Кхуна хазчу декаре
 Вай сема ладогла,
 Мел гайглане декакха
 Том ларжа ва леча,
 Олхазаран ва даар
 Ва даа дар кхунна,
 Шей кийра ца шелбан
 Мала хи дар кхунна.
 Дуаче-молаче
 Дахьожаш ма дац и,
 Мацбелла шен кийра
 Дуачех ца бузош,
 Шелча хих кьурд бина
 Шен кийра ца шелбеш,
 Мел гийла декар ду
 Ларжача лечанна.
 Олхазара ва маттахь
 Цхьа бала буй-техьа
 Ларжача лечано
 Сел гийла белхош берг?
 Дала мел кхоьлланчу
 Доллача олхазара
 Мотт хууш шейх ву бах,
 Йоккхачу шахьарчохь
 Лечане хаттар дан
 И вало веза вай, –
 Бохаш, дагабовлар
 И мехка ва элий.
 И вало ва дагахь
 Иш даго ва бовлуш,
 Стиглар охьа ва дера
 Цхьа хаза олхазар,
 Там хьавзош хиир из
 Цу гале ва коре,
 Цу шиммо долиира
 Вовшашца кьамелаш.
 Кьамел дла хедара
 Олхазар дладахар.
 Декучар сецир, бах,
 Там лержа ва леча,
 Гайглане хилир, бах,
 И мехка ва эла,
 Цу теми олхазаро
 Диснарг хлун ду ца хууш.
 Таккха валир ма боха
 Юртара воккха шайх
 Веана кхечир и
 Цу эла хлусаме:
 – Ахь хлун боха ва шега
 Ва мехка ва эла?
 Хьо кхайкха ва аьлла
 Хьо волча веана ша,
 Хьо хлунда ва кхойкха

Дийцахьа ва шега? –
 Бохаш, лен ма велир
 Юртара воккха шайх,
 Ша таккха лен велир
 И мехка ва эла:
 – Ладуглуш хилалахь,
 Юртара воккха шайх,
 Йист мехкарча элишна
 Лахорах ца каро
 Том лержа яр леча
 Деара ва шена,
 Гали коре догла
 Акхари толлачо.
 Олхазари ва даар даа
 Хлоттир ша цунна,
 Хьогалена ва мала
 Шийла хи хлоттира,
 Кху гале ва коре
 Ша охьа хаир из,
 Воккха веш вара ша
 лержача лечанах,
 Сакьералуш вара ша
 Цуна хаза декарах,
 Дуачей-молачей
 Да хьожаш доцаш,
 Цуна гийла декарна
 Гайглане вара ша.
 Шеца шуна лаш бара
 Йист мехкар яр элий
 Лейчаней хаттар да
 Хьо вало дага бовлуш,
 Шеш иштта лаш болаш,
 Сиглола хьавзана
 Кхунна те ва деара
 Сиглона бос болаш
 Цхьа хаза олхазар.
 Там тохна хьавзана
 Кху корей деар и
 Цу шиммо кьамелаш
 Вовшашца ма дира,
 Кьамел йистах делара,
 Олхазар дладахара,
 Декучара сецира,
 Том лержа ва леча,
 Цуьна хаза декарна
 Адам хьере хилар,
 Дуаш-молаш ва доцаш
 Цуьна гийла декарна
 Гайглане вара ша.
 Юртара воккха шайх,
 Цунах лоце хаттараш
 Лейчане ахь дехьа,
 Цо хьайга дийцинарг
 Ахь шейга дийцахьа, –
 Бохаш, лен ма велар
 И мехка ва эла.
 Олхазари ва моттахь
 Цо кьамел долиира:
 – Ладуглаш хилалахь,
 Там ларжа леча,

Дала мел кхоьллинча
 Са долча хIумана
 Мотт хаар шена
 Вай Дала ма делла,
 Хъайгара ва бала
 Ахь шега бейцахъа
 Ца дуаш, ца молаш
 Хьо бале ду боха,
 Сиглар ахь хьона
 Ти олхазар деа боха,
 Шушинна къамелаш
 Вовшашка хили бах,
 Къамел дIа ва даьлла
 Олхазар дIадахчи
 Декарах духделла
 Хьо сеци ма боха,
 Белхабехъа ахь шега
 Хъайгара ва бала, –
 Бохаш, лен ма велар
 Юьртара воккха шайх,
 Ша тIаккха ле делир
 TIам Iержа леча:
 – ЛадугIаш хилалахь
 Юьртара воккха шайх,
 Шегара ва бала
 Ша белхор бу хьобга,
 Масараш ежуча
 Мокхазар цу бердах,
 ЦIокъалом декача
 Цу берда ва хьеха
 Шена бен бира ша,
 Юртара воккха шайх,
 Ша бинчу цу бена
 Ши кIорни еккхир ша,
 КIорнешна ижонна
 Ша ара ма делар,
 Цу ялти хъаьтгаршка
 Ижонна додар ша,
 Цу цIенча меттейра
 Царна ижу хьора ша,
 Пелага, месеха
 Ши кIорни хазьелчи
 Цу шинна марзонах,
 Ша дулача ва хенахь,
 Тешнабехк ва бина,
 Ша лаьцна ма дели
 Яр эли вехача
 Кху элан хIусаме
 Даа даар дар шена,
 Мала малар дар шена,
 Даа-мала ца оьшуш
 ГIали коре дара ша,
 Суьйранна кIорнешна
 Ижу хьош дара ша,
 И Дела Iуьйранна
 Царна ижу хьора ша,
 ДIаиха ма юьлар
 И шийла Iуьйренаш,
 Делкъана хьора ша,
 КIорнешна ижу,

ДIатила ма юьлар
 Делкъана еза хан,
 Цу шинна ша ижу
 TIекхехьу зама
 Шена тIекхешчи
 Делха дог догIар шен,
 Даа даар доцаш
 Мацалла дели техь?
 Мала хи доцаш
 Хьогалла дели техь?
 Далаза дисина
 Дуьненчухь дуй техъа?
 Я делла дIадаьлла
 Эхарта дуй техъа?
 Мацалла мацделла,
 Шелонна шелделла,
 Бали кIел даха техь
 Шен жима ши кIорни?
 Бохаш елха йора ша
 Шен жима ши кIорни,
 Суьйре тIи йогIаш,
 Суьйренна делхуш,
 Iуьйре тIи ва йогIаш,
 Iуьйренна делхуш.
 Шен делхар дахделча,
 Деара шана тIе
 Сиглана бесара
 Цхъа сийна олхазар,
 Цо шега элир-кха,
 Юьртара воккха шейх,
 Дала мел кхоьллинча
 Массо а олхазара мотт хууш,
 Ша эла ду бохар,
 Дала ша хIоттина,
 Яр дуней бала боцаш
 Цхъанней а ца делла,
 Дунена яр бала
 Ма белхабе аьлла,
 Дехаре деьна ша,
 Дехара ло шена,
 Массо а олхазарийн
 Ша эла ма дара,
 Олхазарех хIу цIена
 Хьо леча ма дара,
 Элла дехар цо дича,
 Ша цунна ма дели
 Ца делха – ца дека
 ЧIагIо яш дехар,
 Ша деллачу цу дашах
 Тешна дIадахар из.
 Сагатлуш сахьийзаш
 Са дала долла ше,
 Дааза дуьзна ша,
 Малаза Iебна ша
 Мокхазар цу бердах
 Ши кIорни дисна ше
 Хилларг хIун ду ца хууш
 ГIайгIане ма ду ша, –
 Бохаш, лен ма дийлир
 И тIам Iаьржа ва леча,

Ша тлаккха лен велир
 Юьртара воккха шайх:
 – Ладуглуш хилахъа
 Ва мехка эла,
 Лейчано бохаш дерг
 Ша дийцар ду хьона,
 Мокхазар цу бердах
 Цу берда ва хъеха
 Бенара ялаза
 Ши кlorни ва йиссуш,
 Ша лъацна ма дали,
 Хиллариг хlун ду ца хууш,
 Далина хаадир ша
 Кху гlали коре.
 Даа даар дар шена,
 Мала хи дар шена,
 Даа-мала доцуш,
 Бенар ялал йоцаш,
 Ши кlorни яра шен
 Мокхазар бердах.
 Шен жима ши кlorни
 Шена дагаеача
 Дааза дузар ша,
 Малаза лейбар ша
 Ша царна ижу
 Текхейху зама
 Шена тle ва кхенчи,
 Делха дог доглар шен,
 Тлаккха догахъ делхар
 Ша дог духу ца дерзуш.
 Шен делхар дахделча
 Олхазар деара сиглар шена,
 Ма делха аьлла,
 Цо дехар дир шега,
 Ца делха жоп делла
 Ша духа дирзи.
 Из лечано ма боха,
 Ва мехка эла,
 Дог лаза ва долаш
 Къахийти шена-ма
 lаьржачу лейчанах,
 Ва мехка эла,
 Ахъ хецей дитахъа
 Там lаьржа леча,
 Ша дехар до хьобга,
 Ва мехка эла, –
 Бохаш, лен ма велар
 Юьртара воккха шейх.
 Дейхарна жоп делла,
 Цо хесна дитир и,
 Дадахар боха и,
 Цу пана ва мехка,
 Мокхазар бердашка,
 Цу берди хъехнаршка,

Цу хъеха ва бена
 Ши кlorни йитанча
 Длакхейчир ма боха
 Там lаьржа ва леча.
 Цунна дийна ма карир
 Ше жима ши кlorни,
 Кхолланча вай Дала
 Иш вовшах ма туьйхир,
 Мерзача безамца
 Цара буйса ма еккхар,
 Ца дезаш ца дола
 Наней, бер вовших,
 Иштта хала ду кlентий
 Шен сиха даьлларг,
 Цхъа лечи ма декир
 Цу токхи бердашка,
 Шена ма моттара
 Мацалла и дека,
 И декаш хиллера
 Токхам текхна бен боьхна.
 Сел хала ду кlентий
 Шен цlийнах ва воха.
 Цхъа кхокха ма бекара
 Цу хуьна баххъашкахъ, –
 Шейна ма моттара
 Мацалла и бека,
 И бекуш хиллера
 Кхокхиха хедана, –
 Сел хала ду шуна
 Накьостех ва хадар.
 Цхъа гила борз угlир
 Лохарча регlашкахъ,
 Шена ма моттара
 Мацалла угlа,
 И угlуш хиллера
 Ардангах хедда, –
 Сел хала ду шуна
 Ваярха ва хадар,
 Цхъа гила ма терсир
 Лакхарча ва лома,
 Шена ма моттара
 Мацалла и терса,
 И терсаш хиллера
 Ремеха хедана, –
 Сел хала ду шуна
 Ше деха ва хадар,
 Цхъа хьоза ма кхайкхир
 Цу аьрсни басешка,
 Шена ма моттара
 Мацалла и дека,
 И декаш хиллера
 Куьйрано бен бехъна, –
 Иштта хала ду шуна
 Наней, бер ва кьастар.

Абдулла Гапаев**...И родился театр**

В конце прошлого года в Чеченском драматическом театре прошли юбилейные торжества, посвященные его 80-летию. Одно дело праздничные доклады, поздравления и сопутствующие им материалы, другое – сама история. Они часто не совпадают в оценках. Попробуем бегло пройти по извилистым тропам истории.

Историю Чеченского драматического театра условно можно разделить на три этапа. Первый этап – конец XIX и первая треть XX века. Это период зарождения и развития народного самодеятельного театра. Примерно 50 лет времени характеризуется возникновением кружков драматического искусства, количественный рост которых неизбежно переходит в новое качество. Второй этап – 1931–1944 годы – 10-летие создания и становления профессионального театра. Он характеризуется интенсивным обучением людей ремеслу. Третий этап начинается с 1957 года. Его основная задача – повышение художественного уровня и обретение собственного творческого лица. В коллектив приходят молодые специалисты с высшим образованием, происходит постепенный переход труппы от театра представления к театру переживания. Театр преодолевает сценические штампы, что значительно повышает силу его эмоционального воздействия на зрителя, коллектив ведет успешную борьбу со стереотипами образа чеченца в российской литературе, историографии, этнографии и идеологии. Борьба идет тяжело, и не всегда осмысленно, герои некоторых драматургических произведений («Бешто», «Борьба») и спектаклей отдельных режиссеров (Багукаева, Солцаева) все еще «рвут страсти». Удивительное дело, даже самим кавказцам трудно отойти от московских стереотипов их восприятия, настолько они ввелись в сознание, в том числе и чеченцев!

Официальным днем рождения профессионального чеченского театра считается 1 мая 1931 года, когда, выполняя постановление Правительства Чеченской автономной области, в Грозном открыли драматическую студию национального театра. В студии обучалось 45 человек, из них 9 женщин. Еще в 1928 году на областных курсах, организованных для подготовки низовых работников управленческого аппарата из коренного народа, появился большой любитель сцены Магомед Яндаров¹, который организовал из малограмотных курсантов драматический кружок. В помещении курсов он устроил примитивную сцену и, просяживая ночами, репетировал со своими артистами-любителями и два раза в месяц давал спектакли для публики. Затем Яндаров сам написал пьесу «Макажоевский имам» и поставил ее со своим кружком во дворе чеченских курсов. В начинании Яндарова горячее участие приняли педагоги Умар Гойтемиров и Хасан Магомаев², а из русских – Шеленков (Шеликов?) и Н.Ф. Мосиенко.

Днем студийцы учились, а вечерами, как прежде в кружках, давали спектакли для публики – вот почему день открытия студии считается днем создания театра. Костяк студии составлял самодеятельный драматический кружок Яндарова, у которого был обкатанный репертуар спектаклей. Среди подобных кружков он значительно отличался сценическим опытом, добротностью спектаклей, органичностью самодеятельных актеров, пользовался наибольшей популярностью, о его успехах писала местная пресса. В нем играли талантливые молодые ребята Мовжди Бадуев, Осман Горчханов, Яраги Зубайраев, Камал Ильясов, Тапа Исаев, Исмаил Ибрагимов, Асет Исаева, Асет Ташухаджиева, Халимат Мустапаева, Хава Хакишева, Тамара Алиева. Они же первыми получают почетные звания заслуженных артистов ЧИАССР.

К тому же с кружком сотрудничал основоположник чеченской драматургии С. Бадуев, талантливые скетчи и одноактные пьесы которого составили основу его репертуара.

В студию пришли участники разных драматических кружков, но есть сведения, что ее основу составили питомцы Яндарова³. Студийцами стали учащиеся совпартшколы Асет Ташухаджиева, Исмаил Ибрагимов, Тута Алхазов, Тапа Исаева, Шамсуддин Кагерманов, Асиха Эскерханов, Абубакар Панчуев, Абухаджи Туликов, Салауддин Мишиев, Салман Мальсагов, русские девушки Вера Ткачева (потом она выйдет замуж за Абубакара Панчуева), Александра Ковтун (позже станет Ибрагимовой). Пришли неграмотные

Гилани Тукаев и бывший землекоп Халим Мусаев и другие молодые люди. Студийцам выделили небольшую, но зарплату, пригласили театральных педагогов для обучения актерскому мастерству, сценическому движению, сценической речи и музыкальной грамоте. Выпуск состоялся в 1933 году. По данным журнала «Революция и горец», из 45-ти студентов окончили студию только 16 человек⁴. Они и остались верны театру до конца.

Первым директором театра и студии, естественно, стал Магомед Яндаров, а первым художественным руководителем – Владимир Шатов⁵. Сегодня мало кто знает, что у истоков организации студии и открытия театра стоял наш знаменитый соотечественник, профессор политологии Абдурахман Авторханов. И есть сведения, что в 1933 году он даже возглавлял Чеченский театр.

Чеченский драматический театр прошел весь путь, который прошли театры всех народов. Он тоже возник не на пустом месте, его корни уходят в глубину веков, в народные обряды и игры. Искусство пластического изображения чувств и мыслей присуще было и чеченскому народу. Элементы театра у чеченцев существовали задолго до проникновения на Кавказ ислама, не говоря уже о периоде его колонизации Россией. Об этом свидетельствуют древние обычаи, какие и ныне встречаются в свадебных, похоронных и других обрядах.

Но еще в конце XIX века первые представители национальной интеллигенции пытались, по примеру своих русских сотоварищей, создать любительские театральные коллективы. Одними из них были братья Шериповы, адвокат Денилбек и отставной офицер царской армии Назарбек⁶, старшие братья революционера Асланбека Шерипова. Они собрали любительский драматический кружок. «Артистами» были чеченские ребята, учащиеся гимназий и разных училищ Грозного – Магомед Яндаров, Халид Ошаев, Иса Эльдарханов, Денилбек Шерипов, В. Арсамирзоева, Х. Бейбулатов, Л. Курумова и несколько человек учителей. На это начинание газеты того времени отзывались теплыми сообщениями. Самодеятельные артисты вначале ставили скетчи, разыгрывали бытовые сцены из жизни чеченского народа, играли в живых картинках юмористические рассказы и произведения устного народного творчества.

В Чечне всего три светские школы. В таких условиях первоочередной задачей советских органов власти была ликвидация элементарной неграмотности, восстановление хозяйства, решение земельного вопроса. Поэтому культура и искусство на время выпадают из поля зрения новой власти. Однако зачатки чеченского театра, находящегося в этот период всецело под влиянием русской культуры, возникают в виде кружков с участием старой интеллигенции – национальной и русской. Кружки с большим успехом выступали не только в городах, но и в районах Чечни. Отсутствие письменности на родном языке, а потому и национального репертуара, не могло не сказаться на дальнейшей работе кружков, и с конца 1921 по 1925 год – период становления национальной письменности – наблюдался пробел в работе драмкружков.

Время работы этих кружков художественной самодеятельности можно назвать полосой «культуртрегерства», когда не было четкой идейно-политической и классовой линии в искусстве, которая появится позже, и широкая масса трудящихся оставалась в стороне от революции в большевистском ее понимании.

Период с 1925 по 1928 годы является периодом зарождения подлинно национальной чеченской драматургии и самодеятельного театра. В 1923 году в Ингушетии появилась письменность на основе латинской графики. В Чечне в это время пытаются приспособить к чеченскому языку арабскую графику, на ней издается газета, другая литература. Арабское письмо так и не прижилось, потому в 1925 году чеченцы тоже переходят на латиницу. Вот тогда и появляется пьеса Исы Эльдарханова «Шейх Мохсум», остроумная комедия о простых и находчивых людях, чья жизнь протекала в бедности, но без уныния. Незатейливый сюжет, искрометный юмор, сочный язык привлекли самодеятельных артистов, многие кружки того времени часто обращались к ней. Эльдарханов написал и вторую пьесу – «Закон отцов», направленную, как того требовало время, против адатов и старины, вскрывающую классовое лицо мулл и кулаков как эксплуататоров, помогающую в борьбе за социалистическое строительство. К тому времени развернулась сеть начальных школ, школ политического просвещения, организовываются рабфаки, техникумы и вузы. В Чеченской области вырастают новые культурные силы. Уже не единицы, а десятки драматических кружков своей работой, хотя и примитивной, но изо

дня в день вносили новую струю в отсталую массу народа.

В клубе «Пролетбат» организовались чеченский и русский драматические коллективы под общим руководством Василия Павловича Шанина. Чеченской группой руководил Биалал Саидов, активное участие в ней принимали учащиеся горнопромышленного училища № 1 Шахид Тазуев, Мовсар Кусаев, Султан Самбиев, Хасмагомед Межидов, Дауд Хамутаев, Юсуп Юсупов, Махамкул Юсупов, Эти Этиев, Шиса Карнаев и другие. В марте 1929 года их силами был поставлен спектакль «Закон отцов» по драме Саида Бадуюва, разоблачавшей бесчеловечность кровной мести.

На стыке двух веков – XIX и XX – на Северном Кавказе сложились два своеобразных центра: Владикавказ – культурный центр и Грозный – центр промышленный. Владикавказ долгое время был столицей Терской области. Здесь концентрировались всевозможные управленческие, военные и торговые учреждения, учебные заведения, действовал русский профессиональный театр. Ингуши, надо отдать им должное, оказавшись ближе к этому городу, активнее приобщались к образованию и русской культуре. Чеченцы оказались в этом отношении в значительно худшем положении. В Грозном не было того культурного уровня, каким мог похвастаться Владикавказ. Сами чеченцы были сильнее отчуждены от светского образования. В силу исторически сложившихся отношений с Россией, векового военного противостояния с ней, чеченцы относились с большим недоверием ко всему, что шло из России. Прибавьте сильное влияние ислама, пришедшего в Чечню значительно раньше, чем в Ингушетию. Тем стремительнее движение чеченцев к культуре с приходом советской власти, они шагают на этом пути, кажется, быстрее братьев ингушей.

К началу 30-х годов XX века возникла необходимость подвести первые итоги развития самодеятельного искусства народов Северного Кавказа. И в 1931 году в городе Ростове-на-Дону созывается I Северокавказская олимпиада искусств горских народов. На ней Чечня заняла второе место, получила Почетную грамоту и памятный приз.

После Олимпиады в Ростове руководство Чеченской актерской студии было укреплено профессиональными кадрами. Художественным руководителем был приглашен режиссер Александр Александрович Туганов, бывший артист театра Корша в Москве, имевший уже большой опыт работы в национальных театрах Грузии, Азербайджана. Туганов вызвал одного из своих учеников – молодого режиссера Мамеда Алили. Он к тому времени окончил Бакинский театральный техникум и проходил стажировку в Малом театре в Москве. Были также приглашены режиссер Али Ибрагимбеили, театральный художник Мушег Сагинян из Баку. Они стали преподавателями студии. Вначале коллектив обучали театральному делу. Работали с ним русские, азербайджанские, грузинские режиссеры, которые были больше практиками театра, чем педагогами.

Чтобы в постановках спектаклей верно отражать жизнь чеченского народа (репертуар театра в этот период был целиком построен на национальных пьесах), Туганов, Алили и Сагинян в сопровождении Биалала Саидова и других ездили по самым отдаленным горным аулам, посещали свадьбы, похороны, даже вечеринки, выбирали способную молодежь для обучения в студии. Студийцы постепенно переодевались в европейский костюм, но долго не хотели расставаться с кинжалами. При студии организовали агитгруппу типа «Синие блузы». Декламация, скетчи, концерты, праздничные тематические обзоры – репертуар этой группы. Гвоздем программы почти всегда были студийцы Эскерханов и Мусаев – комедийные актеры, рассказчики-импровизаторы, в своем творчестве идущие от устного народного театра. Халим Мусаев до конца своей жизни удивлял слушателей мастерством необычайно живого рассказа, выразительной игрой, глубочайшим юмором чеченского национального народного творчества.

С этого момента чеченский театр развивает, по тому времени, бурную деятельность. За полугодие 1931 года студия дает 31 спектакль как в городе, так и в районах, имея в своем репертуаре целый ряд, правда, еще слабых, но всегда актуальных национальных пьес. В 1932-м студия дает 27 спектаклей в Итумкалинском, Надтеречном, Сунженском районах. А в мае 1933 года выпускает первых 16 актеров. Среди них – Мовжди Бадуюв, Тапа Исаев, Осман Горчханов, Асет Исаева, Шамсудин Кагерманов, Асет Ташухаджиева, Баудин Эльмурзаев, Исмаил Ибрагимов, Тута Алхазов, Вера Ткачева-Панчуева, Александра Ковтун-Ибрагимова, Абухаджи Туликов, Биалал Саидов, Абдул-

Сцена из спектакля «Красная крепость» по пьесе Саида Бадиева.

Хамид Минкайлов, Абубакар Панчугев, Махмуд Мальсагов, Халим Мусаев, Салман Мальсагов и другие.

15 июня 1933 года студийцы показали свой дипломный спектакль по пьесе Саида Бадиева «Красная крепость» о Гражданской войне в Чечне. Теперь театр-студия по праву стал называться Чеченским государственным драматическим театром. Театр сразу же завоевал широкую популярность. В 1933 году газета «Известия» писала: «Театр работает чрезвычайно напряженно: выезжает для постановки в аулы, продолжает оставаться студией, обучающей актеров грамоте и театральному мастерству, он ищет пути показа зрелища без боковых декораций, мешающих зрителю, он пытается приспособиться к условиям аула, когда негде поставить подмости и негде разместить зрителей. И уже в аулах молодежь, девушки приходят к актрисам и спрашивают, как им уйти из аула и попасть в театр. Они решаются на это, не боясь проклятий своих матерей»⁷.

Театр и драматургия неразрывно связаны между собой, кровно заинтересованы друг в друге, они не могут развиваться один без другого. Именно такой тесный союз сложился между чеченским национальным театром и драматургами. Особенно выдающаяся роль в развитии театра, зарождении и развитии национальной драматургии принадлежит основоположнику чеченской литературы Саиду Бадиеву. Вся его творческая деятельность связана с театром. Менее чем за десять лет он создал полтора десятка оригинальных пьес. А «Петимат», его классическая пьеса, навсегда вошла в репертуар Чеченского театра⁸.

В 1934 году Москва приняла решение об объединении Чеченской и Ингушской автономных областей и образовании единой Чечено-Ингушской автономной области, которая через два года получила статус республики. Одновременно произошло объединение и театральных студий, был создан Чечено-Ингушский государственный драматический театр⁹. В том же году, наверно, по инициативе Москвы, руководство республики обратилось к властям Грузии с просьбой помочь в становлении вайнахского театра. Выбор в пользу Грузии опять же, скорее всего, был сделан из-за известной близости грузинского народа к вайнахам. Грузинские власти откликнулись согласием, и в Тбилиси для учебы в театре Руставели уехала группа студентов из Чечено-Ингушетии. А для работы с оставшейся труппой в Грозный командировали известного режиссера Арчила Чхартишвили, ученика Сандро Ахметели.

Жесткая требовательность и методы работы художественного руководителя для коллектива оказались непривычно суровыми. Под его руководством Чеченский театр приобретает профессиональную форму с установленной структурой и планом работы. До этого в театре не было художественного руководства. Режиссер ставил спектакль, и на этом его заботы кончались, что сильно сказывалось на общем культурном уровне и тормозило рост молодого коллектива, полного творческих возможностей и энергии. И в театре попытались вести некую просветительскую работу: во время репетиций режиссер читал что-то вроде лекций по литературе и драматургии, рассказывал о достижениях мирового театрального искусства и актерского мастерства. Так расширялся кругозор актеров, поднимался общий культурный уровень. Чхартишвили поставил пьесу Сандро Шаншиашвили «Анзор» на революционную тему, за ней «Ламару». Сотрудничество чеченского и грузинского театров влило новую струю в братские связи двух народов. С этих пор грузинская драматургия занимает на чеченской сцене прочное место.

Чечня рождает новых драматургов. Для Саида Бадиева театр становится и рабочим кабинетом, и творческой лабораторией, он буквально днюет и ночует в театре. Именно в эти годы им созданы пьесы, ставшие классикой чеченской драматургии: «Золотое озеро», «Красная крепость», «Женитьба Цазбы», «Политотдел», «За большевистский сев», «Закон отцов», «Не всегда мулле байрам», «Горы меняются», «Семья чабана», «Петимат» и многие другие, вошедшие в золотой фонд чеченского театра. Сколько всего пьес им написано, неизвестно, говорят, более 15-ти, но, судя по плодovitости автора, их могло быть больше. Еще неизвестны все названия его пьес. Пока же найти удалось только драму «Петимат».

Под руководством Арчила Чхартишвили при участии художника Ираклия Гамрекели, заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР, который прекрасно оформил спектакль «Анзор», Чеченский театр показал свои творческие возможности, поднялся на первую ступень профессиональной работы. Чхартишвили месяцами разъезжал по районам, изучая быт, нравы и обычаи чеченского народа, чтобы потом украсить очередной спектакль сочной подробностью из обыденной жизни горцев, что нравилось рядовому зрителю. Режиссер работал для зрителя, актеров гонял до седьмого пота и себя не жалел, чтобы потом вместе радоваться творческой удаче. И всегда его спутником в поездках был Саид Бадиев, творческая судьба которого до конца жизни писателя связана с Чеченским театром. Близость национальных особенностей чеченцев и грузин помогает Арчилу в поисках национальной формы чеченского театра. Он обогащает его переводными пьесами из драматургии соседних народов, но по содержанию близкой чеченской действительности. Благодаря этому, 1935 год отмечен творческим ростом театра, который осуществил 4 новые многоактные постановки.

Несмотря на серьезную подготовительную работу, Чхартишвили не избежал ошибок. Так, например, в постановке «Анзор» он без изменений перенес грузинский вариант спектакля на чеченскую сцену. Постановщик не учел специфику чеченского менталитета. Характеры двух народов, хотя во многом схожи, но и во многом разнятся. Поэтому суэта и бег действующих лиц на сцене, особенно обморок главного героя Анзора при вести о смерти детей, выглядели чужеродным элементом. Такое поведение не свойственно сдержанным по характеру чеченцам. Таких погрешностей в спектакле было немало. Ошибка режиссера показала слабость и несамостоятельность работников театра, в том числе актеров, которые должны были предостеречь режиссера от подобных ляпов этнографического порядка.

В 1936 году в театр влились студийцы, проучившиеся почти два года в грузинском театре имени Руставели. Правда, никакого курса обучения они там не прошли, однако тем, кто хотел, первые элементарные навыки сценического искусства там были привиты, не говоря о пользе, которую должно было дать тесное общение и наблюдение за работой крупных мастеров искусства, широко представленных в театре Руставели.

Чеченский театр скитался по разным приспособленным помещениям. После долгих обращений в 1937 году¹⁰ власти республики предоставили национальному театру стационарное помещение – бывший Дом культуры инженерно-технических работников, ДИТР, где театр проработал до 1978 года. Впрочем, и русский театр работал в бывшем кинотеатре.

Тридцатые годы XX века оставили в жизни всех народов бывшего СССР кровавый след. Смертельным вихрем прошли они и по судьбам огромного числа чеченцев, по

жизни всего народа, и без того изуродованной прежней историей и годами существования в составе империи. Тяжелый каток достал и Чеченский театр. Его начало лихорадить еще раньше. В Грузии арестовали Сандро Ахметели, ученика Котэ Марджанишвили. Тогда из Чечни сразу отозвали Арчила Чхартишвили, который вложил столько сил и энергии в развитие этого коллектива.

Отъезд талантливого режиссера посеял уныние в стенах театра. Но работа продолжается. К постановке принята очередная драма Бадиева «Петимат». Заглавную роль поручили еще совсем юной актрисе Тамаре Алиевой. Однако премьера не состоялась: в ночь генеральной репетиции спектакля автор драмы Саид Бадиев был арестован. Спектакль исключили из репертуара как лживое произведение врага народа. Исчезли его драматические произведения. Из полутора десятков пьес чудом сохранилась одна драма «Петимат».

«Чистки» Сталина выкосили людей, которые много раз доказали свою преданность власти, даже воспевали ее. Наверно, потому что это были наиболее талантливые люди. В произведениях Бадиева не было ни одной антисоветской строки. Правда, в некоторых из них автор затрагивает вопросы взаимоотношения власти и народа, которые при всех режимах были сложными. В таких случаях автор переносил действие на период царской власти.

Нужно ли говорить, какое удручающее впечатление произвел его арест на театр, на писателей, на всю творческую интеллигенцию?

Конечно, произведения Саида Бадиева, в том числе и драма «Петимат», были тут не при чем. Самая строгая экспертиза не доказала бы их антисоветское или антинародное содержание. Но такую оценку дала им власть. Кто, рискуя собственной жизнью, посмеет возразить ей?

Режиму нужен был, точнее, не нужен был лично Бадиев. Иначе, по логике НКВД, было бы также арестовано руководство театра, принявшее «Петимат» в репертуар, как единомышленник и пособник врага народа, и неизвестный режиссер-постановщик спектакля. Но ничего подобного не случилось. Вот такая неувязка. Власть не стеснялась и не стыдилась никого и ничего.

Аза Газиева в своей статье в журнале «Вайнах» «Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви», которую я цитирую, пишет, что это событие произошло в 1938 году. Однако Абдурахман Авторханов говорит, что Бадиева арестовали в 1937 году и уже в марте того же года расстреляли. Думаю, что знаменитый политолог, свидетель тех событий, вращавшийся в высших властных кругах того времени, а потом тщательно изучавший для своих произведений деяния сталинского режима, не ошибается.

В 1938 году¹¹ в театре появляется первый профессиональный национальный режиссер, Гарун Батукаев, чеченец, окончивший режиссерский факультет ГИТИС. Для дипломного спектакля он взял грузинскую пьесу-сказку «Храбрый Кикила» Георгия Нахуцришвили и Ираклия Гамрекли. Постановка произвела в известном смысле революцию как в самом театре, так и в театральной жизни республики. По поводу музыки, танцев и песен сомнений не было. Революционной новизной было то, что впервые на чеченской сцене появились восточные танцовщицы в прозрачных газовых костюмах. В то время это было все равно, что выйти женщине на сцену в голом виде. Именно этот момент больше всего волновал режиссера. По спектаклю такая сцена во дворце царя Дахтингура просто необходима, а как ее примет чеченская публика? Но все обошлось. Позже очевидцы и участники спектакля вспоминали: мужская часть зрительного зала визжала от восторга. Разумеется, их так взволновал не художественный образ сцены во дворце царя, а прозрачные одежды актрис.

Спектакль оказался долгожителем сцены, его с неизменным успехом играли до самой войны. Зрителей захватывала блестящая ансамблевая игра актеров, в спектакле были заняты артисты Мовжди Бадиев, Яраги Зубайраев, актрисы Тамара Алиева, Халимат Мустапаева, Хава Хакишева.

Опираясь на понимание, что театр – синтетическое искусство, постановщик спектакля Гарун Батукаев привлек к работе над ним поэта Арби Мамакаева и музыканта Умара Димаева, написавших для него несколько песен, в том числе главную песню Кикилы – «И сила уступает уму, когда в бой с ним вступает».

Потом Батукаев ставит «Честь» Георгия Мдивани, «Лекаря поневоле» Жана-Батиста Мольера – первое произведение классической драматургии в Чеченском театре, «Асет» Нурдина Музаева на тему колхозного строительства, «Платон Кречет» Александра Корнейчука, «Бэлу» Михаила Лермонтова. Повесть Лермонтова инсценировала Нина Алибегова. Эти спектакли пользуются заслуженным успехом у зрителя своего времени.

Однако растет культурная потребность масс. Множатся ряды новой интеллигенции из чеченцев и ингушей. Зритель предъявляет театру повышенные требования. Его уже не удовлетворяют плоские, писанные на фанере, декорации, начинает различать фальшь в актерской игре, отмечает злоупотребление некоторыми актерами своими голосовыми данными. Зритель требует от театра утонченной работы, реалистической трактовки и создания полнокровных образов. Он хочет видеть свой театр настоящим профессиональным коллективом без всяких скидок на незрелость.

Отвечая этим потребностям, в 1938 году республика проводит ряд мероприятий. По просьбе республики, при ГИТИСе открывается Чечено-Ингушская актерская студия, ее руководителем стал режиссер и педагог Минай Германович Минаев. В Москву посылают 42 чеченца и ингуша, в числе их двенадцать девушек, среди которых член Верховного Совета ЧИАССР Ташухаджиева, работающая в театре с его первых дней. Туда посылаются люди, прошедшие специальные испытания и выдержавшие конкурс. Часть из них – это бывшие актеры театра, все имеют тогдашнее среднее образование в семь классов. Сам факт командировки молодых людей в Москву явился для Чечено-Ингушетии значительным событием. Однако потребовалась большая разъяснительная работа среди родителей командированных ребят, особенно потрудились с родителями девушек.

Трудно переоценить значение открытия актерской студии в Москве. Ее выпускники должны были поднять театр на следующую творческую ступень. На них возлагали большие надежды, ждали, что через 5 лет, в 1943 году домой вернуться профессиональные артисты с высшим специальным образованием, обогащенные глубокими знаниями, опытом великого русского искусства, которые, без сомнения, сыграют главную роль в творческом развитии как драматического театра в частности, так и вообще национального искусства, оставит глубокий след в истории культуры чеченского народа. Залогом такой перспективы служила положительная оценка, которую давали преподаватели работе студийцев, среди них лучший из отличников Тапа Исаев, пришедший в театр еще ребенком, получал Сталинскую стипендию.

Но этим мечтам не суждено было сбыться, учеба студии прервалась началом Великой Отечественной войны. Почти вся мужская часть студии ушла на фронт в составе Краснопресненского истребительного батальона Московского ополчения. В боях за Москву, Украину, на Калининском фронте, в Германии, Венгрии сложили свои головы за победу и покрыли себя неувядаемой воинской славой Исмаил Ибрагимов, Сайд-Ахмед Алхазов, Абу-Хаджи Туликов, Сайд-Ахмед Докаев, Магомед Мамаев, Магомед Сапаров, Ахмед Гериханов, Тапа Исаев, Хусейн Баркинхоев, Мовлди Магомадов, Асланбек Мациев. В живых осталось лишь пять человек: Абдулла Цароев воевал в составе особого партизанского отряда легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Медведева. За мужество и отвагу Цароев награжден орденом боевого Красного Знамени, 2-мя орденами Красной Звезды, медалями. Вернулись домой Ширвани Сагабаев, Мухтар Ханиев, Айнди Атуев, кавалер орденов Славы Хасан Шоипов. Они вписали свои имена в героическую летопись Великой Отечественной войны.

К оставшимся в театре товарищам пришли новые силы, в основном из учащейся молодежи, вернулись из Москвы несколько ребят, в том числе Ваха Татаев, Абдулла Хамидов и девушки-студентки. В руководство приглашены театральные специалисты. Художественным руководителем театра стал режиссер со специальным образованием Владимир Вайнштейн, работают с театром композитор Александр Александров, художник Эдгар Бернгард. Некоторое время в театре работал художник Магомед Магомаев, сын композитора из чеченцев Муслима Магомаева, отец знаменитого певца Муслима Магомаева. Говорят, работал года два, но в 1942 году добровольцем ушел на фронт и не вернулся.

Обновившись хорошим составом театральных специалистов по всем цехам,

Чеченский театр уверенно пошел в творческий рост от спектакля к спектаклю, успешно завоевывая признательность не только национального зрителя, а зрителя братских народов, ставшего в последнее время нередким гостем в театре. Начиная с 1938 года, в театре вводится непрерывная обязательная учеба для всего актерского коллектива с целью повышения их квалификации. Преподают такие предметы, как история партии, Конституция СССР, мастерство актера, грим, дикция, родной и русский языки, читаются курсы лекций по истории литературы, театра и другие.

Имевшийся при театре небольшой оркестр национальных инструментов по своим возможностям не позволял композитору развернуться так, чтобы полноценно сопровождать спектакли музыкальным оформлением. По инициативе Александра, его преобразуют в симфонический оркестр. В него включались по мере надобности национальные инструменты.

Вместе с ростом Чеченского театра в том же 1938 году в республике произошло еще одно событие большого культурного значения: родился новый художественный коллектив – Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски. Ядром ансамбля стали актеры, до того работавшие в театре: Махмуд Эсамбаев, Андарбек Садыков и другие. Туда же ушел оркестр национальных инструментов. Вместе с этим театр прекратил концертную деятельность, которую в силу потребности зрителей вел до сих пор. Теперь он занялся исключительно драматическими произведениями. А ансамбль, выросший в короткие сроки в самостоятельную художественную единицу, с успехом гастролировал по стране, представляя союзному зрителю хореографическое и вокальное искусство Чечено-Ингушетии.

В 1939 году в театре идут такие постановки, как «Очная ставка» братьев Тур и Шейнина, «Горцы» Романа Фатуева в постановке художественного руководителя Владимира Вайнштейна. Эти работы критика отметила как спектакли, которые повели актера от внешней игры к глубокому вхождению в ткань произведения, к психологической разработке характеров, созданию настоящих художественных образов. В спектакле «Очная ставка» актеры Ибрагимов¹² (Ларцев), Горчханов (Кремер), Бадуев (Гуревич), Исаева (Лида) показывают большое мастерство и понимание новых задач, поставленных перед ними художественным руководителем. Спектакль «Храбрый Кикила» Гамрекели и Нахуцришвили в постановке Батукаева показал, какое большое значение в театре имеет дружная работа режиссера, актера, композитора и художника. Этот спектакль прочно вошел в творческий актив театра. Автор постановки Батукаев в 1958 году вернется к этой пьесе-сказке еще раз, после восстановления Чечено-Ингушской Республики. Песни спектакля вышли в народ, а имена Кикилы и Вахушты стали нарицательными.

В том же 1939 году в театр пришли новые национальные драматурги Биал Саидов, Я. Исламов (Халид Ошаев). Пьеса Саидова «Зайнап» отразила момент героической борьбы горцев за свою независимость в 80-е годы XIX столетия. В пьесе Исламова «Борьба продолжается» развернуто художественное полотно из эпохи Октябрьской революции на Северном Кавказе, борьбы горцев за свободу под руководством русского пролетариата, впервые в драматургии создан образ пламенного чеченского народного героя Асламбека Шерипова.

Постановка этого спектакля, как и других национальных пьес, явилась результатом большой работы, которую ведет театр с драматургами. В этом деле театр создал вокруг себя актив из местной интеллигенции – научных работников педагогического и научно-исследовательского институтов, Союза писателей, работников республиканских газет. Спектакль «Борьба продолжается» в постановке В. Вайнштейна помог полностью проявить свои актерские способности Эльмурзаеву в роли Асламбека Шерипова, молодой актрисе Алиевой, сыгравшей с большим тактом и мастерством для своих 17-ти лет трудную роль подпольщицы-большевички Анны Ивановны. Спектакль предоставил возможность актеру Бекмурзаеву в роли партизана Ильеса показать весь свой огромный темперамент и внутренний ритм. Блестяще была исполнена Бадуевым роль руководителя подпольной большевистской организации Петровича. Зубайраев создал запоминающийся образ садиста – начальника контрразведки Редискина.

Хронологически перед спектаклем «Борьба продолжается» Я. Исламова были поставлены пьесы «Хаджи Насреддин» Эльтона и «Зайнап» Саидова. Хотя с точки зрения исполнения они не снизили общий уровень постановок театра, но успех

Актрисы Чеченского театра.

Слева направо: Зинаида Исакова, Асет Исаева, Вера Ткачева (по мужу Панчуева), Мария (фамилия неизвестна), Асет Таиухаджиева, Александра Ковтун (по мужу Ибрагимова). 1933 год.

имели нешумный, послужив главным образом накоплению художественных сил для последующей, более обширной и углубленной работы.

Успех пьесы «Борьба продолжается» можно объяснить и тем, что перед нею актеры как бы практически закрепили весь свой опыт теоретических и специальных познаний, полученных в процессе учебы и поездкой в творческую командировку в Москву, предоставленной республикой осенью 1939 года. Артисты в течение 20-ти дней имели возможность наблюдать «черновую работу», смотреть спектакли лучших театров, видеть игру величайших мастеров театра – заслуженных и народных артистов республики, народных артистов СССР, посетить основные музеи столицы, познакомиться с ее достопримечательностями, редчайшими произведениями живописи и зодчества. Поездка имела большое познавательное значение для многих актеров Чечено-Ингушского драматического театра, расширила их горизонт, наглядно показала, каким трудом достигаются благодарные вершины театрального творчества. Не случайно, что после той поездки, во время подготовительной работы над пьесой «Борьба продолжается» актеры в большинстве своем впервые спустились сами к историческим архивам, окунулись в музеи, библиотеки. Они самостоятельно искали материалы, нужные для полной характеристики и раскрытия внутренней психологии, социальной и классовой сущности создаваемых ими образов.

Результаты не замедлили сказаться. По творческим возможностям Чечено-Ингушский театр становится в один ряд с национальными театрами народов Северного Кавказа, и даже превосходит некоторые из них. Отличительной чертой театра отныне является активная репертуарная политика. Он настойчиво работает с авторами и стремится иметь оригинальный репертуар, не жить исключительно копированием столичных постановок, как это часто практиковали многие провинциальные театры.

Желая отметить столетний юбилей со дня смерти гениального русского поэта М.Ю. Лермонтова, почитаемого и чеченцами, и, следуя своей традиции идти самостоятельным путем, театр заказал драматургу Алибеговой инсценировку повести «Бэла» Лермонтова. Автор в достаточной мере справился с предложенной темой и, несмотря на колоссальную трудность подачи синтетического образа Печорина в одном отрывке, каким является повесть, сумел показать этого состарившегося юнца, отпрыска своего класса и времени, прикосновение которого ко всему живому оказало тлетворное воздействие. Более или менее удачно выписаны и остальные персонажи повести. Постановка была высоко оценена репертуарной комиссией. Юбилейный десятый сезон 1940–1941 годов театр открыл в реконструированном здании спектаклем «Бэла» в постановке Батукаева. Это был романтический спектакль, в нем зритель почувствовал

эпоху Лермонтова и его поэтический стиль. Постановщик попытался приблизить тему повести к чеченскому зрителю, определив местом действия Чечню, решив это на том основании, что Лермонтов своих героев называет то черкесами, то чеченцами. Это была вольность, ошибка и серьезная натяжка театра. Этнография Лермонтовкой «Бэлы», безусловно, черкесская. И хотя современники спектакля утверждают, что эта вольность не коверкала ни события, ни характеры произведения Лермонтова, автор постановки вольно или невольно исказил характер чеченцев, совсем не похожих на черкесов. Если Лермонтов, как все российское общество того времени, не имел возможности подробно изучить различия в нравах и обычаях горских племен Кавказа, путал все народы, то современный художник, тем более сам горец, должен был знать, что некоторые поступки героев Лермонтова никак не могут быть совершены чеченцами. Например, отдать сестру за коня.

Также Гарун Батукаев, чеченец по национальности, режиссер спектакля «Бэла» не избежал российского стереотипа восприятия кавказских народов. Герои пьесы и в его постановке рвали страсти, кричали и бегали по сцене.

Россия всегда имела превратное представление о характере, обычаях и традициях горцев Кавказа или нарочно утрировала, коверкала их в идейно-политических целях. Подавляющее большинство ее эмиссаров изучали их предвзято, воспринимали их и оценивали с точки зрения христианских и русских ценностей. Этому способствовали сами дети Кавказа. Еще в 1863 году член-корреспондент Петербургской Императорской Академии наук барон Петр Услар писал: «В эпоху романтизма и природа, и люди на Кавказе были непонятны. Нельзя было фантазировать насчет природы, тотчас нашлись бы ученые, которые уличили бы в несообразностях. Но ничто не мешало фантазировать сколько душе угодно насчет людей. Горцы не читают русских книг и не пишут на них опровержений. Горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, сами всячески поддельвались под Амалат-беков, Казбичей и т.п. В таком маскарадном виде только и могли они оказаться интересными для русской публики, иначе, что же могло быть интересного в этих недоучившихся кадетах? Горцев не можем себе представить иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, людей, режущих направо и налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики! Другие читатели, более рассудительные, все-таки верили в возможность существования такого племени беснующихся, но вместо восторга советовали истребить их с корнем вон». Так что, в своей кровожадности царский генерал Ермолов был не исключением и не оригиналом в желании «истребить с корнем вон» народы Кавказа.

Среди «одержимых беснованием» чеченцев не было, но этот факт не уберег их от такого же стереотипного отношения. «Истребить их с корнем вон!» Это отношение высшего общества России к нерусским народам. Генерал Ермолов, который воевал с чеченцами и люто их ненавидел, как сказали бы сегодня, озвучил это по отношению к чеченскому народу по-солдатски прямо. Более того, сделал целью своей жизни: «Я не успокоюсь до тех пор, пока будет жив хоть один чеченец». В наши дни у Ермолова есть верные последователи. В минувшую войну они поступали точно так же.

С тех пор, как барон Услар написал приведенные строки, до первой постановки «Бэлы» в Чеченском театре прошло 80 лет. Произошли колоссальные сдвиги, прошла череда исторических эпох, сменилось три общественно-политические формации, направления в литературе и искусстве – романтизм, советский социалистический реализм. А взгляд на горцев, их понимание российской общественностью, отношение к ним до сих пор остается на уровне XIX века. «Горцы не пишут опровержений» на клеветнические статьи, книги, исследования и кино, рисующие их в корне неверно и неверно информирующие общество. Эти клеветники от литературы, науки, политики сопровождают чеченский народ во всей его истории с момента соприкосновения с Россией. К сожалению, даже среди самих горцев находятся писатели, в том числе и молодые, до сих пор следующие этой вредной традиции, попадающие под влияние Амалат-беков и Казбичей светских салонов Петербурга, некритически подражающих писателям прошлого. Потому и в начале XXI века чеченцев с подачи официальной пропаганды считают разбойниками, грабителями, убийцами. И даже физически и

психически деградирующим, вырождающимся народом. Тем более нельзя допускать, чтобы со сцены кавказского театра продолжало выглядывать лицо «беснующегося», «маскарадного» горца.

С такой экзотической интерпретацией образов чеченцев в истории и литературе, в политике и идеологии, в этнографии и в театре надо было повести решительную борьбу. Тем не менее в спектаклях «Честь», «Горцы», «Зайнап», «Борьба продолжается» очень часто появлялся «беснующийся» горец, рвущий страсти и даже говорящий с каким-то особым акцентом.

Сегодня каждому, кто хочет заниматься художественным творчеством и показывать в той или иной сфере искусства образы кавказских народов, нужно рисовать реальных горцев, без патологии, как бы заманчиво это ни было. Крики, бурная жестикация, суетливая беготня – это поверхностное, упрощенное изображение эмоций. Чеченцев всегда отличала предельная сдержанность, в чувствах в первую очередь. Подлинные чувства, как правило, бушуют внутри нас, но проявляются сдержанно, и тем сильнее действуют на слушателя.

В своих исканиях национальной формы театр, и в первую очередь режиссеры, должны исходить из жизненной правды и реальности образов, должны добиваться создания таких сценических характеров, чтобы зритель узнавал в них свой народ по игре артистов, переживал факты, преподносимые формами выражения эмоций своего народа. Тогда он поверит в сценическую правду, тогда слезы и смех на сцене не будут вызывать обратную реакцию зрительного зала.

Надо сказать, что композитору Александрову в этом отношении нельзя было бросить упрека, его музыка вытекала из событий, разворачивающихся на сцене, иногда предшествовала им, правильно подготавливая зрителя к восприятию того или иного события. Доказательство тому – сохранившаяся партитура его музыки к спектаклям. Основанная на элементах народных мелодий, чутко обработанных композитором, она не диссонирует и, впервые исполняемая симфоническим оркестром, остается близкой уху, привыкшему слышать народные мелодии. В этом заслуга Александрова как художника, оправдаввшего свой принцип построения симфонического оркестра с участием народных инструментов.

Десять лет напряженной работы, роста и творческого поиска, десять лет служения своему народу не могли не сказаться и на самом коллективе актеров. От самодеятельного кружка к профессиональному драматическому театру. От одиночек, небольшой группы энтузиастов в быту, борцов против адатских пережитков, пионеров Чеченского искусства до культурного и дисциплинированного коллектива, по праву занимающего центральное звено в цепи развития национального по форме и содержанию искусства Чечено-Ингушетии – вот путь, который пройден театром.

Десятый год жизни принес много событий в театр. Театр имел двух представителей в горсовете, членами которого были избраны завоевавшие доверие масс депутаты Гарун Батукаев и Роза Бутиева. Пять лучших молодых актеров приняты в ряды ВКП (б). А постановлением Президиума Верховного Совета ЧИАССР от 1939 года присвоены почетные звания заслуженных артистов республики семи наиболее талантливым работникам театра: художественному руководителю Владимиру Вайнштейну, режиссеру Гаруну Батукаеву и актерам Мовжди Бадуюеву, Яраги Зубайраеву, Ильясу Ибрагимову, Камалу Ильясову, Осману Горчханову. Что говорить, эта оценка государством работы театра – огромное событие в истории чеченского искусства. Она подняла коллектив на борьбу за дальнейший рост и процветание народного творчества. Театр впервые выехал с четырьмя спектаклями и объемными декорациями в районы республики. Появление театра в том или ином районе являлось событием для населения, артистов встречали с искренней радостью и любовью.

Театр встречается и с иным зрителем. Более половины зала теперь всегда заполняется горянками, чего не было в первые годы его работы. В театр пришел новый зритель, он не такой, каким был десять лет назад – наивный и слишком эмоциональный. Он уже хорошо разбирается в сценическом искусстве, он культурен, дисциплинирован. В Ленинградском институте преподаватель, говоря о силе воздействия театрального искусства на зрителя, рассказывал нам случай, как когда-то в одном из театров Америки показывали трагедию «Отелло». Белые американцы стреляли в актера, который играл

заглавную роль. Такое бывало и у других народов. Говорят, были похожие случаи и в истории Чеченского театра. Актеры рассказывали нечто подобное. Избежать жертв удавалось чудом. Чеченский зритель еще был неискушенным и эмоциональным, часто все, что происходит на сцене, принимал как реальную жизнь, он пытался вмешаться в сценическое действие. Тогда останавливали спектакль и разъясняли публике, что театр только изображает жизнь, что, в конце концов, добро обязательно победит зло.

Случай со стрельбой привела и Газиева Аза¹³. В Алхан-Кале на республиканской конференции красных партизан в 1933 году театр-студия давал свой дипломный спектакль «Красная крепость» по одноименной пьесе Саида Бадугева. Театр решил сделать подарок старым партизанам. Когда спектакль начался, и по сюжету на сцене белые стали побеждать красных, в зрительном зале поднялась пальба. Тогда из памяти народа еще не стерлись военные события революции и Гражданской войны. Сердца чеченских партизан, воевавших вчера с белогвардейцами, не выдержали, и старые вояки открыли огонь по актерам, играющим белых офицеров. По чистой случайности жертв и пострадавших не было. Пришлось опустить занавес, а руководству театра выйти в зал и пояснить возбужденной публике, что на сцене идет лишь представление, что превосходство белогвардейцев временное, в конце красные победят, как было в жизни. Зал успокоился, прерванный спектакль продолжили. Белого офицера, в которого стреляли, исполнял тогда совсем молодой актер Яраги Зубайраев.

Мовжди Бадугев рассказывал, как однажды театр давал спектакль в открытом поле, усадив зрителей полукругом напротив импровизированной «сцены». По сюжету Бадугев произносил серьезный монолог, читал его с опущенным в землю взором. Вдруг раздался взрыв неуместного смеха. Подняв голову, он увидел огромную собаку, которая в тишине подошла к нему и с любопытством внимала артисту. Все это было в прошлом. Теперь дисциплина и культура зрителей возросла намного.

---

¹ Магомед Яндаров происходил из интеллигентной семьи, главным образом военных.

² После восстановления ЧИАССР Хасан Магомаев долго был директором Грозненского культурно-просветительного училища.

³ Аза Газиева в статье «Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви» (ж. «Вайнах» № 3, 2004 год) пишет, что в государственную студию влились только участники кружка Яндарова. Вряд ли только они. Таких кружков было много, наверно, все же отбирали лучших из разных кружков.

⁴ По другим сведениям, выпускников было 23 человека.

⁵ Владимир Шатов – актер и режиссер. После выселения чеченцев и ингушей он возглавил Грозненский театр юного зрителя.

⁶ По другим сведениям, Назарбек до революции служил профессиональным актером в Тифлисском театре.

⁷ Ю. Айдаев. Рожденный Октябрем. «Грозненский рабочий» от 30 апреля 1981 года.

⁸ Там же.

⁹ Хотя объединенный коллектив официально назывался Чечено-Ингушским театром, фактически это был Чеченский театр. В нем одновременно работали не более трех актеров-ингушей, поэтому спектакли он играл исключительно на чеченском языке. Пьесы ингушских авторов ставились в переводе на чеченский язык.

¹⁰ Эту дату сообщает Идрис Базоркин. Может встретиться информация, что это здание театру предоставили годом раньше, в 1936-м. Поверим Базоркину, поскольку в 1938–1941 годах он был директором театра.

¹¹ Идрис Базоркин – тогда директор театра, называет 1937 год. Но ГИТИС Батукаев окончил в 1938 г. В 1937 году он, наверно, появился в театре для постановки дипломного спектакля.

¹² Исмаил Ибрагимов поехал учиться в ГИТИС позже.

¹³ А. Газиева. Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви. Ж. «Вайнах» № 3, 2004 год.

Продолжение следует.

Книжные новинки**Судьба неизвестна**

15 февраля 2012 года в офисе журнала «ДОШ» состоялась презентация новой книги ПЦ «Мемориал» «Судьба неизвестна». В ходе Второй чеченской войны тысячи человек были похищены и исчезли, став жертвами «эскадронов смерти». «Жители Чеченской Республики, задержанные представителями федеральных силовых структур в ходе вооруженного конфликта и бесследно исчезнувшие или убитые. Осень 1999 года – 2000 год» – первый том в предполагаемой серии.

Под одной обложкой собраны имена большинства жертв насильственных исчезновений первого года «контртеррористической операции». В кратких справках приведены сведения о похищении человека, о предпринятых поисках, о ходе официального расследования, а если родственники обращались в Страсбург – о рассмотрении дела в Европейском суде по правам человека. Событийный и правовой контекст этих преступлений дан в предпосланной спискам аналитической статье.

Книга содержит сведения о 384-х жителях Чеченской Республики, задержанных «силовиками» и впоследствии исчезнувших или найденных убитыми, и о 187-и пропавших без вести в этот период. Уголовные дела по фактам похищений или убийств были возбуждены с большим запозданием, и ни одно не было доведено до суда или хотя бы до предъявления обвинения. Между тем, Европейский суд по правам человека рассмотрел уже 26 жалоб родственников людей, исчезнувших в 2000 году, и по всем вынес решение об ответственности властей страны как за сами преступления, так и за их нерасследование. Ставшие распространенной и систематической практикой насильственные исчезновения следует, в соответствии с Конвенцией 2006 г., квалифицировать как преступление против человечности, не имеющее срока давности.

Аннотация предоставлена ПЦ «Мемориал»

К нашим иллюстрациям**Творчество для души**

Артур Абдуллаев – выпускник Чеченского государственного педагогического института факультета «Изобразительное искусство».

Родился 10 июля 1984 в Дагестане, позднее семья переехала в село Кошкельды Гудермесского района Чеченской Республики. В 1990 году пошел в школу. Во время второй военной кампании учебу пришлось продолжить в Республике Ингушетия, в селе Яндаре. Там же, в 2002 году, Артур окончил среднюю школу. С детства много рисовал, хотя в семье никто изобразительным творчеством не увлекался.

В 2004 году, когда семья вернулась домой, поступил в Новогрозненское художественное училище, которое возглавляет талантливый художник, заслуженный деятель культуры ЧР, Адам Ильясов. Его первым наставником стал Джабраил Дибиров – член Союза художников РФ.

Училище Артур так и не окончил – преподаватели посоветовали, не упускать время и поступать в институт. Он поступил в вуз в том же 2004 году. В институте Артур занимался у народного художника ЧР Аманды Асуханова. Во время учебы принимал участие в республиканских и международных (в Румынии, Германии) выставках. В основном, это были коллективные выставки студентов института.

В 2010 году Артур с отличием окончил институт, остался на кафедре, где работает и сегодня в качестве ассистента. «Работать со студентами, – по словам Артура, – интересно, но намного интереснее писать то, что тебе ближе, для души... Сюжеты работ возникают у меня произвольно. Иногда могу по несколько часов работать и не заметить, как пролетело время».

Артур много работает, выезжает на пленэры, занимается самообразованием, изучает технику рисования. У него есть цель – поступить в аспирантуру.

Сейчас Артур готовится к персональной выставке. В марте этого года выезжает на знаменитую Академическую дачу, где собираются художники со всей России.

По словам В. Умарсултанова, председателя чеченского отделения Союза художников РФ, «Артур талантливый и перспективный художник. Легко работает с цветом, поэтому его работы такие мягкие, немного возвышенные».

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Возвращение», 2 стр. – «На окраине России», 3 стр. – «Дорога домой», 4 стр. – «Сезон дождей».

Тауса Терлоева

Сведения об авторах и переводчиках

Сулиман Мусаев (1972). Окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 году. Редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 года. Пишет на чеченском и русском языках. Публикации – в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», сборнике «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (М., 2009). Участник Совещаний молодых писателей республик Северного Кавказа (2008–2011 гг.), VIII, IX и X форумов молодых писателей России в Липках (2008–2009, 2010). Магистр малой прозы по итогам Всероссийского форума молодых литераторов в 2009 году.

Ахмет Денисулганов (1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммфон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.

Марем Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская» (2006), «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», газете «Вести республики».

Хожбауди Борхаджиев (1956). Родился в г. Караганде Казахской ССР. Является главным редактором Гудермесской районной газеты «Гумс», а также председателем правления Союза журналистов Чечни. Окончил филологический факультет Чеченского государственного университета. Является членом Союза журналистов и Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, заслуженный журналист Чеченской Республики. Соавтор коллективных сборников стихов «Лирика – 90» и «Возращение», а также книги «Культура Чечни. Испытание временем» (с Дени Сумбулатовым). Из-под его пера вышли также книги: «На линии фронта», «На выражах времени», «В дыму надежд» и «Терек. Восхождение к Кубку». Кавалер ордена Магомеда Мамакаева.

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Шамиль Хаджимурадов (1937). Родился в селе Элистанжи ЧИАССР. Окончил филологический факультет пединститута (ныне ЧГУ), Пятигорский институт иностранных языков в 1984 году. Около 30-ти лет работал учителем немецкого и русского языков в Казахстане и в с. Элистанжи. Пишет стихи, с 1987 года выходят его переводы немецких поэтов на русский язык. Публикуется с 1955 года (первая в Казахстане чеченская газета «Кхьинхьегаман байракх»), автор поэтического сборника для детей «Даггара» («От души»), Грозный, 1978 год.

Магомед Цунцаев (1992). Окончил Школу юных корреспондентов «Возрождение Чечни». Прозу пишет с 15-ти лет. Печатался в журналах «Вайнах», «Территория ЧЕ». Участник III Совещания молодых писателей Северного Кавказа (Домбай, 2010). В настоящее время – студент отделения журналистики ЧГУ, стажировается на телевидении.

Кати Чокаев (1929). Языковед, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Чеченского педагогического института. Участник региональных, всероссийских и международных научных форумов по вопросам истории, языка и культуры. Автор более ста научных работ, в том числе посвященных нахским языкам и фольклору. В республиканской прессе публикуется с 1960-х годов.

Саламбек Алиев (1977). Студент отделения журналистики ЧГУ. Пишет в жанрах прозы и публицистики. Печатался в журнале «Вайнах», газете «Грозненский рабочий» (ЧР) и в интернет-журнале «Пролог» (Москва). Участник IV Совещания молодых писателей Северного Кавказа (Цей, 2011).

Малика Ежиева (1968). В 1994 году окончила Чечено-Ингушский государственный университет по специальности: «Историк, учитель истории и обществоведения». В 1996 году – Международный институт управления, бизнеса и права по специальности «Юрист-менеджер» с получением степени бакалавра экономики. В журнале «Вайнах» публикуется с 2011 года.

Исмаил Мунаев (1949). В 1972 году окончил национальное отделение филологического факультета ЧИГУ. В 1981 г. в ИМЛИ им. А. М. Горького защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Фольклористика». Автор более 30-ти научных статей, книг «Вопросы поэтики чеченских героических песен илли. Опыт комплексного исследования» (1983), «Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли» (1984). Зав. сектором фольклора Института гуманитарных исследований АН ЧР, доцент кафедры чеченской филологии ЧГПИ.

Абдулла Гапаев (1941). Театровед. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии в 1964 году. Пишет театроведческие статьи. В советской центральной и республиканской печати публиковался с 1964 года (в газете «Правда» и многих других). Автор более 200-т театроведческих работ.